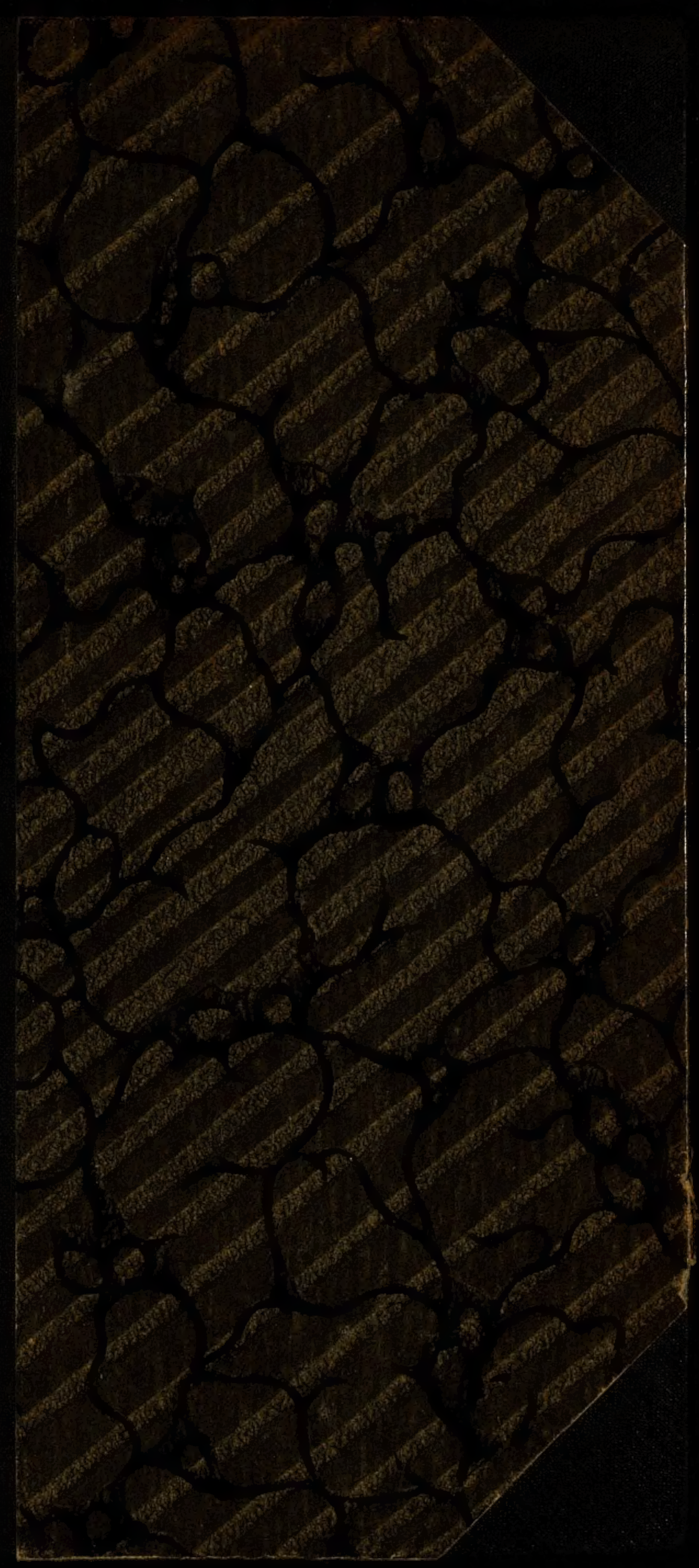
Бухарин

К итогам дискуссии

Н. И. БУХАРИН

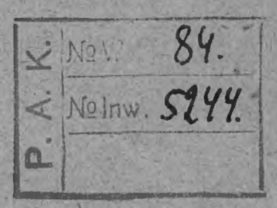
К ИТОГАМ ДИСКУССИИ

«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД
1926

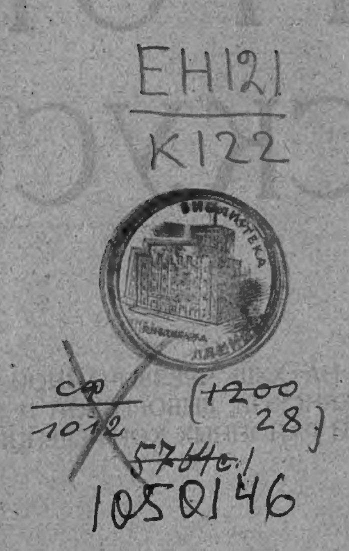
Н. И. БУХАРИН

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ

ДОКЛАДЫ НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ, ВЫБОРГСКОЙ И МОСКОВСКО-НАРВСКОЙ РАЙОННЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ВКП (б).

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД 1926

Ленинградский Гублит № 7753 Заказ № 1929. Тираж 30.000—7 л.

Государственная тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград. Социалистическая, 14.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

В настоящую брошюрку включено три доклада т. Бухарина об итогах и содержании работ XIV партс'езда на ленинградских районных и губернской партийных конференциях. В них дана исчерпывающая характеристика оппозиции как со стороны ее идеологического багажа, так и со стороны ее организационных методов. Брошюра несомненно поможет нашей организации в проработке решений партийного с'езда, в углубленном усвоении и осознании итогов последней дискуссии. Издательство считает целесообразным издание всех трех докладов, так как каждый из них заключает в себе что-либо новое, чего нет в остальных двух, и все они рассматривают вопрос с различных точек зрения.

Доклад на XXIII чрезвычайной конференции Ленинградской организации ВКП (б).

Товарищи, позвольте мне прежде всего приветствовать вашу конференцию от имени Центрального Комитета нашей партии. (Аплодисменты). Ваша конференция замыкает собою целый период в развитии Ленинградской партийной организации. Она является заключительным актом очень тяжелой полосы в истории Ленинградской организации и, вместе с тем, в истории нашей партии вообще. На этой конференции Ленинградская организация должна,—и безусловно сделает это,—выравнять общий партийный фронт и всеми своими составными частями, своей верхушкой, средней прослойкой масс, низовыми партийными рядами снова занять то место, которое принадлежит ей по праву в авангарде всей нашей партии и всего рабочего класса нашей страны. (Аплодисменты).

Товарищи, наша дискуссия возникла на фоне чрезвычайно сложной обстановки внутри нашей страны. С одной стороны, всем известно, что мы за последнее время переживали, как принято выражаться, полосу бурного хозяйственного роста: роста нашей промышленности, роста сельского хозяйства, роста нашего транспорта, роста нашей внешней торговли, роста оборотов внутренней торговли и т. д. В то же время совершенно бесспорным является тот факт, что в пределах и рамках этого нашего обще-хозяйственного роста нашей страны мы имели относительное усиление социалистических элементов нашего хозяйства, всех наших командных высот, мы имели резкое усиление главной нашей командной высоты—социалистической промышленности. Мы имели усиление в общих рамках нашего совокупного хозяйства—нашего транспорта, наших банков и наших кредитных институтов; развитие внешней торговли, на принципе государственной монополии, укрепление государственной торговли, в особенности в ее головных частях, т. е. в оптовой и оптово-розничной торговле, укрепление—хотя далеко недостаточное и далеко не в той пропорции, которая нам нужна—кооперации. Но, с другой стороны,—и это составляет главную особенность нашего положения — наше хозяйственное развитие протекает

в противоречивых формах: мы росли, но в то же время рос и частный промышленник, мелкий, отчасти средний; рос торговый капиталист в деревне, скупщик, кулак; одним словом, на основе общехозяйственного расцвета и на основе продвижения нашего хозяйства вперед одновременно с нашим наступлением, с наступлением наших командных высот в общей экономике, против этих командных высот на основе НЭП'а росли и капиталистические элементы различных оттенков и различных степеней.

Я считаю необходимым сказать несколько слов относительно противоречий другого типа, другого порядка, а именно о противоречиях между пролетариатом и крестьянством, о противоречиях, которые нашли свое наибольшее отражение в области товарооборота, где интересы рабочего класса, как покупателя, и интересы крестьянства, продающего хлеб, как продавца, до известной степени противоречивы.

Нельзя забывать также о противоречиях внутри самого рабочего класса, противоречиях, которые будут давать себя чувствовать в нашей стране еще довольно долгое время. Конечно, противоречия между рабочим классом и крестьянством — несравнимы с противоречиями, которые существуют между рабочим классом и крупным капиталом, то тем не менее они тоже суть противоречия. Несомненно, далее, что противоречия внутри рабочего класса — не то, что противоречия между пролетариатом и капиталом, и это также не то, что противоречия между рабочим классом и крестьянством, но все-таки эти противоречия внутри нашего пролетариата существуют; они отражаются и выражаются в известного рода колебаниях внутри определенных слоев рабочего класса и они в известной мере отражаются и находят свое выражение точно также внутри нашей единственной в советской стране партии.

Я имею здесь в виду противоречия внутри рабочего класса такого порядка, как известные противоречия между «управляющими» кадрами и «управляемыми» массами нашего рабочего класса, хозяйственниками и рядовыми рабочими, противоречия между квалифицированным трудом и неквалифицированным трудом, т.-е. чернорабочими; противоречия между старыми коренными пластами рабочего класса и пластами вновь приходящих и только что вливающихся в наши фабрики рабочих и, наконец, возрастные противоречия, противоречия между взрослыми рабочими кадрами и кадрами рабочего молодняка, противоречия, обусловленные разницей жизненного опыта.

Эти последние противоречия не суть противоречия классового характера, эти противоречия имеют совершенно другую природу, чем противоречия между рабочим классом и капиталистом. Эти противоречия имеют совершенно другую природу даже по сравнению с теми противоречиями, которые существуют между рабочим классом и крестьянством. Эти противоречия суть известные трения внутри нашего собственного класса, но тем не менее они есть, тем не менее они порождают определен-

ные практические трудности, и эти трудности мы должны преодолевать в упорной и систематической работе.

Эти противоречия внутри нашего класса, вытекающие из неоднородности состава самого рабочего класса, обостряются неизбежно рядом отрицательных явлений вроде хозяйственного обрастания и бюрократического извращения, явлений, с которыми наша партия должна будет еще в течение долгого периода вести борьбу. Совокупность всех этих противоречий, противоречий между рабочим классом и его хозяйственными формами и капиталистами и их хозяйственными формами, между рабочим классом и крестьянством и внутри рабочего класса — все это в свою очередь еще более обостряется в момент, когда у нас намечаются некоторые хозяйственные затруднения.

Необходимо подчеркнуть, что именно в силу роста затруднений, связанных с известными неудачами в области нашей хлебозаготовительной кампании, с сокращением нашего импортного плана, с необходимостью урезывания наших производственных программ, с необходимостью урезывания наших сметных, бюджетных ассигнований и т. д., более затруднительной является и борьба с антипролетарскими элементами в нашей стране.

Мы имеем перед собой такого рода явление, когда, именно в силу некоторых просчетов и создавшихся затруднений в хозяйственной области, выигрышные позиции на различных участках экономического фронта заняли кое-где скупщик-хлебозаготовитель частник, что в связи с обострившимся товарным голодом, на основе новых хозяйственных затруднений, частный капиталист, купец, торговец, могут извлечь для себя добавочные выгоды и, извлекая и кладя себе в карман разницу между оптовыми, отпускными и розничными ценами, спекулировать на этом товарном голоде и т. д., и т. д. Словом, я хочу, товарищи, подчеркнуть здесь ту мысль, что очень часто, именно в силу хозяйственных затруднений, противоречия, которые и без того имеются в нашей стране, обостряются, усложняют стоящие перед нами задачи и создают благоприятную почву для некоторых колебаний в партийных рядах.

Для того, чтобы понять весь круг ошибок новой оппозиции, которая дрогнула в этот период очередного нарастания трудностей, я считаю необходимым поставить вопрос о тех общих идейных истоках, у которых новая оппозиция встречается с рядом прежних оппозиционных течений. Мне кажется, что такие общие истоки, общие корни есть, что они у теперешней оппозиции выражены с наибольшей яркостью и что нужно их вскрыть для того, чтобы понять, а понять для того, чтобы правильно преодолеть. Я, товарищи, поставлю здесь прежде всего вопрос, который на первый взгляд не имеет прямого отношения к делу, но который, как вы увидите, имеет самое непосредственное отношение к правильной постановке всех тех основных вопросов нашей политики, коренных и кардинальных, кото-

рые всплыли во время нашей последней дискуссии. Это вопрос следующий: что есть самого нового, оригинального в ленинском учении? Вы знаете, что на этот вопрос отвечают по-разному.

По нашему мнению, на этот вопрос может быть только один ответ. Самое новое, принципиально новое, чего не было у Маркса, чего не было у Энгельса и чего не могло быть ни у Маркса, ни у Энгельса, это есть постановка вопросов и проблем, которые **связаны со строительным периодом социалистической революции,** т.-е. с тем периодом, когда диктатура пролетариата уже на-лицо, когда она уже укрепилась, когда центр тяжести переносится с разрушительной работы на строительную. Если вы возьмете такой вопрос, как вопрос о диктатуре пролетариата, то убедитесь, что здесь Владимир Ильич сделал колоссально много для развития этого учения, но в основном оно было намечено Марксом. А если вы себя спросите о тех задачах рабочего класса, которые идут в новой полосе строительства, уже после упрочения пролетарской диктатуры, то вы легко увидите, что об этом у основоположников научного коммунизма не написано ничего, или почти ничего, и есть только у Ленина, давшего первые наметки в этой области (я имею в виду теорию нэп'а, кооперации и т. д.).

В том, что Маркс и Энгельс не смогли дать теорию переходного периода, нет ничего удивительного, ибо в их опыте в условиях тогдашнего времени для этого не было никаких предпосылок.

Эту мысль с достаточной отчетливостью высказал сам т. Ленин. В своей статье «О значении золота» Владимир Ильич, оценивая радикальные изменения, внесенные диктатурой пролетариата, писал о соотношении между реформой и революцией следующее: «Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, при чем **Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны**, именно: **в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата, хотя бы в одной стране»...** («О значении золота», т. XVIII, ч. 1, стр. 381). Вот эта небольшая цитата дает очень много для уяснения соотношения между марксизмом и ленинизмом, потому что сам Ленин совершенно точно, с совершенно полной отчетливостью, ясностью и определенностью поставил этот основной вопрос и сказал, что Маркс мог видеть соотношения между реформой и революцией, между различными основными тактическими и стратегическими методами пролетарской классовой борьбы только с одной стороны, т.-е. только до того, как рабочий класс укрепил свою рабочую диктатуру. Он не мог видеть того, что будет после упрочения пролетарской диктатуры.

Вот, товарищи, я прочту вам еще два отрывка из сочинений Вл. Ильича, которые иллюстрируют его основную мысль относительно другого бока марксизма, который обнаруживается

только в ленинизме. Товарищ Ленин в своей статье «О кооперации» пишет: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д., теперь же **центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную и «культурную» работу.** Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на «культурничество», если бы не международные отношения, не обязанность бороться за наши позиции в международном масштабе»... («О кооперации», т. XVIII, ч. 2, стр. 134).

Следовательно, и здесь Ленин говорит о радикальном отличии наших современных задач от тех задач, которые стояли до завоевания политической власти пролетариатом и непосредственно во время этого завоевания; он утверждает, что центр тяжести переносится теперь на мирную культурную организационную работу и что лишь в отношении мирового пролетарского движения центр тяжести мы попрежнему видим в содействии мировому социалистическому перевороту, победоносному завершению гражданской войны. И, наконец, разрешите мне прочитать еще одну цитату, которая идет по той же самой линии. Товарищ Ленин в своем письме к Мясникову, который начал отходить от нашей партии, а потом, в конце-концов, совершенно от нее отошел, писал: «В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданский мир, тот смешен, если не хуже». (Письмо т. Мясникому, т. XVIII, ч. I, стр. 312).

Вот три основных положения т. Ленина. Первое, что в поле нашего зрения сейчас находится другая полоса социалистической революции, которая не была видна во времена Маркса и не могла быть видна. Второе, что является расшифровкой этого первого положения, состоит в том, что у нас центр тяжести внутри страны переносится на мирную организаторскую работу. И третье положение, которое, так сказать, является политическим выражением второго положения, это то, что мы сейчас в нашей стране являемся партией не гражданской войны, а партией гражданского мира. Вот три положения, которые по данному вопросу выставляются Владимиром Ильичем.

В этих положениях вы видите в резкой форме выраженное раз'яснение того, что нелепо, глупо, не по-марксистски, не по-ленински переносить все то, что мы писали до завоевания политической власти рабочим классом на то время и на те условия, которые наступают после упрочения пролетарской диктатуры в нашей стране. Вы согласитесь, товарищи, что это ведь не шуточные вещи. До завоевания политической власти в нашей стране мы были партией гражданской войны, после завоевания политической власти и укрепления пролетарской диктатуры мы стали партией гражданского мира. До завоевания политической власти центр нашей тяжести заключался в политической револю-

ционной борьбе за завоевание власти. После укрепления пролетарской диктатуры центр тяжести нашей работы заключается в мирной организаторской деятельности. Правильно это или не правильно по существу? Конечно, правильно.

Основной задачей организационного пролетарского авангарда в капиталистическом обществе является расширение, обострение, разжигание, доведение до белого каления классовой борьбы, чтобы, по мере и в результате этого разжигания, расширения, обострения классовой борьбы, в конце концов, взорвать, разрушить, разбить буржуазное общество. Такова наша генеральная основная линия в капиталистическом обществе.

В то же время в обществе пролетарской диктатуры наша задача заключается не в том, чтобы разрушить это общество, а в том, чтобы его укрепить; не в том, чтобы его развалить, а в том, чтобы его организовать, не в том, чтобы выставлять лозунг гражданской войны в нашем обществе, а в том, чтобы преследовать всякого, кто пытается вызвать гражданскую войну в нашем обществе, ибо мы стали руководящей силой этого общества, и наша позиция заключается теперь в том, чтобы противоречия между классами и различные, но иного рода противоречия в господствующем классе нашей страны преодолеть, обеспечивая своим постоянным вмешательством рост социалистических форм хозяйства, стремясь к тому, чтобы на основе роста социалистических форм хозяйства, на основе роста наших экономических высот, на основе укрепления пролетарской диктатуры, которая является одним из величайших орудий современной классовой борьбы, обеспечить вытеснение и преодоление различных других хозяйственных форм, носителями которых являются другие классы.

Я, товарищи, привел вам три важнейших записки, три важнейших документа из работ товарища Ленина. Очень характерно, что у т. Зиновьева в его книге «Ленинизм» все эти три цитаты отсутствуют, ибо т. Зиновьев самых характерных черт для теперешнего периода не заметил; все идеологи новой оппозиции ставят вопросы однобоко и в значительный мере поэтому впали в те политические ошибки, которые выразились в их выступлении на с'езде, вокруг с'езда, после него и т. д.

Товарищи, в связи с приведенными заявлениями, у т. Ленина есть еще одно заявление, где он утверждает, что наше теперешнее общество покоится на сотрудничестве двух классов: рабочего класса и крестьянства, к коему (т.-е. сотрудничеству) на известных условиях допущена и буржуазия. Это совершенно справедливо и тоже обусловлено особенностями переживаемого нами периода; когда мы одни не можем справиться, например, с выпечкой хлеба и позволяем частным капиталистам открывать булочные, то в этом выражается известный факт нашего сотрудничества, и не только сотрудничества рабочего класса с крестьянством, но и на известных условиях даже с буржуазией.

Но в то же самое время здесь есть и другая сторона явлений. Между рабочим классом и крестьянством есть сотрудничество, но исчерпывается ли только этим соотношение между двумя названными классами? Нет, не исчерпывается, потому что на-ряду с этим сотрудничеством есть и элементы борьбы. Исчерпываются ли соотношения между нами и буржуазией сотрудничеством, тем, что мы допускаем ее, например, торговать? Нет, у нас есть сотрудничество, но в десятки раз больше, даже в сотни раз больше, **борьба** с ней. Мы, с одной стороны, допускаем эти капиталистические элементы; идем на сотрудничество с ними, но, с другой стороны, мы их допускаем **для того,** чтобы, в конце концов, радикальнейшим образом вытеснить, преодолеть и уничтожить их хозяйственно и социально. Это — тип сотрудничества, который предполагает ожесточенную, хотя и бескровную, борьбу против этих капиталистических элементов.

Мы в неизмеримо большее количество раз сотрудничаем с крестьянством, и в то же самое время нашей задачей по отношению к крестьянству является, во-первых, постоянное **преодоление** враждебных тенденций с его стороны, которое обеспечивало бы наше руководство им, во-вторых, переделка этого крестьянства, т.-е. уничтожение его, как класса мелких собственников, и превращение его в составную часть работников крупного сельско-хозяйственного производства,—хотя не путем превращения в батраков, а по совершенно другим линиям. Таким образом, вы видите здесь крайне сложные отношения. Из этой сложности положения вытекает то, что возможно очень легко, не учтя надлежащей пропорции и надлежащего тона, поскользнуться в правую или левую сторону от правильной позиции.

Как можно поскользнуться в правую сторону? Очень легко. Можно, например, сказать себе так: ну, да, мы есть партия гражданского мира—сам Ленин сказал, что центр тяжести теперь в мирной организационной работе. Все мы должны, далее, понимать, что у нас классовая борьба будет постепенно уменьшаться и уменьшаться, пока не отомрет в коммунистическом обществе без всякой третьей революции. Это тоже ясно, но отсюда можно сделать такой неправильный вывод, что всякий, кто говорит о классовой борьбе или о том, что она обостряется, делает неправильные, антиленинские выводы. Это было бы архи-неправильно. Так рассуждать—это значит поскользнуться на правую ногу и делать крупнейшую политическую ошибку, совершенно сойти с ленинских позиций. Почему? Да потому, что вопрос не стоит так просто. В общем и целом, у нас классовая борьба будет отмирать, но это не значит, что на определенный промежуток времени она не будет обостряться. Нужно иметь достаточно чуткое ухо, достаточно острый взгляд, чтобы сказать, что на этом отрезке времени потому-то и потому-то классовая борьба не только не будет утихомириваться, а, наоборот, будет обостряться и что наша задача в этой определенной стадии надлежащим образом вести себя в этой обостренной классовой борьбе.

Если, в конечном счете, в обществе переходного периода сгладятся противоречия, то из этого вовсе не следует, что в каждый данный момент они сглаживаются. Может настать такой момент, когда они, в силу целого ряда исторических причин, будут обостряться. И вот сейчас, мне кажется, мы переживаем такой момент, когда у нас классовые противоречия, особенно в деревне, обостряются. Они будут обостряться до тех пор, скажем, пока мы не найдем в распоряжении нашего государства такого рода, такой степени и такого количества материальных благ, — как попросту говоря денег, которыми мы могли бы настолько поднять коллективное хозяйство бедноты и кооперированное хозяйство середняка, что подвели бы его жизненный уровень на высокую ступень развития, при которой кулак не будет являться экономически мощной силой по сравнению с этими оперившимися, благодаря нашей помощи, хозяйствами, ставшими на путь большего или меньшего обобществления. Тогда начнется другая полоса, тогда классовая борьба начнет утихать. А сейчас пока мы этого не можем сделать, она будет обостряться, и весь тот период, пока мы не сможем по-настоящему поднять основные массы крестьянских хозяйств,—борьба будет продолжаться. Поэтому, если бы кто-нибудь сейчас вышел к нам и сказал, что из ленинских положений, только что зачитанных нами, вытекает, что нельзя говорить о классовой борьбе, или что нужно сейчас во что бы то ни стало ее свертывать,—тот поступил бы неправильно, поскользнулся бы вправо.

Из этих рассуждений нельзя делать грубо прямолинейных выводов, не обоснованных условиями того исторически конкретного отрезка нашего развития, в котором мы живем. Представьте себе, например, такое положение, что где-нибудь, в каком-нибудь из наших уездов или в ряде уездов кулак пошел бы прямо против нас лобовой атакой.

Мы должны были бы в этом случае выставить против него пулеметы и без особых рассуждений и сантиментов «умиротворить» его так, как делали это в 1918 г. И если бы кто-нибудь в такой обстановке сказал бы—позвольте, это же есть обострение классовой борьбы и проч., то мы ответили бы, ну, да, совершенно верно, но надо понимать, что к чему и когда. Самое основное, золотое правило ленинской тактики заключается в том, чтобы понимать—что к чему и когда, чтобы, выражаясь образно, не плясать на похоронах и не голосить заунывных песен на свадьбе. Вот как обстоит дело.

Следовательно, вы видите, товарищи, что поскользнуться здесь страшно легко. Я изобразил вам сейчас, как можно поскользнуться вправо, но можно поскользнуться, разумеется, и влево (по внешности—влево) от правильной позиции. Это было бы тогда, если бы люди не понимали разницы задач в эпоху укрепленной пролетарской диктатуры, с одной стороны, и задач, которые стоят перед рабочим классом до завоевания политической власти, с другой. Сейчас наша задача заключается не в ори-

ентации на какую-то новую третью революцию, а в том, чтобы мирной организационной работой, ведя классовую борьбу, преимущественно в экономических формах, ведя борьбу за рост социалистических элементов нашего хозяйства, могучим политическим рычагом нашей пролетарской диктатуры продвигать дальше наше строительство вперед, не отрываясь от крестьянской основной массы и выравнивая ее в общий фронт борьбы против частного капитала. Вот наша установка, и если кто-нибудь этого не понимает, тот отходит от ленинского учения с другого бока, тот тащит нашу партию назад, тот не понимает самого оригинального—чем ленинизм дополняет марксизм; тот не понимает того, что самое оригинальное, самое новое, что есть в ленинском учении, связано со строительным периодом нашей социалистической революции, связано с эпохой, наступающей после укрепления рабочей диктатуры.

Мы точно так же знаем,—и это рассуждение идет по тем же основным линиям, о которых я до сих пор говорил—что основная форма нашей классовой борьбы сейчас есть борьба различных хозяйственных форм. Если, например, рабочий класс укрепляет свою социалистическую промышленность в борьбе с частно-капиталистической промышленностью—это есть форма его классовой борьбы с частным капиталом и буржуазией. Если рабочий класс помогает бедняку и середняку организовать кооперацию против лавки кулака, или организовать свое кредитное товарищество против ссудных операций кулацкого ростовщика, то пролетариат этим самым ведет, в своеобразных формах, классовую борьбу против частного капитала.

Но, товарищи, если центр тяжести и переносится на эти формы классовой борьбы, в первую очередь на борьбу между различными хозяйственными формами и на «вытеснение» враждебных нам форм, то из этого вовсе не вытекает прямолинейный и простой, как линейка, и грубый, как дерево, из которого линейка сделана, вывод, что поэтому—никакой специфически-политической работы мы не ведем и не будем вести. Ничего подобного из этого не вытекает. Я уже сказал, что обстоятельства могут вызвать очень резкие формы политической борьбы, такой борьбы, которая выражается даже в военных столкновениях. Это, конечно, не типично, но если бы наш классовый противник вынудил бы к этому, мы стали бы это делать.

Но мы и без того в нынешних условиях ведем политическую борьбу; это есть борьба на выборах в советы, борьба с кулачеством, организация групп деревенской бедноты и т. д. и т. д. Словом, из того, что центром нашей теперешней классовой борьбы является борьба наших хозяйственных форм и борьба на экономическом фронте,—не вытекает вовсе, что этими формами исчерпывается современная классовая борьба. Мы действуем комбинированными методами. Мы ставим вопрос в зависимости от целесообразности, и мы обязаны, мы должны использовать все решительно рычаги нашей власти, нашей эко-

номики, нашей организованности для того, чтобы выравнять все силы в борьбе с классовым врагом. Вот та общая постановка вопроса о классовой борьбе, вот та, мне кажется, единственно ортодоксальная ленинская постановка, из которой необходимо исходить при решении разного рода вопросов, касающихся конкретных проблем, важных кардинальных проблем нашей текущей политики.

Товарищи, я уже сказал, что у оппозиционных товарищей нет понимания этого своеобразия или нет достаточного понимания своеобразия того положения, которое складывается в период после упрочения политической диктатуры рабочего класса, и они очень часто склонны механически переносить то, что писал т. Ленин до завоевания власти рабочим классом, на то, что происходит у нас теперь. И это находит свое выражение, между прочим, и в решении такого основного вопроса, как вопрос о крестьянстве, при обсуждении такой кардинальнейшей проблемы нашей политики, как проблема втягивания крестьянства в дело социалистического строительства. И вот к этим двум вопросам, касающимся наших идейных разногласий, я сейчас и перехожу. Я перехожу к вопросу о наших экономических командных высотах и соотношении их с крестьянским хозяйством.

В этой связи я должен прежде всего отметить, что во время нашей дискуссии у оппозиционных товарищей очень часто проглядывал известного рода скептицизм к тому, что крестьян вообще можно привлекать к делу социалистического строительства. Между тем, формулировка Ленина была здесь совершенно ясна. Ленин совершенно точно говорил, что нам нужно вести такую политику, которая обеспечивала бы каждому мелкому крестьянину возможность участия в деле социалистического строительства. Вот, если мы поставим этот вопрос так, что мы должны обеспечить участие мелкого крестьянства в деле строительства социализма, если мы взглянем на эту проблему, на эту постановку задачи, на этот вопрос с точки зрения обычных до-ленинских представлений о старой социалистической политике, то мы должны здесь сразу сказать, что это задача сама по себе совершенно невиданная и что это—задача, которая никогда не ставилась так определенно, так в упор, как поставил ее Ленин.

Все мы отлично знаем мелкого крестьянина, знаем, что он—мелкий собственник и что социализмом от него не пахнет, и тем не менее Ленин ставил проблему вовлечения этого мелкого крестьянина и мелкого собственника в строительство не чего-либо другого, а социализма. Нам, товарищи, необходимо прежде всего поставить перед собой во весь рост эту проблему, ее осознать, понять, что это не какая-то боковая маловажная проблема. Нам нужно понять, что мы от этой проблемы не можем отвертеться, что мы должны или ее решать и решить или мы должны вообще отказаться от всего дела социалистического строительства.

Товарищи, с точки зрения до-ленинского марксизма, эта проблема, конечно, ставилась, т.-е., вернее, к ней подходили, можно сказать, на самые малюсенькие шажки, а по существу дела она как следует и не ставилась. Между тем, когда рабочий класс вступил в такую полосу своей политики, когда он действительно, в упор подошел к решению основных задач социалистического строительства, то на каждом шагу он стал наталкиваться на этот вопрос. У нас нет почти ни одной крупной политической или экономической проблемы, при разрешении которой мы не сталкивались бы в лоб с этим вопросом. И, товарищи, здесь нужно действительно выбрать одно из двух: или ставить вопрос о простой нейтрализации подавляющего большинства населения—крестьянства, или установить с основными массами крестьянства прочный союз. Существует представление, что можно ограничиться нейтрализацией основной массы крестьянства, достаточно держать их на отлете, достаточно их увазелинить, чтобы они сделались смирными и бездейственно молчали. Но это недопустимая, не ленинская постановка вопроса.

Ленинизм предполагает постоянный рост социалистических элементов и постоянную переделку большинства народа, а в конце концов и всего народа, в работников социалистического общества. Мы не можем представить себе нашу главную строительную задачу так, что у нас где-то растет городская промышленность, хотя бы и четырежды последовательно-социалистического типа, а огромные крестьянские массы существуют где-то сбоку, изолированно от города. Строительство социализма предполагает коренную переделку всего сельского хозяйства и всего населения страны. Наша задача заключается не только в том, чтобы переделать весь рабочий класс на новый культурный социалистический лад, но наша задача заключается и в том, чтобы со стороны этого господствующего и постоянно меняющего и улучшающего свою природу рабочего класса укреплялось бы и ширилось все более могущественное воздействие на основные народные массы, которые постепенно и систематически меняли бы свою классовую природу. В этом смысле господствующий пролетариат представляет собой такую творческую и руководящую силу, которая должна переделывать старый и творить новый мир.

Если мы ставим перед собой эту задачу и видим нашу страну со всей ее отсталостью, с огромным морем крестьянства, со всеми трудностями, которые из этой обстановки вытекают, то нам нужно, конечно, совершенно ясно понимать, что самый наш социализм будет отличаться в своем развитии большими особенностями по сравнению, скажем, с социализмом, который будет расти в Англии или в Германии, или в Америке. И тут ничего удивительного, ничего ужасного, ничего такого, что должно повлечь за собою нашу гибель,—абсолютно нет.

Посмотрите, товарищи, на капитализм. Капитализм растет во всех странах в течение многих сотен лет. В одной стране одну сотню лет, в другой стране — две сотни лет, в третьей стране еще

больше и т. д. В общем, капитализм имеет очень почтенный возраст и, несмотря на это, т.-е. несмотря на то, что он имеет очень почтенный возраст, вы видите, что в разных странах имеются различные типы капитализма. Во Франции капитализм имеет свои черты. В Америке свои черты. Американский капитализм в основе это то же, что немецкий, или французский, но все же на-ряду с общими признаками капитализма он обладает и особыми специфическими чертами в отношении организационных форм, в отношении характера развития, темпа и т. д.

И наш капитализм в России имел свои особые черты. Капитализм в России, например, отличался тем, что он был капитализмом в стране, где была масса феодальных остатков, был таким капитализмом, который вырастал зачастую сразу в высших формах под влиянием иностранного капитала. Таким образом, капитализм в нашей стране развивался в условиях крайне противоречивых; с одной стороны, у нас был капитализм, с другой стороны, где-нибудь на Кавказе или Туркестане и т. д., значительные патриархально-бытовые остатки, остатки чуть ли не дофеодальных форм. И в то же время, на ряду с этим, можно было видеть довольно значительные пристройки первоклассного модернистского капитализма. Само собой разумеется, что и социализм вырастает из того, что ему оставлено в наследство капитализмом. И наш социализм растет в известном смысле на иной основе, чем будет расти социализм в Америке. У нас он растет в иных, российских условиях, а не американских и не французских. Совершенно естественно поэтому, что, подобно тому, как капитализм имел свои особые черты в различных странах, так точно и социализм в этих странах в начале будет иметь свои особые черты, которые только в конце концов, когда все мировое хозяйство об'единится на развернутой социалистической основе, сгладятся и выравняются.

Отсюда вытекает, что, когда мы говорим о строительстве социализма в нашей стране, то мы должны понимать, что наш социализм в его росте, пока он не достигнет полного расцвета, будет до известной степени иметь свои особые черты, я сказал бы, если можно так выразиться,—что он будет длительное время своего развития отсталым социализмом, т.-е. социализмом, который будет иметь особенности, обусловленные, в известной мере, типом предшествовавшего ему капиталистического развития. Но, все-таки, он будет социализмом потому, что его развитие будет итти по совершенно определенному пути, он будет отличаться большей отсталостью по сравнению с темпом развития американского социализма, который будет развиваться на основе американского капитализма, но все-таки он будет социализмом.

Главная черта нашего социализма заключается в том, что он строится в крестьянской стране, и что поэтому задача вовлечения крестьянства в дело социалистического строительства у нас особенно важна. Но, товарищи, у нас основная масса крестьянства является середняцкой — с этим все согласны. Итак, давайте

исходить из главного положения: основную массу крестьянства составляет крестьянин-середняк. Крестьянин-середняк сейчас торгует своим хлебом, продуктом своего хозяйства, выбрасывая определенную часть своего продукта на рынок. Торгует он на основе свободной торговли, введенной с началом нэп'а.

Товарищи из новой оппозиции определяют положение так: «свободная торговля есть капитализм». Но свободная торговля у нас, как известно, в первую очередь введена для того, чтобы дать возможность «дышать» основной массе крестьянства, сохранить с ними союз и повести на этой основе правильную хозяйственную политику рабочего класса. Товарищи из новой оппозиции нам говорят: «свободная торговля есть капитализм», и ссылаются на одно место из Ильича, где написано, что «свобода торговли обозначает свободу капитализма». Выходит так, что с одной стороны, они цитируют правильное положение Ленина, а с другой стороны, с их точки зрения не подлежит сомнению, что крестьяне ведут свое хозяйство на основе свободной торговли, которая есть капитализм; тот, кто оспаривает это положение, идет по совершенно ложному, не ленинскому пути, прикрашивает действительность, берется за нечто невыполнимое, отходит от классовой точки зрения и т. д. и т. д.

Я сперва задам предварительный вопрос, товарищи: если свободная торговля есть капитализм и если эта свободная торговля по отношению к основной массе крестьянства, есть капитализм, то как же, вообще говоря, привести крестьянство к делу строительства социализма? Выходит, как будто бы, что мы непременно должны привести его к капитализму, а с другой стороны, должны обеспечить социалистическое строительство. Быть может, лучше возвратиться от этой свободной торговли к военному коммунизму? Но этого тоже не говорят и у нас получается совершенное отсутствие какой бы то ни было перспективы. Это приводит к тому, что считается второстепенной, не такой важной сама проблема привлечения крестьянства к делу социалистического строительства.

А по сути дела, товарищи, как правильно надо решить этот вопрос? Прежде всего, я должен раз'яснить положение т. Ленина о свободе торговли. Всякий, кто прочитает его, легко увидит, что, когда Ленин говорит о тесной связи свободы торговли с капитализмом, то он хочет сказать только, что на основе свободы торговли постепенно рождается капитализм. Это вовсе не значит, что он утверждает, что свобода торговли равна капитализму. Я приводил несколько раз, повторяю и сейчас, такой пример: если какое-нибудь наше государственное учреждение покупает у другого государственного учреждения что-нибудь на основе свободы торговли—это никак не капитализм, никакого капитализма из этого не высосешь, потому что нет здесь капиталистических отношений, нет капиталиста, а капитализм без капиталистов не существует,—никто еще в мире не открыл такого капитализма.

Но бесспорно, что на основе свободы торговли может развиваться капитализм. Если, скажем, средний крестьянин торгует, если он наживается, если он начинает нанимать рабочих, он превращается в капиталиста. Свобода торговли и есть капитализм в этом смысле, т.-е. в том смысле, что она приводит при определенных условиях к росту капиталистических отношений. Но, товарищи, весь вопрос заключается в том, **всегда ли, при всех ли** условиях свобода торговли приводит к капиталистическим отношениям, правильно ли из того положения, что свобода торговли ведет к известному развязыванию капитализма, делать вывод, что всегда, при всех обстоятельствах, при всех условиях, во всякой исторической обстановке она приводит к капиталистическим отношениям? Я заявляю, что это последнее утверждение неправильно и что те, которые уверяют, что это правильно, не понимают всего характера строительного периода социализма — они прибегают к некритическому перенесению на новую обстановку тех представлений, тех речей, тех положений, которые писались, говорились, утверждались для капиталистического периода общественного развития.

Средний крестьянин покупает и продает, но он не применяет наемного труда. Всякий ли, кто покупает и продает, есть капиталист? Нет. Капиталистом является тот, кто употребляет наемный труд. Является ли крестьянин социалистом по форме своего хозяйства? Нет, потому что он—частный собственник. Является ли средний крестьянин капиталистом? Тоже нет, потому что он не употребляет наемного труда. Является ли он составной частью пролетариата? Нет, потому что он частный собственник. Но опять -таки из этого нельзя делать вывода, что он является капиталистом. Это было бы также неверно, также нелепо, также неумно, также не по-марксистски. Тов. Каменев в своей речи на партийном с'езде набросился на одну статью, помещенную в «Правде», статью т. Зайцева, где было сказано, что средний крестьянин не буржуа в том смысле, что он не капиталист, но в этой статье было сказано, что средний крестьянин есть мелкий буржуа,—и это верно.

И вот в непонимании того, что мелкая буржуазия,—это одно, а буржуазия капиталистическая—это другое, в непонимании этого таится очень многое. Почему? Потому, что я, например, товарищи, никогда не выставил бы положения, что мы должны обеспечить каждому капиталисту переход на социалистическую точку зрения. Мы с пропагандой социализма к Рокфеллеру, например, не идем, и насколько мне известно, никто этого до сих пор не предлагал, а вот к крестьянину мы идем, массу среднего крестьянства на свою сторону хотим привлечь и прочный союз с ним хотим обеспечить. Следовательно, совершенно нелепо и дико не понимать, что есть громаднейшая разница между простым товаропроизводителем, не эксплуатирующим наемного труда, и капиталистом, между мелкими собственником и капиталистом.

Если нелепо и преступно замазывать разницу между мелким собственником и рабочим классом, то нелепо и анти-марксистски замазывать разницу между мелким собственником и крупной буржуазией, между трудовым слоем крестьянства и эксплуататорскими капиталистами. Ведь это же нужно видеть! И вот, товарищи, если мы ставим в качестве очередной, главнейшей задачи, рассчитанной на эпоху, чтобы каждый мелкий крестьянин был обеспечен возможностью принять участие в деле строительства социализмом под руководством рабочего класса, то совершенно естественно, что мы закрыли бы себе всяческую дорогу, всяческий путь, всякую перспективу, если бы трактовали среднего крестьянина, как капиталиста. Но средний крестьянин имеет двойственную природу, потому что, с одной стороны, он хочет, на основе частного хозяйства, поднажиться и самому пролезть в кулаки, а с другой стороны, он имет вторую душу, трудовую, которая соединяет его с пролетариатом, и наша задача использовать это положение так, чтобы за трудовую душу тянуть его по нашему пути, в то время, как кулак тянет его к себе за собственническую душу.

И сейчас происходит борьба за этого крестьянина, крестьянина-середняка. Но возможно ли вообще перетянуть его на нашу сторону? Как нужно поставить этот вопрос с ленинской точки зрения? Если мы подойдем к этому вопросу с экономического конца, с хозяйственного конца, то надо поставить его в такой форме: при каких условиях, как и почему товарное хозяйство простого товаропроизводителя, не эксплуатирующего наемного труда, может перейти к социализму, минуя капитализм, и может ли оно это сделать? Вот как стоит вопрос. Товарищи, которые привыкли читать старые книжки и при этом плохо их читать, которые не понимают, что есть разница между капиталистическими отношениями и нашими отношениями, рассуждают очень просто. Они говорят, что мы, большевики, всегда с давних времен боролись с иллюзиями, с неправильными, фальшивыми, замазывающими действительное положение вещей, взглядами, что массы средних крестьян, мелких хозяйчиков, могут улучшить свое положение. Они подчеркивают, что мы всегда боролись с этими взглядами, что мы всегда указывали на неизбежность роста диференциации этого крестьянства, на неизбежность его вымывания, на неизбежность отхода небольшой, сравнительно, части в кулацкое лоно и другой, подавляющей, массы на положение пролетария и полупролетария. Они вспоминают, что большевики клеймили как обманщиков и либералов тех, кто затушевывает диференциацию в деревне, кто затушевывает распадение среднего крестьянства на два полюса, указывали, что это не марксистская, а народническая постановка вопроса. Так мы говорили.

Правы ли мы были? Да, правы целиком потому, что в условиях **капиталистического** развития никакого другого пути для крестьянина-середняка нет, как распадаться на два полюса, вымы-

ваться с двух концов. Если он начнет лучше жить, он неизбежно, всегда и при всех условиях, в обстановке капиталистического режима, превращается в кулака. Если он беднеет, он идет в батраки, идет в город и проч. Но подняться своей собственной середкой так, чтобы все выше и выше итти вперед, без того, чтобы не прибегнуть к наемному труду, и без того, чтобы не превратиться в капиталистика, такого пути у среднего крестьянства не было. И мы были правы, когда с этой точки зрения критиковали и кооперацию, говоря, что всюду и везде, во всех капиталистических странах кооперацией верховодят капиталисты, верхушечные слои самых богатых крестьян, пользующихся наемным трудом. И мы всегда направляли острие своего критического анализа именно сюда и всегда обнаруживали, что народники, либералы, буржуазные экономисты и проч. скрывали это, замазывали диференциацию в деревне, что они скрывали распадение середняка на две части, что они врали, говоря, что кооперация там некапиталистического характера, мы утверждали, в противоположность им, что она эксплуататорского характера, что она основана на эксплуатации наемного труда, что она развивалась всегда при помощи крупных банков, и прочее и прочее.

Все это абсолютная истина. Но, товарищи, Ленин совершенно правильно неоднократно говорил, что одна из основных ошибок оппозиционеров состоит в том, что они правильное для определенного исторического периода переносят на другой период, когда это правильное превращается в неправильное, когда это стало нелепо, неправильно, и что этого делать нельзя, что это противоречит учению Маркса. Тов. Зиновьев пишет в своей книжке «Ленинизм», что и сейчас еще находятся некоторые чудаки, которые говорят о возможности некапиталистической эволюции. Но этот аргумент направляется не против кого другого, как именно против Ленина, против его плана кооперирования крестьянства. И тут, товарищи, я должен раскрыть все скобки: У нас в наших условиях простой товаропроизводитель стоит на перепутьи двух дорог. Средний крестьянин находится у стыка, он может пойти и по одним рельсам и по другим, а находится он у стыка этих двух дорог, которые расходятся в разные стороны: одна капиталистическая, а другая некапиталистическая—социалистическая. Нужно понять, что у нас сейчас не буржуазное государство, а диктатура пролетариата, что наши государственные банки находятся не в руках буржуазии, а в наших руках, что промышленность находится не у буржуазии, а в наших руках, и что Рудзутак не Джон Пирпонт Морган, а наш товарищ Рудзутак.

Вот, если мы все это соответствующим образом взвесим, если мы будем исходить из того, что командные высоты находятся в руках рабочего класса, в руках его пролетарского государства, то тогда сейчас же перед нами встанет такой вопрос: неужели деревня будет развиваться непременно и только капиталистическим путем, независимо от того, кто стоит у власти—пролетариат или буржуазия? И если бы наша деревня была под властью

буржуазии, если бы наш город был под властью буржуазии, тогда бы середняк пошел по капиталистическому пути. Если бы у нас не было пролетарского города, а была только одна деревня (предположим, что вдруг химическими газами отравили бы все население городов), она ползла бы одна, она пошла бы сначала назад, но потом сдвинулась бы, пошла по капиталистическому пути. Но у нас есть пролетарский город, есть пролетарские командные высоты. Что же это совершенно маленькая штука, которая никакого отношения к развитию деревни не имеет? Ясное дело, так рассуждать глупо. Я утверждаю, что эти командные высоты воздействуют на деревню, на среднего крестьянина, который является простым товаропроизводителем и который сейчас стоит на перепутьи двух дорог, талкают его на социалистический путь. Каким способом? Через кооперацию. И вот здесь уместно вспомнить тот план кооперативного строительства, который развернул т. Ленин.

Мы не желаем гнать железной метелкой середняка в коммунизм, подталкивая его пинками. Это оказалось неверным, неправильным, негодным с точки зрения социализма. Мы вовлекаем его обходным путем через кооперацию, которая в его интересах. Но эта кооперация развивается не в условиях господствующего капиталистического способа производства, она смыкается не с банком капиталиста, а с банком пролетариата, не с капиталистической промышленностью а с нашей пролетарской промышленностью, не с трестами Моргана и Рокфеллера, а с нашими пролетарскими трестами, не с капиталистическими железными дорогами, а с железными дорогами, находящимися в руках пролетариата. Кооперация будет постепенно расти, мы будем играть в ней все более и более крупную роль, будем все больше и больше направлять в основном ее политику, будем все больше и больше влиять на нее хозяйственно, поддерживая бедноту и середняка против кулака, поднимая те слои крестьянства, которые нужно поднимать с точки зрения строительства социализма.

Мы имеем в своих руках рычаги, которые с каждым годом все больше и больше будут определять общее развитие страны, мы имеет в своих руках тот мостик, по которому économпромышленность соединяется с крестьянским хозяйством. Организационный мостик, имя которому—кооперация. И таким образом, поддерживая бедноту и середняка против кулака, помогая некапиталистическим формам, содействуя развитию различных способов общественного пользования машинами, а в конечном счете, переходу к электрификации, мы будем систематически отводить среднее крестьянство от капиталистического пути к социалистическому.

Ленин в своей статье «О кооперации» говорит об этом очень ясно. У кооператоров старого времени, — заявляет он, — было много негодного, никудышного, реформистского, даже пошлого с точки зрения классовой борьбы. Почему? Потому что они не

вели борьбы за захват власти. Но это мечтательное и даже пошлое становится действительностью, после того, как мы политическую власть завоевали. Это есть аргумент со стороны самого т. Ленина против того, что говорили против нас товарищи из оппозиции. Само собой разумеется, если бы у нас не было пролетарской диктатуры, если бы у нас не было экономических, политических и партийных командных высот, тогда бы этот весь план не мог быть осуществлен. Если эти высоты у нас, то мы обязаны сейчас вести здесь определенную борьбу.

Нам говорят, что мы затушевываем классовую борьбу и т. д. Но, товарищи, когда недооценивают середняка и кооперативный план Ленина, то как раз в этом и выражается отказ от основной классовой задачи пролетариата. Какие социальные силы стоят сейчас на политической арене: стоит рабочий класс, стоит основная масса крестьянства, т.-е. в первую очередь крестьянин-середняк, и стоит третья сила — капиталистические элементы: кулак в деревне, частник, скупщик, купец. Главная борьба сейчас идет между рабочим классом и буржуазией—за что? За среднего крестьянина. Вот как сейчас стоят основные проблемы большой классовой стратегии и тактики. А в чем она выражается? Выражается она в том, что кулак, капиталист, частник отдирают этого среднего крестьянина от нас, стремятся повернуть его на капиталистические рельсы развития. Если это им удастся, они получают громаднейшую подмогу, а мы, с другой стороны, тянем его, этого середняка, на социалистические рельсы через кооперацию.

Более трудной классовой задачи, более острой классовой борьбы, более важной проблемы с точки зрения классовой борьбы пролетариата в нашей стране нет. Следовательно, эта задача есть самая важная задача классовой борьбы рабочего класса в текущий исторический период. Нам надо отбить, отвоевать середняка, постараться его в возрастающей степени переводить с капиталистических рельс на рельсы социалистического строительства, таким путем отбивая эту основную массу крестьянства у кулака, который влечет его на рельсы капиталистического развития. Можно сделать второстепенные ошибки в целом ряде других вопросов. Но, если в этом вопросе сделать ошибку, это значит каюк пролетарской диктатуре. Если эту задачу не видеть, это значит не видеть основной задачи классовой борьбы в текущий период. Если эту задачу затушевать, это значит затушевать основную проблему классовой борьбы, как она стоит перед нами теперь и как она будет стоять в ближайшее время. Вот постановка вопроса относительно задачи строительства социализма и наших командных высот.

Товарищи, следующий вопрос — о вовлечении крестьянства в дело социалистического строительства в связи с вопросом о диференциации, т.-е. о расслоении крестьянства. Само собою разумеется, что я должен и здесь прежде всего подчеркнуть сложность вопроса. Это, товарищи, быть может не совсем

благодарная задача — все время и при каждом случае говорить о сложности вопроса, но я предпочитаю говорить о сложности вопроса, чем предлагать вам решения, по видимости простые, но по существу не имеющие за собой политической мысли и серьезного анализа.

В конце первой части своего доклада я поставил главную проблему, главный вопрос — о возможности приближения середняцкой массы крестьянства к делу социалистического строительства, к делу кооперации. Но, само собою разумеется, что эта сама по себе сложная задача еще более осложняется тем, что в деревне у нас на-лицо вовсе не один середняк, а на-лицо, минимум, три основных группировки: кулак, середняк и бедняк, и еще, кроме того, известная часть чистого, так сказать, сельско-хозяйственного пролетариата, т.-е. батрачества. Следовательно, ко всему тому, что говорилось, прежде всего нужно добавить ясное понимание разнородности классового состава самого деревенского населения. Раз у нас в деревне сейчас уже имеется на-лицо, кроме середняцкой массы, на одном полюсе — кулак, а на другом полюсе — беднота и батрачество, то, само собою разумеется, что постановка вопросов и наша задача осложняются этим обстоятельством.

Если бы мы были в настоящее время чрезвычайно сильны, т.-е. если бы мы были в настоящее время уже настолько сильны, что немедленно, в ближайшие годы могли бы осуществить полностью наши электрификационные планы; могли бы иметь в наших руках настолько сильные и настолько мощные экономические ресурсы, чтобы в ближайшие годы поднять бедняцкое и крестьянское хозяйство на чрезвычайно высокий уровень материального благосостояния; если бы мы уже в настоящее время были настолько сильны, чтобы в ближайшие годы кооперировать, на основе очень хорошей работы кооперативных аппаратов, огромное большинство крестьянства; если бы мы были уже теперь настолько сильны, что наша государственная промышленность могла бы полностью и без остатка покрывать спрос на продукты промышленности, спрос, идущий со стороны сельско-хозяйственного населения, — тогда мы безусловно в ближайшем же будущем могли бы подавляющее большинство, а может быть, и всех середняков отвести от капиталистического пути к пути некапиталистического, социалистического развития. Но — и это надо подчеркнуть одной, двумя, тремя чертами — мы еще настолько не выросли, и поэтому положение в деревне у нас в ближайшее время будет характеризоваться тем, что у нас будут расти капиталистические элементы, с одной стороны, и бедняцкие и пролетарские — с другой стороны, а затем, во-вторых, тем, что мы в ближайшем будущем не будем в состоянии — и тут нечего строить себе иллюзий — всю совокупность крестьян-середняков сразу перевести на не-капиталистический путь. И поэтому в ближайшее время середняцкое крестьянство будет итти одновременно в разных своих частях двумя путями: будет происхо-

дить, безусловно, на-ряду с социалистическим кооперированием крестьян, наперекор этому, в противоречии с этим процессом, и другой процесс — капиталистического разложения середняка и выделения двух крайних социальных флангов, т.-е. кулака, с одной стороны, и бедняка, пролетария и полупролетария — с другой.

Нужно заметить, что стихия мелкобуржуазного развития сама по себе стоит против нас, потому что условиями товарного хозяйства питается тенденция отслоения от крестьянской массы мелких капиталистов-кулаков. И лишь в той мере, в какой мы обеспечиваем вмешательство нашего пролетарского города, лишь в той мере, в какой мы пускаем более или менее мощные рычаги пролетарской диктатуры, хозяйственных организаций, нашей промышленности, всех наших командных высот — лишь идя против развивающейся мелкобуржуазной стихии, мы можем совлечь основную массу крестьянства не на капиталистический, а на социалистический путь развития. Отсюда совершенно естественно, что в первое время расслоение даже среди середняцкого крестьянства будет обостряться и те противоречия, которые у нас в деревне уже есть на-лицо (а кулацкий слой в деревне у нас уже есть на-лицо), будут усилены и обострены. Вот почему во всех выступлениях, которые делались с нашей стороны, выступлениях всех ответственных товарищей, сторонников большинства с'езда и решений партии, в том числе и я во всех моих персональных выступлениях, — все мы подчеркивали и подчеркиваем, что в настоящее время классовая борьба в деревне несомненно будет обостряться. Значит, с одной стороны, у нас уже есть теперь кулак, как есть и широкие слои бедноты, а с другой — и самый середняк будет итти по двум путям: с одной стороны, по капиталистическому пути, т.-е. по пути своего расслоения, выделения двух социальных полюсов, а с другой стороны — по нашему пути, т.-е. по пути своего социалистического кооперирования, развивающегося под воздействием нашей последовательно социалистической промышленности.

Вот это раздвоение пути мы будем видеть в самых разных формах, на разнообразнейших фронтах нашего хозяйства и политической борьбы в деревне. Это найдет свое отражение в том, что часть подымающегося середняцкого хозяйства будет в возрастающей степени прибегать к наемному труду, т.-е. превращаться в мелких капиталистиков и кулаков; это будет иметь свое выражение и в том, что будут расти скрытые формы превращения части середняков, зажиточных середняков, в кулацкие хозяйства, — скрытые формы, примерно такого рода, что более сильные середняки, накопившие у себя кое-что, приобревшие какую-либо машину, будут сдавать ее в аренду маломощным середнякам и беднякам и проч., и таким образом будут эксплуатировать в скрытой форме другие слои крестьянства. Это будет находить свое выражение и в том, что такие элементы, превращающиеся в кулаков, будут частью в открытой, частью в скры-

той форме, пролезать в кооперацию и кое-где занимать, по всей вероятности, руководящие места, несмотря на запрещение кулакам быть в правлении кооперации и т. д. Так, в борьбе хозяйственных форм, в открытых формах и в скрытых формах, в борьбе частного хозяйства и кооперации и даже в некотором смысле в самой кооперации будет проявляться борьба капиталистического начала и нашего начала, будут пересекать друг друга два пути, которые сейчас неизбежны и борьба между которыми неизбежна. Она будет проявляться в самых разнообразных, иногда уродливых формах. Мы должны это совершенно отчетливо видеть, мы должны это совершенно отчетливо понимать.

Но, товарищи, из этой пестроты и сложности отношений отнюдь не вытекает, что мы должны спассовать и сложить руки. Нет, мы с удвоенной, с утроенной энергией должны бросать всю свою организованную мощь на чашку весов социалистически-кооперативного развития против линии частно-капиталистического развития. Усиливая государственную промышленность, усиливая наши командные высоты, усиливая экономические ресурсы пролетарского государства, мы тем самым будем в состоянии в возрастающей степени давить на одну из этих чашек весов, бросать все более и более тяжелые гирьки на эту чашу, и, таким образом, в перспективе, при нашей правильной политике, при условии единства нашей партии, при условии правильной политики в крестьянском вопросе, мы постепенно будем уменьшать шансы капитализма и в возрастающей степени увеличивать шансы победы социалистического пути.

Теперь, товарищи, я перейду к более конкретной постановке вопроса о борьбе с капиталистическими элементами хозяйства, на основе того, что я уже изложил в первой части своего доклада. Товарищи из новой оппозиции считают, и это особенно ярко было выражено во время дискуссии Вардиным на страницах «Ленинградской Правды», — что мы слишком увлекаемся вопросом о середняке, в то время, как основная опасность надвигается на нас со стороны кулака. Я, товарищи, на всех районных партийных конференциях уже говорил, что считаю этот пункт чрезвычайно важным и прошу на меня не сетовать за то, что я повторяю здесь кое-что из того, что уже говорил на районных партийных конференциях. Те товарищи, которые противопоставляют задаче привлечения середняка на нашу сторону задачу борьбы с кулаком, упрощают и не понимают действительности. В чем заключается это упрощение и непонимание? Кулак представляется им в деревне какой-то самодовлеющей, из себя самой растущей, экономической и политической силой. Между тем, это представление совершенно неправильно. Его надо разбить — для того, чтобы вести правильную борьбу с кулаком.

Всякий, кто жил в деревне, связан с ней, или хотя сколько-нибудь читал о том, что делается в деревне, отлично знает, что кулак для нас опасен не сам по себе, а своей ролью по отношению к середняку. Когда нас пугают ростом кулака, то обычно при-

водят ряд примеров, не понимая смысла этих примеров. Нам говорят, например, что вот-де в южных казачьих станицах при перевыборах в совет кулак в некоторых местах уже поднялся по ступенькам советской иерархии и захватил ряд крупнейших политических позиций в нашей советской организации, захватил низовой советский аппарат и поднимается от этой низовой советской организации дальше. Есть такие случаи? Есть. Опасны они для нас? Опасны. Нужно с этим бороться? Нужно. Но я спрашиваю вас: как же кулак пролез в эти самые советы, когда он является ничтожным меньшинством в деревне? Как он пролез? Ответьте пожалуйства на этот вопрос честно и без обиняков. Как это, несмотря на все наше законодательство, на все желания и стремления нашей партии, наших хозяйственных и пр. органов, направленных к тому, чтобы изолировать кулака, последний все-таки пролез к этим позициям? Давайте здесь рассуждать без иллюзий, без замазывания реальных соотношений и противоречий. А он пролез потому, что за него голоснул середняк, а, быть может, и бедняк. Далее возникает вопрос: каким образом и почему середняк, а иногда даже и бедняк, голоснули за кулака? Как это могло случиться? Когда мы этот вопрос поставим и разрешим, тогда мы поймем, как надо бороться с кулаком.

А за этим явлением обычно кроется следующее: в деревне, в станице или еще где-нибудь существует наш кооператив и существует частный торговец-кулак, но кооператив торгует плохо, а кулак торгует лучше. В нашем кооперативе галош нет, а у кулака есть. Наши госорганы вели закупку хлеба гораздо хуже, оперировали хуже, а кулак, как скупщик хлеба, оперирует лучше; наш кооператив, или наше кредитное товарищество, или еще какой-нибудь орган не располагает деньгами, а кулак, хотя и дерет ростовщические проценты, но предоставляет кое-какой кредит. Эти явления далеко не единичны, в особенности при системе растрат в кооперации, при системе безответственности руководителей кооперации, при системе слабого вовлечения масс в кооперативные органы. При таком положении вещей середняк видит в кулаке, патриархально выражаясь, отца-благодетеля, который хотя и дерет с него шкуру, но который кое-что все-таки дает, а мы кормим его хорошими декретами, прекрасными речами о Чемберлене, но почти ничего ему не даем. Несомненно, что в этих случаях, о которых идет речь, устанавливается фактическая хозяйственная смычка кулака с середняком при отсутствии хозяйственной смычки нас с середняком, а если кулак завоевал на свою сторону середняка **хозяйственно**, то он тем самым завоевал его в значительной мере и **политически.**

Если мы, т.-е. пролетарское государство и зависимые от нас органы, если мы плохо торгуем с середняком, то мы отталкиваем его к кулаку; если мы плохо боремся хозяйственно за середняка, то мы отталкиваем его к кулаку; если мы плохо строим кооперации, то мы отталкиваем его к кулаку; если у нас увеличиваются растраты в кооперации, то мы отталкиваем середняка к кулаку;

если у нас не изживается административная волокита по отношению к середняку, то мы его отталкиваем к кулаку; если мы вовремя не наладим ни хозяйственной, ни политической смычки с середняком, то мы оттолкнем его к кулаку.

Я утверждаю и никто не может опровергнуть этого, что главная сила кулака и главная опасность его заключается в возможном блоке с середняком и в его гегемонии, т.-е. его руководящей роли в этом блоке. И отсюда с абсолютной ясностью вытекает основная директива для нашей партии: главное средство борьбы с кулачеством лежит по линии отвоевания от кулака середняцких слоев крестьянства, — именно так должна быть определена стратегическая линия нашей борьбы против кулака. И те товарищи, которые в простоте душевной противопоставляют этой задаче борьбы за середняка другую задачу — борьбу против кулака, совершенно не понимают, что нет лучшего способа помочь кулацкому хозяйству, лучшего способа помочь капиталистическим элементам в деревне, как упустить середняка из-под своего влияния, не посвящать достаточного внимания этой проблеме завоевания середняка и отодвигать на задний план эту хозяйственную задачу. Само собой разумеется, что когда перед нами стоит классовый противник — а кулак есть наш классовый противник и опасный классовый противник—само собой разумеется, что мы должны стрелять по нему, используя все средства, находящиеся в наших руках. Среди этих средств главным является наша борьба за середняка — этого никто не может опровергнуть, никто, кто хоть сколько-нибудь считается с фактическим соотношением классовых сил деревни и кто хоть сколько-нибудь трудится понять жизнь, экономическую жизнь в том числе, в ее, далеко не простой, а чрезвычайно сложной сущности.

Я, товарищи, перехожу теперь к другому полюсу деревенской жизни и деревенской экономики — к хозяйству бедняка и к вопросу о помощи бедноте. Я позволю себе напомнить вам, что и по вопросу о кулаке и по вопросу о помощи бедноте товарищи из оппозиции не выдвинули и не прибавили ни единого добавочного предложения к тем, которые были предложены со стороны большинства ЦК, которые были приняты на октябрьском пленуме ЦК и которые потом были одобрены нашим партийным с'ездом. Вообще, что касается практических предложений, то новая оппозиция была в такой мере бедна этими предложениями, в какой мере богата визгами, шумом и криками по поводу позиции большинства ЦК и партийного с'езда. Но, товарищи, в наших условиях эти методы визга и шума чрезвычайно мало помогают уяснить действительную сущность серьезнейших и ответственнейших вопросов, которые стоят перед нашей партией.

Когда речь идет о помощи бедноте, надо перед собой поставить в первую очередь вопрос, каким порядком, за счет чего помогать, откуда брать средства для этой помощи. Так надо ставить вопрос партии, отвечающей за свои обещания, отвечающей за те лозунги, которые она выбрасывает, отвечающей за ту политику,

которую она намечает в своих резолюциях. И тут, товарищи, надо подчеркнуть, что ведь, суть вопроса как раз заключается в добыче материальных ресурсов, а не в чем-либо другом. Вопрос разрешается не тем, чтобы поговорить возможно больше о помощи бедноте, или изо всех сил кричать, что беднота лучше, чем кулак, не проповедью азбучных истин, что дважды два четыре, что лошадь жует овес, а Волга впадает в Каспийское море, — весь вопрос в том, откуда добыть ресурсы, чтобы действительно помочь бедняцкому хозяйству, чтобы дать возможность машинному товариществу беднякам купить трактор, чтобы пособить беднякам купить лошадей, чтобы дать известную ссуду на обсеменение, чтобы помочь организоваться и развиваться тому или другому кооперативному об'единению.

И, товарищи, отвечая на этот вопрос, мы должны перейти к вопросам нашей экономической политики вообще. На XIV Партконференции мы приняли решение о дальнейшем развязывании товарооборота. Это решение мы приняли для того, чтобы обеспечить усиленный темп накопления в нашей социалистической промышленности. Мы развязываем товарооборот для того, чтобы получить в нашу государственную казну, на основе этого, добавочное количество денег. Мы развертываем товарооборот для того, чтобы путем налоговой политики получить с капиталистически вырастающих элементов добавочную сумму денег; мы для того все это проделываем, чтобы, усиливая наши денежные капитальные ресурсы, быть в состоянии двинуть вперед накопление в нашей социалистической промышленности, с одной стороны, и с другой—для того, чтобы не на словах, а на деле помогать материальными ресурсами бедняцким хозяйствам, при этом в возрастающей степени в тех формах, которые повлекут переход к коллективистским принципам хозяйствования, на место старых, частных, индивидуалистических. Вот наша постановка вопроса. Вот если бы новоявленные пророки из новой оппозиции на вопрос о том, откуда достать добавочные ресурсы, дали бы нам какие-нибудь новые рецепты, указали бы особливые источники получения добавочных ресурсов, открыли бы не кладезь оппозиционной премудрости, а кладезь добавочных материальных средств, мы бы не только голосовали за свою точку зрения, но на руках вознесли бы всю оппозицию до небес. Но в том то и дело, что никакого источника у них нет, кроме огромного источника вредного и ненужного «словесного производства». (Смех. Аплодисменты).

Ставя вопрос о борьбе с кулаком, мы утверждаем: главное средство борьбы, правильное применение которого решит дело в нашу пользу, это завоевание середняка на сторону пролетариата. Если речь идет о помощи бедноте, то главное средство у нас — ускорение быстроты оборота и извлечение дополнительных денежных ресурсов на основе общего хозяйственного под'ема стимулируемого решениями XIV Партконференции. Если речь идет о формах борьбы, то мы заявляем, что центр тяжести сейчас,

с нашей точки зрения, в экономической борьбе, в противопоставлении хорошо налаженной кооперации частнику, в материальной помощи нашего государства и определенной кредитной политике, в профсоюзной защите нашего батрачества от кулака; но эта борьба ведется и путем законодательства об охране труда, путем налогового законодательства, которым мы экспроприируем часть доходов капиталистических групп; работой нашей партии по организации деревенской бедноты в политической борьбе при перевыборах в советы; занятием командных высот в области нашей кооперации и т. д. и т. д.

Подытоживая эту часть своего доклада, я должен отметить, что развязав товарооборот в деревне, развив новую экономическую политику в деревне, мы пока еще не получили значительного добавочного количества ресурсов и еще не почувствовали ощущительных результатов развития товарооборота. Точно так же, как мы, проделав огромный маневр с переходом от военного коммунизма к новой экономической политике, увеличили материальные ресурсы на основе этого перехода не в первые месяцы новой экономической политики, а лишь впоследствии,—и здесь мы будем жать свою жатву только через некоторое количество времени. Именно, учитывая эти перспективы, мы приняли определенные решения на XIV Партконференции. И, когда, в результате политики, намеченной этими решениями, будет расти наше социалистическое накопление, когда в наших руках будет концентрировано гораздо большее количество материальных ресурсов, тогда мы в возрастающей степени будем помогать бедняцким маломощным хозяйствам в деревне, тогда мы не на словах, а на деле создадим очень мощное противодействие процессу диференциации в деревне, ибо мы будем нищающее теперь хозяйство переводить в хозяйство, подымающееся экономически. И это вовсе не утопия. Это вовсе не неисполнимые надежды.

Но, товарищи, если мы перед всей страной по этому поводу не кричим во всю глотку и не даем направо и налево тысячи и десятки тысяч обещаний, то это происходит потому, что мы сознаем свою ответственность. Нам нечего сейчас уподобляться некоему герою грибоедовской комедии, говорящему: «шумим, братцы, шумим». Нет. Лучше меньше шуметь и больше делать. (Аплодисменты). Подождем, выдержим, пока у нас исправится хозяйственное положение, подождем, пока у нас будут накопляться определенные ресурсы на основе нашей правильной политики, не будем направо и налево бросаться обещаниями, а когда будет что дать, тогда и дадим. Подобно тому как за последнее время мы создали целый ряд облегчений в области сельскохозяйственного налога, быть может, иногда не все справедливо рассчитав, мы проведем соответствующие мероприятия в отношении бедняцкого хозяйства, когда мы, благодаря нашей правильной, не истерической, а точно рассчитанной политике, получим для этого необходимые ресурсы.

Так, товарищи, обстоит дело с вопросом о диференциации крестьянства. Вообще говоря, у нас процесс диференциации, расслоения крестьянства, сам по себе не может итти так быстро, как он идет в капиталистических странах. Он не может итти так быстро потому, что у нас налицо пролетарская власть и помощь середняку и бедноте. Он не может итти так быстро потому, что у нас земля из'ята из товарооборота и национализирована. А национализация земли есть известный фактор, известное явление, которое мешает такому росту кулацкого хозяйства, который мог бы иметь место при свободной купле и продаже земли. Если бы у нас была свободная купля и продажа земли, то, естественно, богачи скупали бы земельные участки один за другим, богатели бы, и таким образом вырастал и укреплялся бы новый помещик.

У нас есть рычаги—командные высоты, у нас есть становящаяся сильнее кооперация, и поэтому процесс диференциации не может итти так быстро, как в капиталистических странах. Первое время он будет обостряться по причинам, о которых я говорил, а затем застопорится. Мы станет настолько экономически сильными в основных наших хозяйственных узлах, что сможем уже решительно и круто повернуть основную массу крестьянских хозяйств на социалистический путь развития, но это дело будущего, хотя и не особенно отдаленного. В настоящее же время происходит обострение классовых отношений в деревне, и поэтому дело нашей настоящей политики в деревне и дело нашей общей политики состоит в том, чтобы, осознав эту растущую диференциацию, привести в движение все экономические и политические батареи под руководством командных пролетарских высот, под руководством нашего класса и под руководством нашей партии.

Я говорил сейчас о процессе диференциации крестьянства и перспектив социалистического развития; теперь я перехожу к другому разделу, а именно к разделу о командных высотах и о самом рабочем классе. Рабочий класс опирается у нас и на свои экономические высоты, и на свои политические высоты, и на мощь своей внутренней организации. Из экономических высот крупнейшую роль играет наша государственная промышленность. Политические высоты—это, в первую очередь, наша партия. В той чрезвычайно сложной борьбе, которую рабочий класс должен вести в нашей стране, в условиях, когда трудности и враждебные нам силы растут, нам необходимо во что бы то ни стало сплачивать, консолидировать силы самого рабочего класса. С этого конца нужно подойти к целому ряду взглядов, развиваемых нашей оппозицией.

Для того, товарищи, чтобы как следует вести политику, для того, чтобы давать отпор всяческим мелкобуржуазным напорам, нужно сплачивать как следует в один кулак сам наш класс, а для этого необходимо, чтобы у рабочего класса и у партии была некоторая, хотя бы элементарная уверенность в том, что мы сейчас нашим строительством продолжаем дело социалистической рево-

люции. Если мы сейчас укрепляем промышленность и хорошо торгуем в кооперативе, то не забудьте, что мы этим самым продолжаем дело социалистической революции. Вот этого очень многие никак не могут понять.

Каков путь социалистической революции? Сделать социалистическую революцию значит: низвергнуть буржуазию—раз, построить пролетарское государство—два, добить буржуазию—три, экспроприировать ее—четыре, строить общество на новых началах—пять, и в этой борьбе вести свою линию, хотя бы медленно, но последовательно и неуклонно, изменяя производственные отношения в стране, переделывая их на социалистический лад. Что представляет собою переживаемый нами строительный период? Это есть следующий за утверждением диктатуры этап революционной борьбы рабочего класса за социализм. И когда товарищи из оппозиции сейчас по отношению к нашей строительской работе выступают с подрывом веры в это дело, то об'ективно это есть помеха социалистической революции рабочего класса, хотя бы соответствующие товарищи этого и не сознавали. Наша партия и рабочий класс не могут спокойно и уверенно вести эту работу и продолжать социалистическую революцию, если в ее рядах распространяются идеи о том, что в нашей отсталой стране мы технически не в состоянии будем справиться с задачами нашей революции.

Когда мы обвиняем товарищей из оппозиции за неправильную постановку вопроса о строительстве социализма в нашей стране, то в чем же мы их обвиняем и против чего мы считаем нужным бороться? Мы считаем, что нужно решительно бороться против одного положения, выдвинутого т. Каменевым и т. Зиновьевым на заседании Политбюро,—положения, что мы погибнем из-за нашей технической отсталости, если своевременно не подоспеет экономическая помощь со стороны победоносного западно-европейского пролетариата. Нас обвиняют за это в национальной ограниченности, но этот упрек имел бы какие-нибудь основания лишь в том случае, если бы мы сказали, что мы вообще продержимся во всех условиях одни. Это было бы неправильно, это было бы национальною ограниченностью; но ведь не было национальной ограниченности в том, что мы звали массы на октябрьские баррикады, хотя бы в одной стране? Конечно, не было.

Мы защищаем настоящую ленинскую точку зрения, если утверждаем, что, несмотря на нашу техническую отсталость, несмотря на то, что у нас много крестьянства, несмотря на то, что техника и экономика еще чрезвычайно отстали, мы все-таки шаг за шагом можем строить социализм и построим его до самого конца, если этому не помешает вооруженное вмешательство со стороны капиталистических держав. Вопрос поставлен так: если бы на минуточку представить себе, что не было бы никаких капиталистических держав вокруг нас, то рухнули бы мы или не рухнули? Мы ответили бы: мы не рухнули бы, а достроили бы до самого конца. (Аплодисменты). Но ведь мы живем не в пустом пространстве,

а живем окруженные капиталистическими державами. Могут ли они нас победить вооруженной силой? Мы отвечаем: могут. Поэтому, можем ли мы в действительности отказаться от курса на международную революцию? Нет, не можем.

Международная революция есть единственная гарантия того, что нас не задавят капиталистические державы. Но можем ли мы из этого делать заключение, что наша техническая и экономическая отсталость погубят нас? Мы говорим: это совсем другой вопрос, и кто так говорит, тот вселяет неверие в наши строительные силы, тот вселяет неверие во внутреннюю мощь нашего рабочего класса, в возможность с его стороны руководить крестьянством, тот стоит в полном противоречии с Лениным. Если у нас нет уверенности в достаточности наших внутренних сил для построения социализма, тогда ведь нам нечего было итти на октябрьские баррикады, тогда были бы правы все меньшевики, которые говорили, что в такой отсталой стране, как Россия, нечего затевать социалистическую революцию, тогда бы оказался прав т. Троцкий, утверждавший, что без государственной помощи со стороны победившего западно-европейского пролетариата мы обязательно столкнемся с мужиком, который нас обязательно свалит.

Некоторые наши товарищи, которые спорили против Ленина, начиная с февраля по октябрь 1917 года, исходили из точно такой же предпосылки, что в нашей стране внутренних сил достаточно для доведения до конца буржуазной революции, но недостаточно для перехода к борьбе за социализм. Но ведь этим идейным шатаниям партия в свое время дала отпор. Однако, имея здесь дело с известной недооценкой наших сил, мы не можем хвастаться тем, что у нас все выполнено. Я все время старался раз'яснить в своем докладе, где и какие у нас больные места, не скрывал их, но какой смысл имеет говорить, что у нас нет настолько сил, насколько они имеются. Эта значит с другого конца подкапываться под самих себя и подрубать тот сук, на котором мы сами сидим.

Совсем коротко остановлюсь теперь на вопросе о роли нэп'а. В этом вопросе, товарищи, у нас есть расхождения с оппозицией—главным образом в том, что оппозиция не понимает, что нэп есть не только отступление. Тов. Зиновьев в своей книжке, как вы отлично знаете, определяет нэп только как отступление, мы же считаем, что нэп был отступлением, а теперь мы на рельсах новой экономической политики, а не на рельсах возврата к военному коммунизму, наступаем на капиталистов в нашей стране, потому что успехи нашего социалистического строительства суть не что иное, как наше наступление на рельсах новой экономической политики. Еще на Московской губернской партийной конференции я поставил в первый раз этот вопрос в связи с вопросом о госкапитализме, к которому я потом перейду. Я заявлял тогда,— и это полностью теперь подтверждается,—что если мы будем неправильно трактовать о нэп'е и если мы будем неправильно говo-

рить о госкапитализме, то тем самым мы исключаем возможность правильного воспитания новых слоев рабочего класса и, в особенности, новой молодежи из рабочего класса, что тем самым мы подрываем организационные и идейные силы нашего класса.

Я прочту вам сейчас кое-какие выдержки из письма, написанного одним молодым рабочим очень смело—с подписью и пр.—для иллюстрации того, на какую мельницу льет воду наша оппозиция. Письмо под заголовком: «Что делать?» «Стоит ли итти в налетчики?»... (Смех). Не смейтесь: вы увидите, что это далеко не смешно. Сперва идут имя, фамилия, год рождения—1909 (молодой парень—всего 17 лет). Затем он описывает, как он учился в школе, как ему приходилось трудно, насколько тяжело его материальное положение, описывает свои мытарства по нашим бюрократическим органам, а потом пишет: «следует ли мне итти в налетчики и не будет ли это в ущерб моей основной цели—водворению диктатуры пролетариата,—конечно не в виде самоцели,—на всей земле и притом и немедленно»? Дальше он раз'ясняет идейный путь, которым он «дошел до жизни такой». «Вот,—говорит,—в двух словах, как я к этому пришел». Он пишет так:

«Большевики отказались от проведения своей классовой линии. Эпоха «военного коммунизма» и была эпохой диктатуры пролетариата, а на X с'езде диктатура пролетариата была подменена революционно-**демократической** диктатурой пролетариата и крестьянства. Подмен этот окончательно был завершен на XIV партконференции, и теперь дело остается только в названии. Большевики все еще называют современное положение диктатурой пролетариата, но уже и то некоторые из них предлагают не так ясно говорить: «руководство пролетариата»—крестьянам это, мол, не особенно нравится. Удержать диктатуру пролетариата, по-моему, большевики могли бы не введением нэп'а, что произошло на X с'езде, а об'явлением революционной войны международному империализму (конечно, нас могло ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь—«или пан, или пропал»). О революционной войне много говорилось при решении вопроса о заключении Брестского мира, и Ленин, ратуя за его заключение, говорил: «нам необходимо задушить буржуазию, а для этого необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки и тогда сможем вести революционную войну с международным империализмом». И вот к 1921 году буржуазия задушена, но большевики, забыв революционную войну, ударяются в мирное строительство и наивно думают, что это мирное строительство—с каждодневными уступками нэпачам, кулакам, частной инициативе—доведет до социализма».

«Долой мирное строительство—да здравствует революционная война!

«Да здравствует диктатура пролетариата в мировом масштабе! «Да здравствует коммунизм!» Следует подпись и адрес.

Правда, он смелый парень, но, по чести говоря, он додумал все до конца, больше, чем некоторые из оппозиционных товарищей. (Смех). Я вам сейчас скажу—почему. В самом деле, представьте себе такое положение вещей. Человек учится по книжке Зиновьева «Ленинизм» и на всех страницах, которые я точно перечислил в своей речи на партийном с'езде, он читает, что нэп есть отступление, отступление и отступление. Если мы с 1921-го года только и занимаемся, что отступаем, если это отступление заключается в возрастающих уступках—тогда совершенно естественно, что у нас за этот период, кроме черной полосы отступления, ничего нет. Ведь ясно это? Тогда, конечно, совершенно ясно, что если это отступление связать с нашей технической отсталостью, то выходит, что мы едва-едва кряхтим и кряхтя отступаем все время назад, делаем все время уступки капитализму. Где же тогда строительство социализма?

С этим хорошо увязывается и другой вопрос — вопрос о госкапитализме в нашей государственной промышленности. Ведь, если наша промышленность социалистическая, то тогда рассеивается мираж всеобщего постоянного отступления, потому что мы имеем рост социалистической госпромышленности; но если у нас постоянное отступление, то тогда легко примирить это положение с тем, что наша промышленность не социалистическая, а госкапиталистическая. И тогда получается, что мы сделали экспроприацию буржуазии, потом делаем ей все время уступки: нашу промышленность подняли, но не на социалистических началах, а на капиталистических; в деревне растет кулак, строительство социализма невозможно из-за нашей технической отсталости, и мы неизбежно подойдем к такому моменту, когда мы должны будем свертываться.

Если нэп, как общая форма нашей политики, о которой Ленин говорил как о единственно правильной политике пролетариата, является, по словам т. Зиновьева, сплошным, самым широко задуманным отступательным движением большевизма, — что же получается? Получается, что мы из-за технической отсталости погибаем: нэп только отступление, мы все годы только отступаем; госпромышленность — капиталистическая, а так как госпромышленность есть головной отряд, то, раз уже она госкапиталистическая, то все остальное — и подавно. Куда дальше итти? Значит, у нас цепочка только отрицательных событий.

На чем сидит пролетарская диктатура? Ясно, что если под пролетарской диктатурой экономически самым твердым местом является госпромышленность, которая не есть социалистическая, то все остальное, во всяком случае, мелкобуржуазная жижа и дрянь. И совершенно естественно, что мы, сидя на такой штуке, сами не имеем уже ни грана социализма, ибо ясно, что ни одна власть не может выражать иную сущность, чем та, на которой она сидит. Значит, наша собственная власть не есть диктатура пролетариата, а мы только пускаем пыль в глаза рабочему. Значит, наша власть есть блок наших выродившихся хозяйствен-

ников и термидорианцев, по выражению т. Залуцкого. И тогда люди, которые не связаны с нашей партией, доводят эту мысль до логического конца. Что выступления вроде тех, какими занималась новая оппозиция, поддерживают в среде рабочего молодняка, который не может продумать проблему до конца, такого рода настроения — не подлежит никакому сомнению, потому что, если криво усмехаться и говорить: социализм, какой это социализм — госпромышленность , хорош социализм, когда рабочие мало получают, — плюем мы на такой социализм, свобода торговли, нэп. Вот вы кричите, что идете вперед, а сами широко отступаете; затем вы говорите, что свобода торговли обслуживает социализм; ничего она не обслуживает, — это капитализм... Вот, если так говорить, тогда действительно уж нечем крыть. Тогда плевал я на такую власть, плевал я на такую экономику, плевал я на такую партию, которая всякой ерундой занимается. Ведь это же прямой вывод из всего этого.

Вот если бы говорили так: у нас госпромышленность социалистическая, но бедная — это было бы правильно; что мы строим социализм, но у нас трудные задачи — это было бы правильно; что у нас, в общем и целом, кооперация на социалистическом пути, но тут громадные трудности — это было бы правильно. Но если говорят, что ЦК термидорианский, а термидорианцы были контр-революционерами, которые проделали после французской буржуазной революции контр-революционный переворот, то это вздор. Если ЦК термидорианский, то-есть контр-революционный, если наши основные партийные кадры перерождены, то наша партия ни чорта не стоит, то она ведет по совершенно негодному термидорианскому пути. А я думаю, что некоторые товарищи чрезмерно начитались белогвардейских газет и очень испугались того, что там пишут, страшно испугались того, что противники про нас говорят, так испугались, что сами стали верить тому, что там пишут. Таких вещей допускать нельзя.

Товарищи, совершенно ясно, что мы должны вести против такого рода уклонов борьбу. Мы знаем, что у нас многое чрезвычайно плохо, мы знаем, что существует тенденция к перерождению и среди хозяйственников и среди партийной бюрократии, но не нужно всего этого преувеличивать, а нужно рационально со всем этим бороться. Так мы ставим вопрос. Я думаю, что когда представители новой оппозиции разрушают веру в социалистическое строительство, вселяют совершенно неправильное представление об общих основах нашей политики, они подрывают доверие к нашим экономическим высотам, они подрывают и доверие к нашей общей политике, а когда они говорят о нашей партии, то они также подрывают основы политической власти рабочего класса. Когда Надежда Константиновна на партийном с'езде говорит о Стокгольме, то она подрывает авторитет нашего партийного с'езда и всей партийной организации. Когда т. Зиновьев предлагает блок всех фракций и группировок, т.-е. нарушает основные принципы большевизма в организационном

вопросе, он подрывает силы нашей партии. Когда т.т. притовопоставляют комсомол нашей партии, они подрывают авторитет партийного руководства, они ударяют, хотя и бессознательно, по делу рабочего класса, и они об'ективно помогают всем кулакам. нэпманам и проч.; они подрывают веру в наши экономические высоты и общие принципы нашей политики. Они подрывают силы рабочего класса тем, что ударяют по нашей партийной организации, выдвигая такие вещи, как рассуждения о Стокгольмском с'езде, как вопрос о блоке фракций и группировок, такие вещи, как обстрел и неподчинение резолюциям партийного с'езда, такие вещи, как натравливание комсомольской организации на нашу партийную организацию, все переворачивают и ставят на голову. Мы против того будем бороться до конца. Если потакать такому, якобы, ленинизму в организационном вопросе и в вопросах общей политики, то это значить погубить нашу партию.

Я хочу сказать, товарищи, еще несколько слов относительно тех задач, которые стоят сейчас перед нами, специально относительно Ленинградской организации. Мне кажется, что текущая Конференция должна подчеркнуть свою солидарность с решениями партийного с'езда; она должна, мне кажется, показать всем ленинградским коммунарам, что во внутрипартийной истории Ленинградской организации должен быть сделан определенный поворот в сторону не фальшивой, а настоящей внутрипартийной демократии. (Аплодисменты).

Мне кажется — да простят мне некоторые товарищи из бывших руководителей Ленинградской организации — что тот режим, который здесь был, можно характеризовать, как соединение демагогии с фельдфебельскими методами управления партией. (Аплодисменты). Нужно понимать, что наша партия стоит перед большими трудностями. Если возникают какие-нибудь серьезные вопросы и разногласия, то нам надо их как следует проработать по существу. А вы посмотрите, что здесь делается. Спросите любого из оппозиционных комсомольцев, или соберите их всех вместе и попробуйте немножко проэкзаменовать, что они читали, что они знают и что они понимают, — картина будет наверняка далеко не утешительная. Какой-нибудь из вождей прочитает доклад, а потом этот доклад, сплошь и рядом механически, повторяют на всех перекрестках без того, чтобы вдуматься, серьезно проработать эти вопросы, без того, чтобы воспитать чувство ответственности, без того, чтобы внимательно прислушаться к каждому аргументу своего противника, вникнуть в вопросы, уметь слушать других и т. д.

Пусть будет поменьше парадов, поменьше словесной трескотни, пусть будет поменьше показного, пусть будет поменьше внешнего лоска, пусть будет поменьше внешних эффектов, но побольше работы по существу и притом работы, проводимой более демократическим путем. Ведь всякий легко поймет, почему руководящий аппарат старого типа в Ленинграде так скоро по-

терял свой авторитет: не только потому, что сюда понаехало много цекистов (конечно, и это имело значение), но и потому, что ЦК опирался здесь на демократическое недовольство партийных низов против бюрократического аппарата ленинградских организаторов. (Аплодисменты).

Самой собой разумеется, что мы всему знаем границы, всему знаем меру; что мы не можем перескакивать через огромные овраги, через которые перескочить сразу не в силах, но основной курс по отношению к Ленинградской организации должен быть примерно такой: то, что мы от имени Исполкома Коммунистического Интернационала писали о необходимости нового внутрипартийного курса ЦК германской партии секретарю Рут Фишер, ваша Конференция должна преподать всей Ленинградской организации. Я, товарищи, думаю, что если мы поведем работу так, то достигнем не очень быстрых, но значительных успехов.

По отношению к молодежи нужно обязательно проявить здесь максимум терпения, нужно, конечно, хлестать их за то, за что нужно хлестать, но нужно помнить, что они действительно—наша смена, что здесь нужен все же осторожный подход, что нужно бороться за каждого человека, чтобы его переубедить. ЦК стоит на той точке зрения, что мы не можем швыряться людьми, что мы должны сохранять людей, пока есть некоторые шансы добиться их сохранения для общего дела, для дела, ради которого мы работаем, за которое мы живем и, если нужно, умрем. Это будет очень сложная работа, она потребует от нас добавочного внимания, она потребует от нас добавочных усилий, но эти усилия будут окупаться не механическим, а органическим сплочением рядов нашей партийной организации на основе твердого убеждения в правильности решений партийного с'езда.

Если сейчас нам приходится переживать некоторые—и довольно серьезные—экономические затруднения, если на этой почве создаются благоприятные условия для различных колебаний внутри рабочего класса и нашей партии, то в рядах нашей партии необходимо крепить единство и уверенность в правильности нашего пути. Если мы наши партийные ряды сплотим по-настоящему,—а мы их сплотим,—то из хозяйственных затруднений, в которых мы находимся, мы вылезем (в этом я нисколько не сомневаюсь), свое положение через некоторое время укрепим еще в небывалой степени, и на почве роста хозяйственной мощи дадим сильнейший толчок укреплению нашего международного влияния, влияния на западно-европейский пролетариат, влияния на внешнюю политику, влияния на растущее революционное движение колониальных народов.

Нужно помнить и быть совершенно уверенным в том, что, строя наше социалистическое хозяйство, укрепляя социалистические элементы в нашей стране, мы делаем величайшее в истории дело—международную социалистическую революцию. Мы

должны помнить, что одним из главнейших факторов роста революционного движения во всем мире является укрепление нашего хозяйства, укрепление мощи пролетарской диктатуры, укрепление влияния нашей партии. Мы должны сплотить наши ряды, ибо только при условии единства, при условии единодушия ленинского руководства мы в состоянии вести за собой в такой трудной обстановке рабочий класс.

Да здравствует ваша организация!

Да здравствует вся наша партия! (Бурные аплодисменты).

Заключительное слово тов. Бухарина.

Товарищи, мне по сути дела можно было не делать заключительного слова, так как среди выступавших выявился только один единственный товарищ, который возражал против нашей линии. Но мне кажется, что к этому товарищу следует применить хорошую русскую поговорку: «лежачего не бьют». (Смех, аплодисменты). Затем я позволю себе допустить некоторое расхождение с моим другом т. Кировым. Он говорил, что у нас с вами была размоловка, хотя и временная. Я бы сказал, что известная размоловка у нас была не с вами, а с теми, про которых можно сказать словами стихотворения: «Одних уж нет, а те далече». (Смех, аплодисменты).

Товарищи, несмотря на то, что я получил изрядную кучу записок, я разрешаю себе, надеюсь с вашего массового благословения, остановиться лишь на нескольких вопросах, которые я считаю наиболее интересными и нуждающимися в ответе. Ответ на эти вопросы составит первую часть моего заключительного слова, а главную часть его я посвящу анализу некоторых вопросов организационого характера, на которых я в своем докладе почти не останавливался.

Первая записка, на которой я намереваюсь остановить ваше внимание, написана сногсшибательно учено, но автор оказался недостаточно грамотным для того, чтобы разборчиво подписать свою фамилию (смех), что свидетельствует о его больших познаниях и о его не совсем большом мужестве, ибо чего же стесняться подписывать фамилию под запиской, в которой нет ничего ни уголовного, ни политически особливо предосудительного? Очевидно, осторожность является добродетелью этого товарища. (Смех, аплодисменты).

Для большей понятности я сам сформулирую мысли и вопросы автора, нашедшие отражение в этой записке.

Товарищ говорит так: вот и в ленинской книжке и в моей книжке относительно мирового хозяйства и империализма сказано, что об'единения всего мирового хозяйства в одно организованное целое ожидать нельзя, а из этого он делает вывод, что при капитализме оно разбито на куски; а если оно разбито при капитализме на куски и если считать возможной победу соци-

ализма в одной стране, то она будет сперва в одной стране, потом в другой, потом в третьей, и таким образом, сложатся разные социализмы, ничем не связанные между собою. Такова первая мысль товарища.

Мне кажется, что это рассуждение со всех сторон не «круглое», неправильное: прежде всего мирового хозяйства, как организованной системы, не существует, т.-е. нет такого учреждения, нет такого центра, который бы регулировал мировое хозяйство подобно тому, как т. Дзержинский регулирует нашу крупную промышленность, как регулируется хозяйство всех капиталистических, промышленных стран. Этого нет и не может быть при капитализме, но, товарищи, из этого вовсе не вытекает, что нет экономической связи между различными странами. Такая связь на самом деле есть, и эта связь является предпосылкой единого мирового социалистического хозяйства. Из того, что сейчас нет организованного мирового хозяйства, нельзя делать заключения, что вообще нет мирового хозяйства. Далее этот товарищ говорит: что если победа социализма возможна сначала в одной стране, а потом в другой, то, повидимому, социалистические системы разных стран будут вечно не связанными, отдельными кусками. Откуда это следует? Мы утверждаем, что социализм может победить в одной стране. Но разве мы выдвигаем такую замечательную гениальную мысль, что если в одной стране мы победим, а в другой стране не можем и не будем побеждать? И разве не ясно, что вся логика классовой борьбы в международном масштабе будет вести к хозяйственному и политическому об'единению стран, возглавляемых диктатурой пролетариата.

Далее товарищ ставит вопрос, охватывающий два подвопроса. Прежде всего он вопрошает: признаете ли вы, что без наличия международной революции на дело строительства социализма в нашей стране потребуется не менее нескольких десятилетий? Это абсолютно верно. Если мы будем строить социализм одни, без прямого вторжения капиталистических государств, но в то же время и без государственной помощи со стороны западно-европейского пролетариата, то до полного социализма мы дошли бы лишь в течение нескольких десятилетий, минимум. Это совершенно верно — без помощи мы будем итти медленно, с помощью — быстрее, так что в этой части записки ничего порочащего нашу пролетарскую честь— нет. Зато нужно остановиться на второй части записки, в которой товарищ спрашивает: неужели в ваших головах — сторонников этой теории— «не возникало вопроса о том, что до всеобщей международной революции пролетариат может победить в нескольких капиталистических странах?»

Я думаю, что такая мысль возникала у каждого, и совершенно напрасно товарищ сомневается в том, что она у нас возникала. Но что из того, что она возникала? В действительности, конечно, прежде чем мы сами дорастем до полного социализма, будет

пяток, а, может быть, и десяток революций. Вопрос не в этом. Разве мы когда-нибудь говорили, что сперва мы доползем до конца, и только потом будут революции в других странах? Кто это утверждал? Разве об этом шел вопрос? Не в этом вопрос заключается: вопрос заключается в том, — а если будет очень длительная затяжка международной революции; можем ли мы продвигаться вперед к социализму? Вот в чем вопрос. Является ли наша техническая и экономическая отсталость такой вещью, которая нас обязательно погубит? В этом и только в этом заключается вопрос. Ясное дело, что революция в некоторых других странах придет раньше, чем мы доползем до конца — это свята истина. Но из этого вовсе не следует, что мы обязательно должны, как утверждают т.т. Зиновьев и Каменев, крахнуть из-за нашей технической отсталости. Мы говорим: если скоро будет международная революция, если скоро будет помощь, — мы будем двигаться скорее; не будет этой помощи — будем двигаться медленно, но двигаться будем и строить социализм будем.

Теперь, товарищи, я буду говорить о других проблемах, затронутых в записках. Я прежде всего должен, товарищи, подчеркнуть то, что я дважды, а может быть, и большее количество раз, подчеркивал в своей речи, — что задачи, стоящие перед нами, настолько сложные, что мы вечно должны ходить по острию бритвы: на полволоска ступишь влево — ошибка, на полволоска ступишь вправо — ошибка. Тут задачи настолько большие и настолько сложные, что нужно всегда учесть правильную пропорцию, чтобы определить верную линию. Вот мы говорим, что оппозиция слишком перепугалась роста кулака. Это правильно. Но если, например, говорить, как говорил один из выступавших здесь товарищей, наших сторонников, который чуть-чуть на волосок отошел в сторону и сказал, что кулак вообще нам не опасен, — это уже неправильно. Этот товарищ перегнул палку, и я должен заявить, что так говорить нельзя. Одно дело сказать — оппозиция преувеличивает кулацкую опасность. Это правильно. Но сказать, что кулак нам не опасен — это неправильно, потому что из этого сейчас же можно сделать практический вывод: значит, не надо с ним бороться. Это неправильно. Во всех этих вещах нужна мера.

Мне была подана записка, в которой говорится, что в уездах сейчас идет разговор относительно создания особой крестьянской партии, и товарищ, наш сторонник, который нас поддерживает, не знает, как на этот вопрос ответить. Я хочу ответить на этот вопрос. Ясное дело, мы должны быть против особой крестьянской партии, потому что организация особой крестьянской партии неизбежно выросла бы в организацию, направленную против нас, как партии пролетариата, которая обострила бы отношения между нами, как партией рабочего класса, и всем крестьянством. Поэтому мы должны здесь, как это ни трудно и ни сложно, об'яснять, что для того, чтобы крестьянство сохранило

свои революционные завоевания, сохранило землю, сохранило правильный путь своего развития, необходимо руководство рабочего класса, что это руководство не может быть без той роли, которую занимает наша партия, и что всякая любая другая партия в нашей стране неизбежно оказалась бы своим острием направленной против нашей партии, а следовательно, подорвала бы пролетарскую диктатуру. На этой теме я долго останавливаться не могу, а делаю только основную наметку.

Вот когда мы не знаем, как ответить на вопрос о крестьянской партии, когда мы не знаем или преуменьшаем опасность кулака, как это здесь проскользнуло у одного из товарищей, то совершенно естественно, что нам необходимо еще раз подчеркнуть то, что я уже говорил в своем докладе, а именно: что сейчас в деревне кулак иногда с первого раза не виден, что формы эксплуатации бывают скрытыми и что формы наемного труда у таких хозяйств бывают скрытыми. Ведь мы знаем, что кулак есть эксплуататор, деревенский капиталист, а основа деревенского капиталиста, как и всякого капиталиста, заключается в том, что он эксплуатирует наемный труд. Но бывают такие случаи, что крестьянин-кулак сам в своем хозяйстве непосредственно наемных рабочих не имеет, но он, скажем, сдает в аренду свою жнейку, веялку или трактор и получает за это большие деньги. Что это такое по сути дела? Это значит, что наемный рабочий, или полунаемный рабочий, или превращающийся в наемного рабочего бедняк работает на хозяйской жнейке или молотилке, воображая, что он совершенно самостоятелен. Это — скрытая форма наемного труда, первоначальная ступенька, не отчетливая, но которую нам необходимо иметь в виду, чтобы распознавать по-настоящему рост капиталистических отношений в деревне. Этот вопрос я подчеркнул потому, что у меня есть несколько записок, которые говорят, что очень часто, при распределении ввозимых из-за границы машин, они попадают в руки кулацких слоев, и что нужно обратить внимание на более правильное их распределение, что, конечно, совершенно верно.

Одна записка ставит вопрос о другой стороне дела — в области крестьянской политики, в отношении помощи бедноте. Товарищ, написавший эту записку, говорит таким образом: вы хотите помогать бедняку путем развязывания товарооборота. Сейчас, — говорит он (он говорит про меня), — вы говорите, что не в состоянии в достаточной степени помогать, но после того, как разовьете товарооброт, вы получите добавочные ресурсы, вы будете ему помогать. И он ставит такой вопрос; что же вы делаете? Ведь на основе развертывающегося товарооборота вы будете получать средства от кого? От того же бедняка. Значит, будете помогать бедняку из его же собственного кармана, а это очень нехорошо. Вы должны помогать ему из другого кармана. Я тут, товарищи, должен сказать, что эта постановка вопроса слишком упрощенная. Мы помогаем здесь из на-

шего общего кармана, общего кармана нашего государства, куда стекаются все добавочные суммы, получаемые от ускорения общего товарооборота, при чем, конечно, эти суммы в конечном счете создаются трудом, трудом ли рабочего, трудом ли крестьянина, трудом ли крестьянина-середняка или крестьянина-бедняка, но, во всяком случае, трудом, — ибо иначе ни откуда ценности поступать не могут. Но неправильно сказать, что эти ценности идут от бедняков, потому что мы часть налогов получаем из доходов капиталистических слоев, часть получаем от середняцких хозяйств, часть с рабочего и часть мы получаем с бедноты. Мы получаем этот приход от разных слоев. Если мы часть получаем через экспроприацию в налоговой форме доходов капиталистических слоев, то этим самым мы экспроприируем и перераспределяем капиталистические доходы: с богатого берем, бедному даем.

Если же мы получаем с середняка или даже частично с бедняка, то ведь, товарищи, суть нашей политики в значительной мере состоит в том, что мы из разного рода различных источников собираем доходы, держим в своих руках, для того, чтобы наиболее целесообразно и по плану их распределять. И в этом ничего абсолютно плохого нет. Если мы, скажем, из общего количества прибавочной ценности, которая получается в городской промышлености, 10% отдаем на дело жилищно-рабочего строительства, так что же тут плохого? Ничего плохого нет. Но мы должны наиболее целесообразно распределять эти суммы.

Дальше неверно утверждение, что мы помогаем бедняку за счет бедняка. Нет, мы собираем жатву с различных слоев, мы берем часть с богатых, часть со средних и распределяем все из общего котла.

Меня спрашивают, какой путь преобладает в деревне, социалистический или капиталистический: я по чести вам скажу, что в настоящее время с полной уверенностью насчет деревни, какая там струя преобладает, я сказать не берусь, потому что статистика у нас поставлена не особенно хорошо, обследования у нас сделаны только по отдельным волостям детальные, а те сводки, которые имеются, не дают еще права утверждать, как обстоит дело по всему Союзу. И вот только перепись, которая предполагается на этот, 1926-й год позволит с большей точностью судить об этих основных соотношениях в деревне.

Товарищи, теперь я сделаю еще одно замечание в связи с некоторыми записками оппозиционного характера, правда, очень немногочисленными, их было 1 или 2, которые в общем повторяют то, что говорил здесь один из выступавших товарищей. В записках этих говорится: вы сняли такого-то товарища, вы предприняли такие-то меры. Товарищи, я на это и возражать не буду, а приведу только одно единственное соображение. Неужели товарищи не понимают, что за одно то, что люди восстали против готовых решений партийного с'езда, их можно было бы без всяких разговоров исключить из партии? (Апло-

дисменты). Разве это не так? Ведь для нас нет более высокого учреждения, чем партийный с'езд, и если люди не подчиняются партийному с'езду, если они оспаривают решения партийного с'езда, борются против этих решений, то ведь не может же быть большего преступления против партии. (Аплодисменты). За что же тогда исключать? И если, тем не менее, наш Центральный Комитет к этой репрессии не прибег, если он счел необходимым действовать здесь в первую очередь путем убеждения, то это он делал потому, что руководился не только формальными соображениями о своих правах, но он руководился еще очень важной заботой о том, чтобы по возможности большее количество убедить и завоевать. И он поступил вполне правильно. Он действовал совершенно в духе той внутрипартийной политики, которую он защищал раньше. Следовательно, одно это соображение, что можно было бы, по сути дела, исключить за неподчинение решениям партийного с'езда, убивает все эти аргументы оппозиции.

На чем товарищи играют и чего они не в состоянии осмыслить, так это следующее: люди думают, что если они подчиняются Губкому, который идет против партийного с'езда, то они являются дисциплинированными членами партии, а если какой-нибудь товарищ заступится за решения партийного с'езда против недисциплинированного Губкома, то он разлагает организацию. Но ведь это рассуждения для собутыльников, а не для людей, принадлежащих к партии. (Аплодисменты).

Теперь, товарищи, позвольте мне от этого мостика перейти к различного рода организационным задачам, которые стоят перед нами. Я буду просить у вас извинения за то, что, быть-может, буду говорить с такой резкостью, которая не считается вполне парламентской и вполне приличной для порядочных людей. (Аплодисменты. Голоса: просим). Я должен остановиться на одном из зол прежнего руководства Ленинградской партийной организацией, о которой я упустил сказать в своем первом реферате и которое я поэтому обязан подчеркнуть, для того, чтобы исправить свое упущение, потому что всякое упущение есть своего рода ошибка.

Я говорил здесь о том, что прежний метод управления Ленинградской организацией можно определить как смесь фельдфебельства с демагогией. Но в качестве третьего члена этого триединства нужно включить еще один момент — это искусственное насаждение местничества, интересов своей колокольни, отчужденности, противопоставления себя общепартийной организации. (Аплодисменты).

Не нужно смешивать две вещи — гордость за свою организацию, которая сделала очень много и имеет очень крупные заслуги перед партией. Такая гордость вполне законна, и в этом смысле нет решительно ничего плохого, кроме хорошего, в том, что члены организации, вспоминая минувшие дни, исторические пути, по которым организация шла, исполнены известной про-

летарской солидарности, гордости, внутренней сплоченности, гордости за свою организацию, которая является передовой частью всей партийной организации и всего рабочего класса. Но, товарищи, в нашем мире все так устроено, что очень часто можно испоганить хорошее и превратить в плохое и, исходя из одного хорошего, можно из этого хорошего налепить такую мазню, которая, сросшись с телом этого хорошего, превращает его тоже в плохое. Можно использовать хорошие струнки членов организации, наигрывая на них ловкими и опытными руками так, что польза от этого льет воду на мельницу кое-чего плохого. Для этого достаточно не заметить некоторые совсем «маленькие» вещи.

Представьте себе славную Ленинградскую организацию, которой надо гордиться, но упустите на один моментик из определения того, что организация славная, одну только черту ее — постоянную верность общепартийным задачам, и тогда у вас славная организация превратится в бесславную. Если вы говорите, что у вас в Ленинграде всегда была величайшая сплоченность — один за всех, все за одного, — это великая вещь, этим можно гордиться перед всей партией, но лишь в том случае, если эта солидарность служит спайке всей партии. Но предположите, что у вас эта солидарность направлена против партии, тогда хорошее превращается в плохое. Предположите, что вы верны единственно старому Губкому, повторяете старые песни и т. д.: тогда такая сплоченность из добродетели, с общепартийной точки зрения, превращается в порок. Гордость вашей собственной организации тогда правильна, когда она вставлена в рамки общепартийные. Гордость, «патриотизм» внутрипартийной организации тогда правильны и тогда законны, когда они вставлены в общепартийные рамки, подчинены общепартийному патриотизму». Когда люди гордятся тем, что они стоят впереди партии, а не сбоку ее, тогда это хорошо. Но когда они гордятся своим сплочением, направленным против партии, тогда это плохо. Упускать этого нельзя. Такие превращения в истории неоднократно случались. В этом смысле мы имели бы дело с идеологией своих людей, компанейских начал, вместо правильного руководства парторганизацией. Это было бы местничеством, вместо правильного руководства партийной организацией, местной колокольней, вместо правильного понимания заслуг своей организации перед партией **в целом**.

И вот, товарищи, мне кажется, что эту идеологию «своих людей» в управлении большой партийной организацией, этот «асторийский принцип» надо уничтожить, с ним нужно покончить, и только тогда можно достигнуть правильного взаимоотношения с ЦК, правильного взаимоотношения со всей партией. Вместо всех этих склок, группировок, обвинений друг друга и т. д., вместо этого будут здоровые начала управления всей партийной организацией.

Тут и т. Котов, и т.т. Киров и Молотов говорили относи-

тельно отчуждения верхушки Ленинградской организации от ЦК, которое наблюдалось раньше. Товарищ Ворошилов заявлял — и многие другие товарищи говорили об этом,—что вам надо уничтожить, как некоторые грубо выражались, удельно-вечевой период, феодальные княжества в рамках нашей партии. (Аплодисменты). К этому надо обязательно приступить. И это должен сделать не кто-нибудь другой сверху, а это должны сделать вы сами. (Аплодисменты). Вы должны быть гарантией того, что это не повторится. Вы, товарищи, должны решительно встать на путь внутрипартийной демократии, вы должны сделать невозможным существование таких кумпановских принципов, вы имеете полную возможность это сделать, если только предпримете со всей смелостью и решительностью те мероприятия, которые необходимо сейчас предпринять для того, чтобы действительно обеспечить проведение внутрипартийной демократии в вашей организации.

Я должен сказать здесь, товарищи, что, по моему личному мнению, вы должны здесь по меньшей мере ослабить—а с моей точки зрения и уничтожить—некоторые организационные вещи, которые в'елись в вашу организацию и составляли до сих пор известную традицию—я имею в виду принцип партийных организаторов, вместо секретарей. Вы можете их не называть секретарями, а продолжать называть организаторами—пускай они будут называться организаторами, астрономами, как вам угодно (смех), но совершенно естественно, что общий принцип, специфический принцип, который был, это — замена выборной должности поставленным сверху командиром; совершенно естественно, что при таком положении вещей страшно трудно осуществить внутрипартийную демократию, потому что такой метод влечет за собою неизбежно чрезмерную «твердость» аппарата, которая, будучи доведена до абсурда, может превратиться в окаменелость этого аппарата. Мы не строим каменных изваяний, и наши организационные формы должны обладать достаточной эластичностью, чтобы решать сложные задачи.

Необходимо перейти на старый метод выборных секретарей, которые—я готов лично сделать уступку—пускай продолжают называться организаторами. По этому поводу каждый может повторить слова Кузьмы Пруткова: «Если на клетке слона увидишь надпись «буйвол», не верь глазам своим». Тогда каждый, кто услышит слово «организатор», не будет верить своим ушам, а будет подразумевать, что это — настоящий, выборный секретарь. Если мы, товарищи, проделаем эту, хотя бы небольшую, реформу, или даже если сделаем более или менее крепкие шаги в сторону перехода к этой правильной системе, то тем самым мы создадим до известной степени организационную гарантию против излишней окаменелости партийного аппарата, создадим известную гарантию против возникновения группировок в этом аппарате—группировок, которые будут стоять ощетинившись друг против друга даже в том случае, если они не имеют за душой никаких принципиальных разногласий. Это будет если не

полной—на все 100%, гарантией, то все же известной гарантией против возникновения различных группировок внутри нашей организации. Я, товарищи, должен здесь сказать, что было бы совершенно нетерпимо с точки зрения всей партии в целом, если бы после того, как мы одержали крупнейшую победу над неправильной политической линией, в наших рядах проявились бы разногласия без достаточных на то оснований.

Давайте сделаем все возможное для того, чтобы не только на другой день после победы, но и на третий, и на четвертый, и на следующий месяц, и на следующий год у нас было невозможным повторение остатков старой закоренелой местнической, сепаратической, вырожденческой, склочнической, беспринципной болезни. Надо сделать так, чтобы наша Ленинградская организация шла нога в ногу со всей партией и никогда не противопоставляла бы себя всей партии в целом и ее ЦК. Сделаемте так, чтобы у нас было по возможности больше гарантий непосредственной связи с ЦК и непосредственного влияния ЦК на работу Ленинградской организации. Не будем смотреть на других как на чужестранцев, варягов, гостей. Будем все-таки помнить, что нам дороже всего на свете—единство всей нашей партии и что гордость любой организации не должна иметь почвой противопостановление себя всей партии, а гордость за плодотворную работу внутри партии, без тени, без волоска, без малейшего намека на какое бы то ни было противопоставление партии. Дадим себе такое слово, включим сие в резолюцию, дадим наказ будущему Губкому, наказ, который повесил бы Дамоклов меч над всяким, кто осмелится ради интересов групповой борьбы пожертвовать интересами партийного единства.

Давайте самым смелым и решительным образом проведем внутрипартийную демократию, сделаем так, чтобы большим влиянием на деле пользовались самые широкие массы членов партии. Поднимем нашу партийную организацию на более высокую ступень и в идейном смысле, в смысле идейного понимания принятых с'ездом решений и в смысле возможности систематически воспитывать себя на новых рельсах, на рельсах нового курса, с таким расчетом, что все раны, все обиды, все прорехи, все грехи, все тяжелые потери, которые мы понесли за время дискуссии, были бы покрыты одним — самой крепкой сплоченностью на основе внутреннего убеждения, самой полной солидарностью всей партии.

И тогда вашей гордостью, гордостью вашей организации будет то, что она, быстро поправив ошибки, снова встанет в передние ряды. Ленин говорил когда-то: не тот умен, кто не делает ошибок, а кто делает ошибки не слишком большие и кто их быстро исправляет. Мне кажется, что эти слова можно применить и к любой партийной организации: не та организация хороша, которая не делает никаких ошибок, а та, которая может их быстро поправить. Ваша организация в лице своей верхушки сделала ошибку, в лице своей массы поддалась ошибке, но она быстро эти

ошибки поправила. Так сделаем же все возможное для того, чтобы в будущем этих ошибок делать поменьше и по возможности совсем не делать. И будем помнить о том, что один ум хорошо, а семеро лучше, что одна организация хороша, а все организации, т.-е. совокупность их, т.-е. наша партия,—еще лучше.

И пойдем в первых рядах нашей партии, которая была, есть и будет с вашей помощью, товарищи, единой, сплоченной, железной нашей старой славной большевистской партией. (Бурные аплодисменты).

Доклад на IX чрезвычайной конференции ВКП (б) Выборгского района 6 февраля.

— Товарищи, разрешите мне, прежде всего, передать от имени Центрального Комитета нашей партии привет вашей районной организации и вашей конференции. (Аплодисменты).

Товарищи, еще задолго сравнительно до с'езда, когда выяснилось, что официальное представительство Ленинградской организации идет вразрез с общепартийной линией, когда со всех крыш кричали, что Ленинград, эта передовая организация пролетариата, вынесшая на своих плечах главные удары и стоящая всегда впереди, в самом авангарде рабочего движения и в самом авангарде нашей революции, идет против всей партии, когда постоянно утверждалось это, то сторонники большинства нашего Центрального Комитета всегда говорили, что этого быть не может, что часть товарищей в Ленинграде может заблуждаться, что часть может не знать целого ряда вещей, в силу плохой или неправильной информации, и это наше мнение мы основывали в первую очередь на том, что командная высота пролетарского движения в Ленинграде—Выборгский район—стоит на правильной точке зрения. И я лично на Московской губернской партконференции в полемике с некоторыми товарищами ссылался тоже на этот факт: **не может так плохо дело обстоять в Ленинграде, если Выборгский район—эта цитадель движения ленинградского пролетариата—стоит на правильной точке зрения.**

Вот почему, товарищи, с особеннейшим удовлетворением мы отмечали этот факт, вот почему сейчас, когда на 99/100 дело в Ленинграде уже закончено в том смысле, что мнение ленинградского пролетариата сейчас выяснилось с ясностью, не допускающей никаких сомнений, еще и еще раз необходимо подчеркнуть заслуги Выборгского района, который в эту трудную минуту, трудную с точки зрения нашего внутрипартийного положения, оказался на достаточной высоте, оказался действительным пионером движения, которое сохраняет и в будущем будет сохранять абсолютно полное и абсолютно железное единство рядов нашей партийной организации (Аплодисменты).

Второе—то обстоятельство, что сейчас и некоторое время тому назад Центральный Комитет присылает сюда своих докладчиков. Это обстоятельство ясно говорит о том, что положение дел не совсем нормально, и очень часто против нас товарищи из бывшей и отчасти теперешней оппозиции говорят: что вы сделали, вы наводнили Ленинград докладчиками Центрального Комитета; вы посылаете сюда пачками людей!

Совершенно естественно, что борьба происходит не в равных условиях, что это ненормальный прием борьбы. С этим нельзя по сути дела не согласиться, — конечно, это не совсем обычный прием борьбы внутри нашей партийной организации. **Но эти необычные приемы вызывались не совсем обычным положением внутри нашей партии.** Потому, что никогда внутри нашей партийной организации в течение долгих лет не было такого положения вещей, какое было в последнее время, когда группа товарищей не только поставила на ноги аппарат одной из самых мощных или, вернее, самой крупной организации против общепартийной линии, но и занимались обстрелом партийных решений после их принятия партс'ездом—этим высшим коллективом нашей партии, высшей партийной инстанцией.

С другой стороны, нельзя не подчеркнуть и того обстоятельства, что Центральный Комитет,—как он, по крайней мере, полагает, и, я думаю, что вы со мной согласитесь,—сделал максимум усилий для того, чтобы провести надлежащие мероприятия самым демократическим путем.

В самом деле, Центральный Комитет и до партс'езда, и во время его, и, в особенности, после его, опираясь на решения партс'езда,—что сделал? **Он апеллировал к низам Ленинградской партийной организации.** Он начал свои доклады с заводских ячеек и коллективов. **Он апеллировал к основному, к партийной массе,** т.-е. он обращался с соответственными словами убеждения и раз'яснения **на рельсах самой широко развернутой внутрипартийной демократии.**

Мне кажется, что в тех неслыханных условиях, в которых проходила борьба в Ленинграде, когда ряд оппозиционных товарищей устраивает ряд гонений на людей за то, что они распространяли с'ездовскую литературу,—факты, которые наблюдались здесь,—это по сути дела совершенно неслыханное явление во всей истории нашей парторганизации, при таких условиях Центральная партийная организация могла направить против соответствующих группировок все решительно репрессии, которые дозволялись в рамках нашего партустава, потому что на-лицо было непосредственное неподчинение решению партс'езда. И, тем не менее, Центральный Комитет предпочел этому пути репрессии, который был бы вполне законный, совершенно другой путь—путь апелляции к рабочим низам нашей партийной организации.

Из всех остальных путей, которыми можно было бы ликвидировать конфликт, это—самый демократический путь, который

был, вообще говоря, возможен. Мне кажется, что только таким путем и нужно было итти, только обращением к низам нашей Ленинградской организации, апелляции к этим низам, только путем обсуждения, дискуссии в их среде можно было говорить о выравнивании фронта внутри нашей партийной организации.

И Центральный Комитет, по моему мнению, поступил совершенно правильно, выбрав этот путь.

Само собой разумеется, что эта история не могла обойтись без целого ряда конфликтов и трений, а в целом—это есть, как совершенно правильно говорил т. Алексеев, очень крупное потрясение Ленинградской организации, которое всей партии, и, я даже сказал бы, всей стране стоит очень немало, ибо лучшие силы нашей партии в горячее строительное время были отвлечены от той деловой работы, которую они должны были вести, ибо приходилось тратить колоссальное количество и приходится и еще придется, вероятно, тратить очень значительные усилия на преодоление всевозможных трений и конфликтов, пока окончательно не будут выравнены все «фронты» и пока окончательно не будет достигнута «стабилизация» внутри нашей партийной организации, внутри Ленинградской организации. Это есть печальная необходимость, которую никак нельзя избежать. Нужно только стараться сделать так, чтобы с возможно меньшими издержками и с меньшей тратой усилий достигнуть в этом отношении желаемого результата.

Я, товарищи, хотел бы вначале сказать парочку слов относительно самой истории разногласий, хотя об этом говорилось и об этом докладывалось. Я, товарищи, хотел бы, по возможности, избежать здесь всяческих личных обвинений, потому что, поверьте, все личное, что получается в таких историях и в таких конфликтах, хотя безусловно имеет свое значение, имеет свое место, но оно само служит выражением некоторых, довольно глубоких течений и тенденций,—одним словом, само является отраженным светом, так сказать, целого ряда глубочайших причин.

Необходимо, прежде всего, остановиться на истории наших разногласий, т.-е., главным образом, на организационной стороне дела, отметив здесь только наиболее важные пункты. В среде нашего Центрального Комитета эти разногласия ведут свое начало от дискуссии с троцкизмом. Они возникли, как борьба внутри нашего Центрального Комитета по поводу тех мероприятий и тех организационных выводов, которые нужно было сделать после дискуссии с т. Троцким и теми неправильными взглядами, которые защищала в двух дискуссиях поддерживавшая его группа. Тогда товарищи-ленинградцы—члены Центрального Комитета, стояли за то, чтобы против Троцкого принять самые крутые репрессивные меры. Вы отлично знаете, что в среде Ленинградской организации кое-где проводилась кампания за исключение Троцкого из партии. В среде Центрального Комитета был поставлен вопрос о немедленном выводе Троцкого из Политбюро.

Большинство нашего Центрального Комитета считало ненужной такую крутую расправу. Оно считало ненужной такую крутую расправу вовсе не потому, что оно хотело сделать какие-нибудь идейные уступки т. Троцкому. Вы отлично знаете, что все мы единым фронтом вели в двух дискуссиях беспощадную идейную борьбу против троцкистского уклона, что нашло свое выражение не только в различных устных выступлениях, но и в ряде печатных трудов, из которых особо следует отметить сборник **«За ленинизм»**, где все мы внесли посильную лепту в дело борьбы с этим антиленинским уклоном.

Все вы точно так же отлично знаете, товарищи, что, несмотря на большое потрясение, которое испытала тогда наша партия, она, в общем, выросла на этой дискуссии, получила большую идейную закалку; особенно большую воспитательную роль сыграла эта дискуссия в отношении тех новых слоев партии, которые только что вошли в партию и впервые принимали участие в дискуссии по принципиальным вопросам партийной политики. Во время этой дискуссии была проделана крупная воспитательская работа, и мы все, единым фронтом, принимали в ней участие.

Но, товарищи, когда мы выступили против крутой расправы организационного характера с т. Троцким, мы исходили из другого соображения. Мы исходили из того соображения, что нам нужно считаться с тем, что у нас, сравнительно, очень небольшое количество высококвалифицированных людей; что нам очень трудно бросаться и швыряться людьми направо и налево, и что Центральный Комитет нашей партии должен попытаться сделать все возможное, дабы сохранить для руководства таких товарищей, которые, хотя и обнаруживают колебания, уклоны, делают иногда грубейшие политические ошибки, борются за эти ошибки, иногда с упорством, совершенно нежелательным, но в отношении которых есть известная надежда на то, что они могут быть с нами в общей упряжке, конечно, под бдительным коллективным контролем.

Мы исходили из того соображения, что если имеем в Политбюро ЦК крупнейшее большинство, которое сдерживает всяческие уклоны и держит их в таком состоянии, что они не могут вырваться наружу, тогда нечего швыряться людьми. Если бы такого устойчивого положения в Политбюро ЦК не было, если бы не было этой большевистской стены внутри ЦК, само собой разумеется, вопрос тогда стоял бы по-другому. Но мы чувствовали себя сильнее, чем думали это другие товарищи. Мы не впадали и здесь в излишнюю нервность и панику и не боялись, что Троцкий всех нас «с'ест», сокрушит и проч. Мы чувствовали себя крепко на тех постах, на которые поставила нас партия. И именно это сознание обусловило более осторожную, более трезвую, более реалистическую и, вне всякого сомнения, ленинскую позицию, занятую большинством ЦК в этом вопросе.

От этого датируются наши разногласия. Мы заняли здесь совершенно ясную позицию. Часть товарищей из ленинградских

цекистов была этим недовольна, но у нас было решение нашего Центрального Комитета и, согласно всем традициям нашей партии, нужно было этим решениям подчиниться. Но оппозиционно-настроенные товарищи не подчинились этим решениям или подчинились им только формально.

Всем известно, что они по **сути дела повторили ошибку Троцкого.** Троцкий, в свое время, несмотря на ряд партийных решений, попробовал поиграть на молодежи, думая, что молодежь не так воспитана в традициях партийной дисциплины, что молодежь (что совершенно естественно вытекает из ее натуры, из ее желания немножко «пошевелить локтями») меньше чувствует свою ответственность и меньше ее видит. Троцкий в свое время попробовал нажать эту кнопочку на «барометр» и обратился со своей апелляцией к молодежи, поставил на нее свою ставку. Он пытался, таким образом, опрокинуть все традиции нашей партии, но он не рассчитал тогда, что так действовать нельзя, что наша партия в целом, в своем массиве настолько дисциплинированный и сокрушительный аппарат, что **игра на таких вещах не может пройти.**

Я помню отлично, как тогда целый ряд товарищей, в том числе и Зиновьев, говорили:—«Ну, как-же можно так делать,—это значит—не знать нашу партию. Как можно выступать против ЦК, который представляет все самое лучшее, что есть в партии: это можно делать, только не зная нашей партии». Но очень часто, **когда люди впадают в сходное положение, они делают сходные ошибки,**—и тут получилось то же самое. И на этот раз была поставлена ставка на молодежь, новые оппозиционеры попробовали расширить сферу влияния, якобы, 100-процентного ленинизма, который заключался в том, чтобы вышибить Троцкого из Политбюро через Комсомол. Попробовали создать конференцию молодежи, якобы, ленинградской, с приглашением представителей чрезвычайно отдаленных Республик и областей, для того, чтобы создать здесь всесоюзную конференцию и распустить во все концы гонцов, напичканных на 100% 100%-м ленинизмом.

Это был один из крупнейших конфликтов, которые бывали в нашем ЦК. Ошибка, которая была здесь совершена товарищами из ленинградских верхов, была совершенно такая же, как в свое время ошибка Троцкого—**апелляция к менее зрелой молодежи против общепартийной линии.** Большинство ЦК должно было дезавуировать эту попытку. На этой почве возник целый ряд конфликтов, которые все более обострялись. Обходя все промежуточные звенья, я обращусь к тем фактам, которые имели место на ваших районных конференциях, на вашей партийной конференции и на с'езде.

Во всех шпаргалках, которые представители новой оппозиции роздали с «изложением» хода дискуссии, дело изображалось так, что все было мирно, поверхность вод была чистая зеркально и только, когда раздались неожиданные револьверные выстрелы

со стороны Московской губернской конференции, оппозиция, дескать, вынуждена была обороняться.

В этой версии, конечно, нет ни одного слова правды. Когда в Ленинграде шла подготовка к партийному с'езду головка Ленинградской организации начала с обстрела целого ряда лиц, в том числе и меня. На районных же конференциях в Москве (этот факт установлен и его не отрицали вожди оппозиции, в том числе Зиновьев, Каменев и др.)—не было сказано ни одного слова о разногласиях внутри ЦК, не было сказано ни одного слова против кого-либо из ленинградских цекистов, и вообще не было сказано ни слова о существовании оппозиции со стороны ленинградских товарищей. Из стенографических отчетов районных конференций Ленинграда можно установить, что на них велась очень ловкая игра, имела место спекуляция на неосведомленности ленинградских товарищей относительно действительного положения дела, и только тогда, когда это было установлено,—только тогда раздались выстрелы самообороны на Московской конференции.

Когда речь идет об империалистской войне, совсем не важно, кто напал и кто защищается, но мы все-таки ведем не империалистскую войну, так что вопрос о том—кто напал и кто защищается,—имеет весьма определенный смысл. И здесь простая хронология, т. е. установление того, кто вначале сказал «а» и кто потом ответил «б», весьма не лишняя (смех).

Я тут перехожу к тому, как велась вся кампания. Всю эту механику вы отлично знаете. На районных конференциях у вас, в Ленинграде, говорилось так: «Мы—за Центральный Комитет, мы, конечно, целиком за общепартийную линию, наш Центральный Комитет превосходнейший» и т. д. и т. п. Но вот, говорилось вначале, есть Богушевский; потом через некоторое время, через некоторое количество часов и дней заявили, — что подлежат обстрелу Богушевский и Бухарин, при чем Саркис иронически это мотивировал тем «остроумным» соображением, что обе фамилии начинаются на «Б» (смех). Теперь говорилось, что ЦК совершенно прав, но существует в пределах ЦК—Бухарин, которого нужно обстреливать.

Так говорилось у вас на районных конференциях. На губернской конференции более резко ставился вопрос; говорили, что, конечно, ЦК прав и проч., но есть «некоторые» среди ЦК, в первую очередь, опять-таки—Бухарин, которых нужно изо всех сил обстреливать. В речах уже делались намеки на ряд разногласий внутри ЦК, но в резолюции, которую вынесли на вашей губернской партийной конференции, было сказано, что губернская партийная конференция—за ЦК, что губернская конференция одобряет деятельность ЦК и проч.

После этого оппозиция выступила на партийном с'езде. И вот дальше начинается **постепенное**, так сказать, **саморазоблачение.** В самом деле, вначале говорилось, что ЦК вел совершенно правильную линию. Хорошо,—мы все ожидаем: как же товарищи будут реагировать на доклад по отчету ЦК, если одобряют его

линию? Вдруг появляется содоклад. Но содоклад по отчету ЦК есть огромной важности политическое выступление.

Что значит содокладчик? Это значит, что он должен развивать другую систему политических взглядов. Против кого? Против Богушевского? Но ведь не Богушевский делал доклад. Может быть, против Бухарина? Но, ведь, не Бухарин делал доклад. Делал доклад Сталин. От имени кого? От имени Центрального Комитета. Содокладчик—против кого? Против Центрального Комитета. Но, если ты его одобряешь, зачем же ты против него говоришь? Но, может быть, содокладчик появился потому, что старейшая Ленинградская организация этого желает, так как не Зиновьев читает доклад, что речь здесь шла не об особой политической платформе, а о техническом вопросе.

Но в содокладе совершенно очевидно проявилась другая политическая линия.

В дальнейшем ходе дискуссии оппозиция выступила с прямой атакой против Центрального Комитета. Во время голосования ленинградская делегация голосует против одобрения деятельности Центрального Комитета. На Ленинградской конференции оппозиционеры заверяли, что они—за одобрение деятельности Центрального Комитета, а на с'езде выступили против. Почему? **Потому, что одобрение Центрального Комитета на ленинградских конференциях нужно было оппозиции для того, чтобы в большой невод захватить большое количество голосов Ленинградской организации, а затем этот невод разорвать.** Механика всей борьбы оппозиции была механикой уловления голосов ленинградских пролетариев, которые не знали, в чем дело, которые доверчиво пошли, добросовестно заблуждаясь, за верхушкой Ленинградской организации, потому что ленинградский пролетариат всегда был твердой опорой в нашей партийной организации, потому что он привык быть твердой опорой нашего обще-партийного руководства. На этом его доверии к ЦК спекулировали, на этом получили голоса, а потом, когда сколотили 100%-ую монолитную делегацию на с'езде, маска была снята. Было очень печально и больно видеть, как кучка ленинградских товарищей сидела совершенно особняком от всех других делегатов нашего обще-партийного с'езда,—факт, которого никогда решительно не было ни на одном из наших партийных с'ездов.

Но еще печальнее дело развивалось во время дискуссии, когда со стороны оппозиции были предприняты попытки идейного оправдания ее раскольнической политики. Я имею в виду две речи на партс'езде: речь товарища Зиновьева и речь тов. Крупской, которая, не будучи большим политиком, сочла себя обязанной ввязаться в этот огромной важности политический конфликт. В первую очередь нас поразило то место из речи товарища Зиновьева, которое гласило, что **оппозиция стоит за свободу различных группировок и предлагает сотрудничество всем бывшим фракциям внутри нашей партии.** Все это вы мо-

жете прочесть в бюллетене партс'езда. Товарищ Зиновьев так прямо и сказал. Мы все развели руками.

Что это означало? Мы все доказывали в свое время товарищу Троцкому, что одна из главных его ошибок заключается в том, что он борется против ленинских организационных принципов, что он смотрит на партию, как на федерацию всяких течений.

Что же вышло? Когда был жив Ленин, он все последние годы вел борьбу с уклонами внутри нашей партии—с левым коммунизмом, с группой демократического централизма, с рабочей оппозицией и т. д., и т. д. Теперь тов. Зиновьев, очутившись в меньшинстве, все поставил на голову и, как я однажды шутливо выразился на одном из собраний,—лозунг его означал не что иное, как: «тону, тов. Шляпников, спасай». Это было предложение всем состоявшим в группировках, с которыми боролся Ленин, открытого блока против большинства ЦК. Мы считали это таким выражением организационной беспринципности, дальше которой итти некуда.

Наконец, вторая речь тов. Крупской заставила нас очень задуматься. Когда стало совершенно ясным настроение большинства членов с'езда, тов. Крупская выступила с речью, где говорила, что большинство—большинством, но и с'езд тоже может ошибаться. Так, на Стокгольмском с'езде мы, большевики, были в меньшинстве. С'езд высказался против нас, но ведь большинство было неправо.

Почему это нас так тяжело поразило, ранило нас в наши большевистские сердца? Дело станет ясным, если вспомнить, что на Стокгольмском с'езде большинство было меньшевистское; тов. Крупская намекнула, что на нашем с'езде большинство тоже не большевистское и ему поэтому можно не подчиниться. Дальше того идейного обоснования итти абсолютно некуда. Когда тов. Крупская встретила резкое возражение, она сделала заявление, которое еще более запутало вопрос. В этом заявлении она сказала: вы думаете о меньшевиках, какими они стали в 17 году, но в 1906 году, до времени Стокгольмского с'езда, меньшевики были не такими. Да, они были не совсем такими, но все же они были меньшевиками, и через некоторое время мы с ними пошли на открытый раскол.

После этих выступлений стало ясно, что дело пахнет очень серьезным и что здесь можно безусловно сказать, что налицо у новой оппозиции отход от ленинизма в организационных вопросах. **Партия представляется ею как блок фракций и группировок,** а у нас есть резолюция X с'езда, написанная Владимиром Ильичем, где всякие группировки запрещены.

Теперь позвольте мне перейти к идейной стороне наших разногласий, потому что за всей этой организационной борьбой скрываются различные политические оттенки, различные политические течения.

Я никогда не был сторонником того, чтобы говорить о последней дискуссии, как о склоке и болтовне в партийной органи-

зации. Наша партия — есть огромнейшая партийная организация,—**разногласия в организационных вопросах, намечающиеся в ней, всегда скрывают в себе нечто большее.** И, поэтому, совершенно естественно, что это большее, т.-е. идейная сторона разногласий, должна совершенно отчетливо стоять перед членами нашей партии. Поэтому необходимо отметить, что новым руководящим организациям, которые будут избраны на районных и губернской конференциях Ленинграда, предстоит большая раз'яснительно-пропагандистская работа. Партия в целом должна действительно понять, что у нас были разногласия, **партия должна в целом в гуще своей усвоить, почему меньшинство на партийном с'езде было неправо, и почему решения партийного с'езда правильны.** Конечно, в партии всегда будут такие, которые, как солдаты революции, даже считая, что решения с'езда неправильны, подчинятся им. Но наша задача заключается не только в том, чтобы привести к подчинению, к дисциплине, но чтобы, по возможности, всех членов партии по-настоящему, по-серьезному убедить в том, что меньшинство неправо, и что решения партийного с'езда действительно правильны.

Речь идет, конечно, о серьезном выяснении вопросов по существу. Оппозиция вместо этого выяснения вопросов по существу ограничивалась голой руганью. Этот крик и визг, без надлежащего проникновения в суть дела, без надлежащего спокойного и трезвого обсужения вопроса,—такие приемы могут только разлагать партийную организацию. Так нельзя делать. А такие методы применялись оппозицией во время партийного с'езда, к концу его, и практиковались изо-всех сил со стороны «Ленинградской Правды» прежнего состава. Разве не сплошной визг статья Вардина? Ведь это же абсолютнейший визг, без всякой тени какой-либо аргументации. Разве не визгом был ряд выступлений против большинства ЦК и против партийного с'езда, когда наклеивались ярлычки и проч. без всякого обсуждения вопроса по существу? Я считаю необходимым подчеркнуть, что мы должны изживать подобные методы выяснения внутрипартийных вопросов.

Раньше, чем перейти к анализу идейной платформы оппозиции, я считаю необходимым остановить ваше внимание на той обстановке, в которой мы боремся за социализм. Наша страна представляет собою огромный, так сказать, социально-хозяйственный винегрет. Было бы просто решать все задачи, если бы у нас было нечто однородное, все было бы острижено под одну гребенку, но трудности нашего положения заключаются в том, что у нас есть большое количество различных форм, различных классов и социальных группировок, которые нам нужно подтягивать под определенную линию так, чтобы идти к социализму. Уже т. Ленин отмечал, что у нас есть пять хозяйственных укладов. Но если мы даже не будем говорить об этих пяти хозяйственных укладах, а просто бросим взгляд на разные части нашей страны, то увидим, что Ленинград—это одно, а какой-нибудь

глухой аул, глухая деревушка в горных местностях Кавказа—это будет совсем другое, не похожее на Ленинград; хозяйственные формы здесь другие, люди тоже другие. Поезжайте в провинциальный городишко, там совершенно другое; посмотрите на деревню: в северной деревне — одно, а в южной деревне, где-нибудь на Украине—совершенно другое; поезжайте в Туркестан, там другие люди, хозяйственные формы тоже другие, социальные отношения другие. Представьте на один момент эту огромную пестроту социально-экономических форм, начиная от патриархального быта и кончая крупными фабриками и заводами, — представьте, что мы правим страной, которая состоит не из Ленинграда и Москвы только, а страной, которая представляет огромнейшую махину, колоссальнейший классовый и хозяйственный винегрет, и вам станет ясно, что перед нами стоит масса сложнейших задач. Город и деревня, государственная торговля и частная торговля, государственное хозяйство и мелкое кустарное, мелкая торговля и частный торговый аппарат, городская промышленность и сельско-хозяйственная промышленность и пр., и проч.—вот длиннейший ряд сложных взаимоотношений, которые нужно установить так, чтобы пролетарская диктатура укреплялась. Мы за все это отвечаем, отвечаем за то, как все это сцепить, как все эти разнородные элементы поставить, чтобы город вел за собой деревню, чтобы диктатура пролетариата была сохранена и укреплена, а мы, сравнительно маленькое меньшинство, каким является во всем населении Союза рабочий класс, мы, единственная в стране легальная партия, которая насчитывает около миллиона человек с кандидатами, руководим сложнейшей работой строительства социализма. При этом нельзя забывать о том, что мы не в состоянии каждого нового члена партии осмотреть во все лупы и досконально узнать его до приема в партию, равно как не можем и поставить члена партии в такое положение, чтобы он висел в каком-то безвоздушном пространстве, чтобы его ничто вредное не заражало. Вот из этого сложнейшего переплета государственных форм, сложнейшего переплета различных социальных классов и сил и из того, что мы единая партия, которая допущена в стране, совершенно естественно вытекает, что масса противоречий, которые существуют в стране, борьба между различными группировками, все это до известной степени отражается в нашей партии.

На каждое колебание внутри страны мы должны отвечать соответствующими мероприятиями, как партия, которая отвечает за всю страну. Кроме этого, надо иметь в виду и другую сторону дела, именно ту, что наша партия, будучи единой партией, одной партией в нашей стране, отнюдь не однородна по составу. А так как все члены партии—люди, живут не только партийной жизнью, но и всякой другой, вплоть до личной, и имеют всякие другие связи, кроме чисто партийных, то совершенно естественно, что во-внутрь нашей партии проползают настроения из различных сфер, и отсюда получаются колебания внутри нашей

партии. Вся эта огромнейшая разнокалиберность, огромнейшее количество противоречий, огромнейшая сложность задач, огромнейший напор на нашу партию со стороны, который вытекает из ее своеобразного положения, как единой и одной партии внутри страны,—обязательно будут создавать колебания внутри нашей партии; совершенно ясно, что и в будущем еще довольно долгое время мы будем иметь и дискуссии и конфликты и разного рода не совсем гладкие вещи. Нам нечего перед этим пасовать, это неизбежно вытекает из нашего положения. Но из этого, с другой стороны, никак нельзя сделать такого вывода: «Ну, ладно! Раз нам обязательно предстоят все эти неизбежные колебания внутри партии, то мы должны сидеть сложа ручки, и говорить: раз неизбежно, ничего не поделаешь, успокоимся». Это был бы совершенно глупый фаталистический взгляд. Нам нужно знать, что разные колебания неизбежны, но мы сами все время должны стремиться преодолевать их, намечать правильную линию, бороться с неправильными отклонениями, выравнивать эту линию и, таким образом, воспитывать партию. А все больше обогащаясь опытом, партия в свою очередь влияет на человеческий материал вне партии и переделывает тот материал в желательном для нас направлении.

Теперь мы должны прежде всего с этой точки зрения посмотреть, что думают наши открытые враги. Я говорю здесь не о каких-нибудь оппозициях внутри партии и пр., а о том, что думают самые матерые, ярко выраженные наши враги. Ведь мы обнюхиваем со всех сторон наше внутреннее и внешнее положение, и они тоже обнюхивают его со своей точки зрения, в своих интересах. Но из этого последнего вовсе не вытекает, что мы не должны и их обнюхать немножко, потому что нам очень интересно иногда посмотреть, что они думают, на что они ставят свою ставку, где они видят такие пункты и фронты, куда они в первую очередь ведут свое нападение.

В чем сейчас заключается ориентация главных наших противников,—от великого князя Николая Николаевича до меньшевика Дана? Николай Николаевич имеет в своем распоряжении крестьянский союз своеобразного типа. Дан тоже, главным образом, питает надежду на то, что нас скинет мужичок и расчистит почву здоровому капитализму, демократии и проч. хорошим вещам.

Главная ставка наших классовых врагов, всех от великого князя Николая Николаевича до Дана, состоит в том, что они пытаются разорвать блок между рабочим классом и крестьянством. Это есть основа всей их деятельности. Есть целый ряд правых течений, монархических, которые имеют свои организации, которые хотят вести пропаганду внутри крестьянства, опираясь в первую очередь на богатое крестьянство и на казацкие станицы. Меньшевики—то же самое. Эс-эры—говорить уже нечего. Кадеты типа Милюкова—то же самое. Все их надежды строятся на этом. Они только по разному представляют себе, что будет после разрыва блока между рабочими и крестьянами. Николай

Николаевич желает сказать, что пускай, может быть, часть помещичьей земли останется у мужика, но зато этой ценой мужик признает царя православного, Николая Николаевича. Эс-эры надеются на то, что после разрыва рабоче-крестьянского блока будет осуществлена крестьянская «демократия». Дан считает, что это будет переходная реформа к «настоящей» демократии; так как социалистический строй в теперешних условиях неосуществим, то ближайшей перспективой является нормальный капитализм, в пределах которого можно успешно вести борьбу за различные улучшения рабочей жизни на основе капиталистического общества, пока не будет произведена социалистическая революция в передовых странах, скажем, в Германии Каутским и его сподвижниками. (Смех).

Они, следовательно, ставят по разному вопрос, что будет после разрыва рабоче-крестьянского блока, но все они без исключения главную свою ставку ставят на то, чтобы разорвать рабоче-крестьянский блок. А так как крестьянская масса у нас главным образом состоит из середняков, значит, главная ставка их заключается в том, чтобы разорвать союз рабочего класса и середняцкого крестьянства.

Теперь я беру тех из наших противников, которые апеллируют к рабочему классу. Разве у нас нет таких противников? Конечно, есть. Меньшевики—в первую очередь, анархисты—во-вторую, левые эс-эры—в третью. Конечно, мы их со всех сторон спаяли, задавили и держим их благополучно (смех), но из этого вовсе не следует, что с этой стороны нам никакой опасности ни на волосинку не грозит; конечно, большой опасности не грозит, но именно потому не грозит, что мы своевременно на это реагируем, с этой опасностью боремся и стоим на страже.

Теперь посмотрим, куда гнут все эти оттенки, в том числе и западно-европейская социал-демократия. Это—в первую очередь выставляемое ими положение, что никакого социализма мы не строим, что все это обман, что наши фабрики есть капиталистические фабрики, что у нас есть, в лучшем случае, государственный капитализм, что мы уже давным давно, с начала новой экономической политики, отказались от всякого коммунизма, что весь коммунизм у нас пролетел в трубу, что мы только притворяемся, что строим социализм, и что Советская власть является только ширмой для новой буржуазии. Все они так говорят. Конечно, вам трудно изловить для душевного разговора анархиста или меньшевика,—их трудно теперь видеть (смех), но можно их почитать. Пишут они об этом все абсолютно. Они говорят относительно наших фабрик и заводов: что вы притворяетесь, вы обманываете народ, говорите, что строите социализм. Зарплата у вас такая-то, такое-то устройство. Тут социализмом и не пахнет. Это обман. Государство есть наниматель, эксплуататор. Раньше были отдельные капиталисты, а теперь на их место стало государство, которое соответствующим образом и еще более жестоко эксплуатирует рабочий класс, потому что вдобавок к обычной эксплуатации

присоединяется невероятный бюрократизм. А Советская власть выражает собой интересы этих новых эксплуататоров, красных директоров, новой буржуазии и кулаков, которые сейчас растут. Нужно здесь сделать так,—мечтают меньшевики,—чтобы разбюрократизировать машину, чтобы был демократический капитализм, а не капитализм бюрократический, который представляет собой теперешний советский строй. Главная линия их атаки такова: новая экономическая политика есть термидор, т.-е. отказ от революционных завоеваний, контр-революция, проделанная самой правящей партией, с отказом решительно от всяких помыслов о строительстве коммунизма. А сейчас только фраза—что мы строим социализм; наши фабрики — эксплуататорские учреждения, на которых мы ставим красную вывеску: пролетарии всех стран, соединяйтесь! Наша власть есть выражение неограниченной олигархии этих новых эксплуататорских слоев, а мы говорим: пролетарии всех стран, соединяйтесь! По сути дела мы—кулак, который мешает развитию здорового капитализма, мы проводим идею бюрократического капитализма и в то же время кричим о борьбе с ним и обманываем рабочих. Такова их оценка положения дел в Советском Союзе.

Главный их удар—по нашей госпромышленности. Главный их политический вывод—это удар по нашей Советской власти, которая опирается, с их точки зрения, на «термидорианскую сволочь». Вот их установка. Какие слои они собой выражают? Они выражают собой с одной стороны мелкобуржуазное окружение, а затем следующие за ними, более солидные в смысле буржуазности, группировки. Это абсолютно ясно. Но должен сказать, что малюсенькие струечки этих идеологий иногда проникают внутрь нашей партии. Иногда они стоят на границе нашей партии, иногда они проявляются в рамках нашей партии. Тут есть масса всевозможных нюансов и оттенков.

С этой точки зрения разрешите мне сказать несколько слов о том, что у нас было. Беру группировку рабочей оппозиции. Название ее было страшно хорошее, но если имеется такая оппозиция, то совершенно естественно вытекает из самого названия ее, что с ее точки зрения партия—не рабочая. С какой идеей это было у них связано? С тем, что они считали, что партия вырождается, что рабочие в партии отходят на задний план и внутри партии создается бюрократическое засилье не рабочего служилого элемента, который является зародышем нового эксплуататорского класса, что рабочая оппозиция должна поправлять от имени пролетариата всю партию. В связи с этим у них стоял вопрос, что наши госучреждения, хозорганы, фабрики и заводы, ВСНХ и прочие—являются **учреждениями не социалистическими, а госкапиталистическими,** что они являются учреждениями тоже эксплуататорскими и что это нужно поправлять. Тогда Шляпников предлагал поправить таким образом: передать управление фабриками и заводами непосредственно коллективам рабочих, работающих на них, и советам производителей.

С другой стороны, эта же группа обвиняла тогда большинство партии в том, что мы слишком много делаем уступок крестьянству. Тут по одной линии протянулась рука, конечно, бессознательно нашим противникам, которые пытаются разорвать рабоче-крестьянский блок, а по другой линии,—тем, которые атакуют нашу промышленность. А из этого проистекают и политические выводы.

Мы раз'яснили в свое время, очевидно, недостаточно ошибки, которые были у рабочей оппозиции. Рабочая оппозиция была у нас на краю от того, чтобы выскочить из нашей партии — на X с'езде. И, в связи с этим, Ленин написал **резолюцию о запрещении фракционных группировок.** Но эта оппозиция все-таки рассосалась. Многие товарищи убедились, другие подчинились.

Но бывали случаи, когда маленькие группки отскакивали от партии. Вот была другая группировка, о которой также интересно вспомнить, это группировка **«Рабочей Правды»**. Я не знаю, все ли из вас помнят или даже это знают, потому что это сравнительно небольшое явление в истории нашей партии. Это была небольшая интеллигентская группка, находящаяся под идейным влиянием Богданова, который был когда-то членом нашей партии, но потом из нее ушел. Они утверждали, что Октябрьская революция была полезна об'ективно, потому что она спасла Россию от превращения в иностранную колонию. И большевики проделывали до известного периода полезную работу. Они разрушили до конца царский режим. Они централизовали страну. Но ошибка большевиков, с точки зрения «Рабочей Правды», заключается в том, что большевики думают, будто они строят социализм, а на самом деле они социализма не строят, они строят новый капитализм. Необходима будет еще третья революция, которая, в конце концов, доделает все дело; для подготовки этой революции нужно сплотить силы и т. д., а потом скинуть Советскую власть, и тогда уже будет настоящая революция. (Смех).

Идейные корни «Рабочей Правды» очень легко протянуть к таким настроениям, которые ярко проявились в кронштадтские дни. Тогда тоже говорилось очень многое, о чем я не буду здесь говорить. Главное, что здесь проводилось, это то, что никакого социализма нет, что Советской властью ведется крестьянская политика, а нужна настоящая пролетарская политика и т. д. Они проводили свою работу нелегально, в конспиративных формах, против нашей партии. Они выскочили за пределы нашей партии, ушли из нее, хотя их постановление было—из партии не уходить, но мы их «ушли» в свое время. После этого главные из них раскаялись. В «Правде» несколько лет тому назад был написан фельетон, где описывались их ошибки, в чем эти ошибки заключались и т. д. Но характерно то, что было у них поводом для обстрела нашей политики.

Я перехожу теперь, товарищи, к последнему нашему внутрипартийному уклону, который был за последнее время, **к троцкизму.** В чем он выражался?—Троцкий никогда не говорил, что

наша промышленность госкапиталистическая. Нет, он признавал нашу промышленность социалистической. Его ошибки шли по другой линии и заключались в том, что он **недооценивал важность рабоче-крестьянского союза**, обвинял большинство ЦК в излишних уступках крестьянству, переоценивал возможности непосредственного планирования, переоценивал роль нашей промышленности по отношению к сельскому хозяйству, другими словами,— т. Троцкий **не понимал всей важности блока рабочего класса с основной массой бедняцкого и середняцкого крестьянства.**

Это стояло в связи со всеми другими его теоретическими взглядами, со всем тем, что он еще раньше писал.

В этих прежних своих выступлениях он утверждал, что можем удержаться и победить только в том случае, если будет помощь со стороны победившего западно-европейского рабочего класса, ибо иначе мужик обязательно нас скинет. Он не представлял себе возможности, на которую указывал Ленин, что рабочий класс может, опираясь на экономические командные высоты, вести за собой большинство крестьянства, конечно, при условии, если только мы сами не сделаем каких-либо больших ошибок, а поведем дело серьезно, тщательно все учитывая.

Для чего я все это говорю? Для того, товарищи, чтобы сказать вам, что нам **нужно рассмотреть идейный багаж нашей новой оппозиции с точки зрения того, что же есть у нее действительно нового, говорит ли она по существу новые вещи, или повторяет то, что было уже сказано другими оппозициями в свое время и против чего наша партия боролась и вышла победительницей.** Я считаю, и постараюсь это доказать, что, по сути дела, идейный багаж нашей оппозиции, которая выступила в последнее время, ясно свидетельствует о том, что она пыталась потащить нашу партию назад, к позициям, которые мы уже преодолели в прошлых дискуссиях.

Перехожу после вводной части к разбору тех разногласий, которые получились у нас в последнее время.

Я должен, прежде всего, остановиться на решениях нашей XIV партийной конференции и Октябрьского пленума Центрального Комитета, принятых в связи с новой обстановкой, сложившейся в нашей стране на почве хозяйственного роста и на почве наших хозяйственных успехов. Все вы знаете отлично, что мы уже давно стали отмечать наши хозяйственные успехи, иногда даже брали слишком громкие ноты в этом отношении, но во всяком случае совершенно ясно, что в последнее время эти хозяйственные успехи обнаружились совершенно отчетливо и в связи с этим у нас стала изменяться и постановка вопроса, касающаяся отношений между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и, с другой стороны, стала изменяться постановка вопроса, касающаяся отношений всего СССР к международному капиталистическому окружению.

После ликвидации гражданской войны с началом нэп'а наступил период, во время которого подготовляли экономические

успехи на новых рельсах, чинили некоторые заплаты, реорганизовали наши ряды, учились торговать, перестраивали партийные ряды на новых хозяйственных фронтах и т. д. и т. д. Это был сравнительно большой период и только после коренной перестройки, реорганизации наших рядов, известной минимальной выучки, необходимой для того, чтобы уметь вести хозяйство страны, обнаружились эти хозяйственные успехи. Эти хозяйственные успехи привели, как я уже отметил, к изменениям в соотношении СССР с иностранными державами. Эти изменения заключаются не только в том, что мы получили ряд фактических и юридических признаний, но и в том, что мы все решительнее стали ввязываться в торговый и кредитный оборот с иностранными капиталистическими государствами. В связи с ростом внешней торговли, перед нами стали новые вопросы, именно потому, что мы обнаружили известный и довольно значительный хозяйственный рост. Когда мы были со всех сторон блокированы, и к нам не ввозилось никакого иностранного товара, так же, как мы ничего не вывозили за границу, тогда совершенно естественно нас мало касались, перед нами не были в упор поставлены такие вопросы, как вопрос о том, во сколько обходится производство какого-нибудь товара за границей и во сколько у нас, так как мы с заграницей никак не конкурировали. С установлением и ростом экономической связи с капиталистическим миром между нами сразу же возникли очень сложные соотношения, в том числе и соотношение конкуренции.

В интересах скорейшего восстановления нашего хозяйства мы стали ввозить из-за границы предметы оборудования и пр.

Но для того, чтобы что-нибудь за границей покупать, мы должны что-то вывозить, потому что ради наших прекрасных большевистских глаз капиталистические государства нам товаров ввозить не будут. Значит, нам нужно было подумать и относительно того, как нам обеспечить возможность экспорта, возможность вывоза из нашей страны для того, чтобы в свою очередь обеспечить возможность импорта, т.-е. определенного ввоза. И вот это соотношение сразу уже поставило в другие рамки вопросы нашего хозяйственного строительства и центральный вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством. В самом деле — как мы можем покупать? Мы можем покупать только тогда, когда мы вывозим. Что мы в первую очередь могли вывозить? Хлеб. Хлеб этот чей? Крестьянский. Кто его продает на заграничном рынке? Наше государство, благодаря монополии внешней торговли. Но если мы ведем линию на то, чтобы вывозить целый ряд продуктов сельского хозяйства,—а в первую очередь мы только это и можем вывозить,—то этим самым мы становимся в новое соотношение с крестьянином, потому что раньше мы хотели получать от него хлеб только для нашего внутреннего потребления, а теперь нам нужно от него получать и то, что мы должны вывозить. Вопрос о ценах поэтому стоит по-новому. Вопрос о массе хлеба, которую мы должны при помощи той или

иной политики цен получить от крестьянина, стоит по-новому. Вопрос о том, что мы должны закупать при сохранении монополии внешней торговли, которая ограждает нашу промышленность и все наше социалистическое строительство, тоже стоит сейчас по-новому с нашим хозяйственным ростом, потому что мы должны по соответствующим ценам закупать так, чтобы это было увязано со всем нашим строительством, и так, чтобы потом мы имели возможность продавать это без убытка, а по возможности и с прибылью—крестьянскому хозяйству, и т. д. и т. д. А, с другой стороны, из этого положения вытекает целый ряд опасностей. Если мы у себя слишком дорого все производим, а крестьянин знает, что за границей тот же товар производится много дешевле, то совершенно естественно, это не будет способствовать укреплению рабоче-крестьянской смычки.

Если капитализм в Западной Европе будет расти в предстоящий период чрезвычайно быстро, а мы будем ползти слишком медленно, то эта опасность будет все более реальной.

Таким образом, изменение нашего соотношения с капиталистическими государствами на основе нашего хозяйственного роста поставило рабочий класс нашей страны, правящий класс нашей страны, в несколько другое, чем прежде, соотношение с крестьянством.

Отсюда совершенно ясная директива для нас: нам нужно ускорить, по возможности, общий темп нашего хозяйственного развития. Но вопрос о хозяйственной смычке с деревней становится перед нами и более непосредственно.

Растущее крестьянское хозяйство по мере своего роста пред'являет все больший спрос на продукты промышленности, и не только на потребительские продукты промышленности — ситец, мануфактура, чай, сахар и проч.—но оно пред'являет возрастающий спрос и на предметы оборудования (и чем дальше, тем больше), на сохи, плуги, бороны, не говоря уже о таких мелочах, как гвозди и т. д.; оно пред'являет спрос и на более сложные сельско-хозяйственные машины, на тракторы и на целый ряд других сельско-хозяйственных машин. У нас сейчас поступает от крестьян столько заявок на тракторы, что мы их не можем удовлетворить, даже прибегая в пределах возможности к заграничному ввозу.

Чем больше растет крестьянское хозяйство, тем больше оно требует от нашей промышленности, и мы должны удовлетворять этот спрос для того, чтобы сохранять союз между рабочим классом и крестьянством.

В этой же связи следует остановиться еще на одной стороне дела.

Вы знаете, что у нас до XIV партийной конференции было страшно строгое законодательство в смысле запрещения наемного труда, у нас было очень строгое законодательство в смысле запрещения аренд, ставившие аренды в страшно узкие пределы. Это наше законодательство ставило своей целью, конечно, защиту

интересов бедноты и борьбу с кулачеством. Но очень часто бывает в жизни так, что ряд хороших постановлений, диктуемых хорошими соображениями, при изменившейся ситуации, при изменившемся положении вещей играет роль прямо противоположную, а если не прямо противоположную, то все же играет, в общем и целом, не положительную, а отрицательную роль. Ну, вспомним, хотя бы, как обстояло дело с запрещением свободной торговли в условиях диктатуры пролетариата. Ясное дело, что, когда мы всячески запрещали свободную торговлю в эпоху военного коммунизма, то мы преследовали интересы пролетарской революции, интересы рабочего класса, интересы движения к социализму, но уже к 1921 году обнаружилось, что это запрещение превратилось в свою прямую противоположность и мешало нашему дальнейшему развитию. Тогда мы заменили эту систему новой экономической политикой, и теперь идем уже на ее рельсах, ибо при изменившихся условиях, когда гражданская война была ликвидирована, это стало единственно правильной политикой.

Здесь мы имеем дело с большим явлением — переходом от военного коммунизма на рельсы новой экономической политики, но такое же превращение из хорошего в плохое бывает и в более мелких вопросах. Мы должны во-время увидеть, как, что и почему, и проделать соответствующие шаги, чтобы это плохое уничтожить.

Вернемся к прежнему примеру: законодательство, запрещающее наемный труд в деревне. Мы считали, что такое, почти абсолютное запрещение, которое у нас было, мы проводили в интересах пролетариата. Что же получилось в последнее время? Хозяйственный рост происходил и в то же время в деревне обнаружилось большое перенаселение, т.-е. появилась масса бедняков, которые не имеют возможности приложить свои рабочие руки. Они имеют землю, но не имеют рабочего скота и инвентаря. Этот безработный бедняк пытается прийти в город на фабрику, но, в городе, несмотря на то, что индустрия быстро развивается, все же она развивается не в такой степени, чтобы поглотить все избыточные руки. У нас была, и еще сейчас в значительной степени имеется городская безработица, которая, как вам известно, является одним из наших бичей и одной из язв нашего теперешнего положения. Что же мог делать такой крестьянин? Он оставался сидеть на земле, пробавлялся кое-как и стремился приняться к зажиточному или к кулаку. Но здесь мы ставили ему ограничение, так как мы запрещали наемный труд почти целиком. Отсюда возник ряд явлений, идущих по линии нелегального найма рабочей силы. Создалось такое положение, при котором человек нанимается, а сделка, согласно нашего законодательства, является нелегальной. Значит, интересы нанимающихся мы не могли блюсти из-за нелегальщины. Это запрещение означало то, что никакой профсоюз батраков и никакая другая организация не может защищать интересы рабочего класса, который нанимается; капиталистические отношения в деревне существуют, но они закрыты,

мы как будто бы их не видим; тот, кто нанимается, никем не защищается. В результате мы имели целый ряд таких возражений,— заметьте, не с кулацкой, а с бедняцкой стороны:—хорошо, у вас имеется хорошее законодательство, мы благодарим за него, но почему вы не принимаете нас на фабрику, а здесь нас никто не охраняет. С одной стороны, известное недовольство благодаря нашему хорошему на бумаге законодательству и, с другой стороны, со стороны кулаков, тоже недовольство, потому что мы запрещаем наемный труд.

То же самое следует отметить об аренде земли.

Мы строго запрещали арендные отношения по той простой причине, что аренда давала известный простор для развития капиталистических отношений в деревне. Но нужно помнить, что у нас в значительной степени сейчас арендует не бедняк у богатого, а очень часто арендует кулак у бедняка и маломощного, у которого нет инвентаря и рабочего скота. Таким образом, арендатор является более богатым, а сдающий в аренду является бедным. Но ведь аренда запрещена, таким образом, аренда является нелегальной, а эта нелегальная аренда широко распространена. Но если это нелегальная сделка, то мы не можем защищать, как следует, сдающего в аренду. Тот же, кто арендует, это обстоятельство использует, раз сделка нелегальная, он платит грошевую цену за ту землю, которую не может обработать бедняк. В результате все поставлено на голову. Хорошее на бумаге законодательство превращается в нечто, что вызывает недовольство не только со стороны кулаков, но и со стороны бедняков. Кроме того, нужно отметить, что эти запрещения препятствуют развитию хозяйственного оборота деревни, а в этом последнем заинтересованы, в первую очередь, середняцкие массы крестьянства.

Если середняцкое хозяйство не поднимается, если оно стоит на месте, то тогда почти все, что производится в середняцком хозяйстве, идет для собственного потребления. Если же это крестьянское середняцкое хозяйство растет, если оно поднимается, если оно становится на ноги, если оно получает больше продукции, то, совершенно естественно, оно начинает выбрасывать больше своих продуктов на рынок, все больше становится товарная часть, которую это середняцкое хозяйство выбрасывает на рынок. При слабом развитии товарных отношений, характерном для нашего времени, эти запрещения, мешающие развитию товарного оборота в деревне, вступают в противоречие с интересами нашего экономического развития.

С другой стороны, я еще должен остановиться, в связи с этими хозяйственными проблемами, на некоторых вещах, которые уже переходят в область политики. С ростом крестьянского хозяйства, с его под'емом, растет стремление со стороны хозяйствующего крестьянина, в первую очередь, середняка, более правильно вести это хозяйство. А это что значит? — Это значит, что он должен предпринять улучшенные методы обработки

земли, должен тщательно подсчитывать свой хозяйственный бюджет, должен правильно распределять в своем хозяйстве те средства, которые у него есть, правильно распределять все затраты. Мы сами все время говорим ему: веди более рационально хозяйство. Мы также говорим относительно агрономов и новых способов обработки земли, мы говорим ему относительно более лучшего распределения его ресурсов и средств. И он это воспринимает постольку, поскольку это соответствует действительно его интересам. Но в то же самое время, товарищи, у нас в деревне существовал и отчасти существует еще в значительной степени такой порядок вещей, при котором существует целый ряд остатков военно-коммунистического периода, полуадминистративных и полухозяйственных, политических и хозяйственных. В первую очередь здесь необходимо отметить всяческие произвольные распоряжения административной власти,—а план хозяйственный не мирится с этими произвольными распоряжениями. Если я хочу правильно вести хозяйство, если я хочу точно высчитать, сколько я должен потратить на одно, другое и проч., то я должен обязательно знать, сколько, а за что с меня потребуют, и в какие сроки с меня не могут взять. Вы знаете, что при военном коммунизме в этом отношении у нас был полный хаос, административный произвол, который оправдывался только спешностью заданий и трудностью положения. Страна находилась в военном положении, сегодня брали одно, завтра—другое, сегодня издавали один приказ, завтра, в силу изменившейся обстановки гражданской войны—другой, сегодня оставляли бумажную квитанцию за собранный хлеб по продразверстке, а завтра ее не оставляли и т. д. Это было допустимо при том положении вещей, когда страна находилась в стадии гражданской войны. Это было менее терпимо, когда мы вышли из гражданской войны и пытались налаживать наше хозяйство, но это совершенно нетерпимо, когда теперь мы уже стали говорить крестьянину — упорядочивай свое хозяйство, — а он правильно говорит, что не может упорядочивать, когда его дергают то за одно ухо, то за другое. Отсюда возникла политическая потребность, которая ни капли не мешает диктатуре пролетариата, но идет по линии нашей диктатуры, по линии того, что называется революционной законностью. Революционная законность означает — сокращение остатков военно-коммунистического произвола, потому что он стал в полное противоречие с потребностями хозяйственного развития и развития крестьянского хозяйства. Я пытался до сих пор обрисовать вам положение в деревне, но, говоря о том, что мы должны делать в деревне, как будет развиваться деревня, какие основные мероприятия мы должны по отношению к ней наметить, нельзя не поставить перед собой вопроса о всем народном хозяйстве, о роли промышленности в этом хозяйстве и роли целого ряда других факторов этого хозяйства. Нужно понять эту деревню и ее развитие в соотношении со всеми другими частями народ-

ного хозяйства, в том числе в соотношении с нашей промышленностью, в соотношении с тем, как поднимается сельское хозяйство и как возросла наша промышленность. Ведь несколько лет тому назад наша промышленность была в таком упадочном состоянии, что продукция ее исчислялась чуть ли не десятыми долями процентов довоенной, в некоторых отраслях наши крупнейшие заводы были дефицитны, наши рабочие выделывали зажигалки, некоторые исполины-заводы стояли совершенно, фабрика в наших руках была больше на бумаге, а не на ходу, были только стены в руках с неработающими машинами, рабочий класс в значительной степени был деклассирован. Все это знают, все это пережили. Но с тех пор дело изменилось гигантски. Наша промышленность стала на ноги, достигла высокого уровня развития, а ко времени партийного с'езда, примерно, продукция достигла 75% довоенного времени, мы стали хозяевами действительно крупной, развивающейся промышленности.

У нас стали функционировать банки, наш транспорт поднялся, наша оптовая торговля поднялась, оптово-розничная торговля в значительной мере очутилась у нас в руках, другими словами, рабочий класс свои экономические хозяйственные высоты укрепил. Теперь рабочий класс в хозяйственную борьбу с кулаком, с капиталом, не идет с пустыми руками или декретами, или только вооруженными красноармейцами, он уже имеет за собой основные крупные хозяйственные высоты: банк, транспорт, крупную промышленность, оптовую и розничную торговли. Это есть факт. И вот при таком положении вещей, которое в значительной мере, чтобы не сказать, в громаднейшей мере, отличается от прежнего положения вещей 21 и 22 года, даже 23 года, — вот при таком новом положении вещей нужно смотреть, что нам нужно было делать на XIV партийной конференции, на что мы могли пойти, на что решиться, что постановила партийная конференция, под каким углом зрения она протекала, что ставила во главу угла, как подходила к вопросам? Я уже сказал, что для нас вопрос о темпе, т.-е. быстроте хода хозяйственного развития, приобрел крайне существенное значение. Как же мы подошли к этому вопросу на XIV партийной конференции? Мы решили, что необходимо развязать товарооборот в стране и уничтожить, до известной степени, те запретительные меры, которые являются остатком отношений военного коммунизма в деревне. От этого только мы выигрываем. Во-первых, если растет товарооборот в стране, это означает, что больше производится, больше продается-покупается, больше накапливается. Это то, что ускоряется и наше социалистическое накопление, т.-е. ускоряется развитие нашей промышленности. Если ускоряется общий товарооборот в стране, живее бежит кровь в хозяйственном организме, это значит, что ускоряется и оборот в нашей промышленности. Если я продал в месяц один раз, теперь продал четыре раза, значит, мы положили в свой карман прибыль не один, а четыре раза, это значит, что мы накапливаем в своей промышленности больше, ускоряем

темп, ход развития своей социалистической промышленности. Во-вторых, со стороны капиталистических элементов, которые растут на этой почве, мы получаем добавочный доход в виде растущего налогового обложения на эти растущие капиталистические элементы. И вот эти два основных источника, которые мы получаем добавочно в свои руки, дают в наши руки добавочные средства, за счет которых мы материально помогаем всем социалистическим формам против капиталистических и, в том числе, деревенской бедноте. Грозят ли нам на этом пути какие-нибудь опасности? Конечно, да. Если мы даем большую свободу кулаку, об'являем более широкую возможность применения наемного труда, распространяем арендное право и прочее, то какая опасность для нас здесь появляется? Эта опасность принципильно того же самого типа, как опасность новой экономической политики вообще, перехода от военного коммунизма к новой экономической политике. Теперь нет ни одного чудака, который бы сказал, что переход на новую экономическую политику был неправилен. Что, ведя новую экономическую политику, мы выиграли, это очевидно, и выражается в переходе от ржавой селедки к сравнительно сносному питанию, от зажигалок—к крупному производству, к укреплению нашей власти и прочее.

А опасности с новой экономической политикой появились такие, каких не было. Какие же опасности? Усиление одновременно с нами частного капитала, усиление частных торговцев, скупщиков, частных хлебозаготовителей, частных предпринимателей и т. д. До сих пор мы все-таки, несмотря на все, их немножко били—они росли и мы росли, но мы росли быстрее. Опасности были, но мы преодолевали их до сих пор. Почему мы их преодолевали? Потому, что мы росту капиталистических элементов противопоставляли наш собственный рост и мы росли быстрее их. И нет теперь ни одного человека, который сказал бы: давайте возвратимся к военному коммунизму. Мы безусловно выиграли от новой экономической политики, и на XIV партийной конференции перед нами встал вопрос об уничтожении или значительном сокращении остатков военного коммунизма, которые у нас были. Было одно время, когда частный капитал наступал на нас довольно солидно — в области торговли. Это было, примерно, тогда, когда Владимир Ильич сказал впервые: «Учитесь торговать». У нас тогда стояли пустыми огромные заводы и совершенно не было никаких торговых организаций. Тогда было такое время, что торговый капитал, частные посредники, бросились во все поры, заняли все места в торговых учреждениях. Наши госорганы торговали тогда через частных посредников. Частные посредники разворовывали остатки наших складов и наживались. Это было время, когда частный торговый капитал получил прирост сил, накопил много потому, что мы еще не умели как следует торговать. Нас в первое время немножко били, но потом мы научились торговать, вытеснили частного торговца из оптовой торговли, стали вытеснять из оптово-розничной и

сейчас засунули руки и в розничную торговлю, хотя на некоторых участках, о чем я буду говорить позже, частный капитал нас бьет, главным образом, в силу нашей некоторой глупости и не совсем хорошего умения.

Так вот, товарищи, в общем и целом новая экономическая политика, конечно, сопровождалась для нас колоссальным плюсом. И вот теперь, в связи с решением нашей XIV партийной конференции, перед нами встали такие же опасности, но только сравнительно меньше...

Мы не можем ссориться с основной массой крестьянства, которое заинтересовано в ускорении товарооборота. Но если мы ускорим товарооборот, мы тем самым развяжем руки капиталистической верхушке. Да мы на это и идем и не боимся этого, потому что мы в этом море развязавшегося оборота имеем значительную артиллерию в виде государственной промышленности, банков, транспорта и в виде кооперации, которая пока в наших руках, и будет в наших руках. Мы будем помогать в первую очередь бедноте, и помогать не на основе крика, а на основе действительной материальной помощи. Если товарооборот ускорится, у нас будут большие суммы в государственной кассе, бюджет у нас будет расти, и у нас будут средства, которыми мы реально, а не на словах сможем помогать бедноте, которые мы реально сможем употребить на то, чтобы поднимать крестьянское хозяйство и держать смычку со средним крестьянством.

Для того, чтобы установить твердую смычку с середняком, для того, чтобы произошло действительно налаживание прочного союза с ним, нужно было, во-первых, развязать товарооборот; во-вторых, обеспечить ему революционную законность; в-третьих, дать сильный толчок к добровольчеству и демократизации кооперации, и в то же время путем и на основе развязывания товарооборота и получения добавочных сумм в руки нашей государственной кассы — реально помогать бедноте, реально помогать середняку. Тут, товарищи, уместно разобрать одно возражение, которое выставляют против этого маневра.

Это возражение, которое заслуживает внимания, выставлялось некоторыми товарищами еще до XIV партийной конференции, когда оппозиция еще не оформилась. Эти товарищи указывали, что проводить нэп по отношению к городу было сравнительно легко. Почему? Потому что в городе у нас крупная промышленность. Мы могли здесь кое-что выставить против частного капитала, а что у нас в деревне? Там почти нечего противопоставить кулаку. Развязывая кулака, мы ничего ему не можем противопоставить, поэтому кулак очень усилится. Да, мы признаем, что кулак будет быстрее развиваться, чем при системе запретительных мер. Это будет так на первых порах. Нас спрашивают: что же мы ему противопоставляем? Это единственно важный аргумент, который заслуживает того, чтобы его подробно разобрать. Я тоже признаю его важным. Но, товарищи, важность его рассеивается до известной степени при правильном подходе

к нему. Возражение было бы вполне полновесно, если бы мы смотрели только на одну деревню, если бы деревня существовала сама по себе, а город сам по себе. Тогда, конечно, с абсолютной уверенностью можно было бы сказать о неизбежности большего усиления капиталистического кулацкого влияния в деревне. Но вся суть в том, что деревня не существует совершенно на отлете. Наше городское хозяйство и промышленность составляют с крестьянским хозяйством один организм с разноречивыми частями.

Если мы будем вести правильную политику, мы не проиграем, мы выиграем. Само собой разумеется, товарищи, что после этого маневра нужно было предпринять и целый ряд добавочных постановлений, долженствующих противопоставить развязывающемуся кулацкому хозяйству все, что возможно в наших условиях. Необходимо было мобилизовать все силы бедноты, поставить ее на ноги, организовать ее политически и хозяйственно. Отсюда и возникло то постановление, которое было принято на пленуме ЦК после XIV с'езда, об организации специальных групп бедноты. Очень часто со стороны товарищей из оппозиции нам указывают на то, что, дескать, это мы сделали под их давлением. Но никто не сможет опровергнуть того факта, что еще за много месяцев до того, как возникли наши разногласия с оппозицией, при Центральном Комитете было деревенское совещание, возглавляемое тов. Молотовым, которое вырабатывало эти планы, вело разработку вопроса на основе тщательного обследования положения в деревне и подготовляло те самые мероприятия относительно групп бедноты, которые были приняты на октябрьском пленуме ЦК.

Товарищи, совершенно ясно, что такой сложности маневр, который мы предприняли на XIV с'езде, представляет собой нечто не совсем элементарное, но что же поделать, наша партия поставлена в такое положение, когда ей нужно решать вопросы и посложнее. Наша партия поставлена в такие условия, когда ей приходится решать сложные политические задачи в сложной обстановке. Само собой разумеется, что при решении всяких сложных задач, да еще при неоднородном составе партии, при наличии внепартийных окружений неизбежно будут возникать всякие уклоны, сознательные или бессознательные, в сторону от правильного пути. Я сказал, что мы идем на развязывание товарооборота, и, тем самым, об'ективно это может быть использовано кулацкой верхушкой в деревне и наверняка будет использовано. И вот, если бы появилась группа людей, которая бы сказала—очень хорошо, развязывайте товарооборот и больше ничего, вот это было бы неправильно. У нас формулировка была такая: развязывайте товарооборот для того, чтобы усилить социалистическое накопление, чтобы на деле помогать бедноте материально, в первую очередь, и выстраивать ее против кулака. Точно так же, как если бы мы взяли большой стратегический маневр, как новая экономическая политика, и если бы кто-нибудь сказал—замечательно, что вы допустили частную торговлю, дали

буржуазии свободу торговать, и больше ничего бы не прибавили, ничего не сделали бы для того, чтобы укрепить нашу собственную позицию, то это был бы серьезный уклон от партийной позиции.

Если мы не видим цели, для которой все это делается, если не видим границ, если не знаем, как держать и как поворачивать руль, как использовать все это, тогда у нас не политика, а капитуляция. Тот, кто, раз'ясняя решения XIV партконференции, забывает сказать, что мы это проделываем для того, чтобы, опираясь на наши командные высоты, помогать бедноте и способствовать укреплению смычки с середняком, тот обнаружил бы кулацкий уклон.

С другой стороны, если бы кто-нибудь говоря имел такую перспективу, что капитализм развивается в деревне, будет все развиваться, пока кулак всех чуть ли не экспроприирует, а потом сельско-хозяйственные рабочие будут проделывать третью революцию при нашей помощи, это был бы уж другой уклон.

Я тут должен сказать относительно самого себя и той ошибки, которую я сделал. Я прошу извинить меня, что я говорю о себе, но в Ленинграде мне, по вполне понятным вам соображениям, это сделать необходимо. В нашей партии с большим систематическим докладом относительно положения деревни перед XIV партконференцией я выступал первым — это легко доказать по печати. Первый большой доклад на эту тему, если не ошибаюсь, приходится на апрель месяц прошлого года. Это был первый большой доклад относительно тех проблем, которые тогда обсуждались. В этом же докладе я поставил вопрос о двух уклонах. Я говорил, что нам нужно поощрять товарооборот, накопление в крестьянском хозяйстве, уничтожение военно-коммунистических отношений, перенос центра тяжести на хозяйственно-экономическую борьбу; тогда же я подчеркивал, что тот, кто не понимает цели этого маневра, задачи помощи бедноте, тот обнаруживает кулацкий уклон. При этом я сделал ту ошибку, что, выражая мысль о перенесении центра тяжести на экономическую борьбу, о нашей заинтересованности в развитии товарооборота и проч., о том, что мы не можем относиться отрицательно к тому, что середняк приобретает новую лопату или ставит железную крышу, формулировал эту свою мысль так, что мы должны сказать всем крестьянам,— «накапливайте в хозяйстве, обогащайтесь». (Смех).

Слово это было с очень нехорошим привкусом, оно было подхвачено и использовано с разных сторон. Некоторые буржуазные немецкие газеты даже писали, товарищи, что будто бы я сказал: «коммунисты, обогащайтесь», что было повторено Эмилем Вандервельде.

Таким образом я намечал правильную общую политическую линию, которая была впервые в этом докладе указана, допустив ошибку, и этой ложкой дегтя испортил бочку меда. (Смех). Центральный Комитет тогда же заявил, что это неправильно, и я делал неоднократные заявления о своей ошибке, и весь вопрос не стоил

бы выеденного яйца, если бы это не было выгодно употребить в качестве орудия борьбы против линии Центрального Комитета.

Я должен сказать, однако, что такие вещи, по сути дела, несколько раз говорились и тов. Каменевым. У товарища Каменева была несколько раз такая формулировка, что мы должны держать курс на богатеющую деревню. В этом положении было правильное и рациональное зерно, что надо поднимать крестьянское хозяйство. Товарищ Каменев, ясно подчеркивающий диференциацию в деревне, которая расщепляет крестьянство на богатеющую деревню и беднеющую деревню, предлагал держать курс именно на богатеющую деревню. Получилось еще хуже. Но мы не били в одну точку, а оппозиция била в одну точку, изображая меня чуть ли не настоящим кулацким батькой, который стремится завлечь партию на такие рельсы, которые ведут нас прямо в об'ятия старой и новой буржуазии. (Смех).

Этим раз'яснением я считаю этот вопрос относительно исчерпанным и просил бы товарищей, которые особливо им заинтересованы, достать указанный мною доклад (он в свое время был отпечатан в газетах и в «Большевике») и убедиться, что общая линия там была именно той линией, которую я защищаю здесь.

На партийной конференции относительно двух уклонов я говорил со всей резкостью, повторяя то, что я говорил в апрельском докладе. Я считаю необходимым подчеркнуть еще, что вопрос относительно двух уклонов был формулирован мною в первый раз, когда он еще никем не формулировался.

Так что, когда товарищи из новой оппозиции, критикуя меня, говорят о двух уклонах — они немножко бьют мне челом моим же добром. Я считаю это исчерпанным и перехожу к дальнейшему. После этого, когда у нас обострились разногласия с некоторыми ленинградскими товарищами, как всегда бывает, начался подбор разных идейных базисов, разных мыслей, которые выстраивались как армии перед сражением, и тогда стало ясно, что наша оппозиция выступила с совершенно определенной системой взглядов, которые имеют неправильную тенденцию, которые не могли быть приняты нами. Я постараюсь покороче говорить о них, потому что об этом очень много уже говорилось, и постараюсь показать, в чем заключается неверность этих взглядов. Прежде всего, я хотел отметить следующий основной факт. Вы знаете, что у нас дело дошло до очень крупных столкновений на партс'езде. — Ваша организация была потрясена дискуссией и сейчас еще не вполне изжила последствия этого внутрипартийного трясения, и вот я спрашиваю: какие конкретные мероприятия предложила, какую правильную политику в деревне, которая бы отличалась от нашей, наметила оппозиция? Так нужно в первую очередь ставить вопрос. Можно, конечно, поднять целую бучу и пойти при случае на раскол партии, если ты уверен, что у тебя есть правильная система политики и мероприятий. У нас главный вопрос связан с крестьянской политикой. Хорошо. Но чего же мы не сделали с точки зрения оппозиции,

где ее конкретные предложения помимо того, что предлагал ЦК и его большинство? У них ничего нет. Единственно, что они иногда говорят—это то, что решение октябрьского пленума они вырвали у страдающего кулацким уклоном ЦК. Это неправда, по той простой причине, что решение это подготовлялось задолго до XIV партконференции деревенским совещанием, что автором предложения об организации групп бедняков являлись не товарищи из оппозиции, а тов. Молотов — председатель деревенского совещания. Больше никаких конкретных предложений в области того, как получше помогать бедняку и как лучше бороться с кулаком, нет. Таким образом выходит, что эти партрешения были предложены отнюдь не представителями оппозиции, все решения, которые партия приняла о политике в деревне, не исходили от оппозиции.

Но в то же самое время нельзя сказать, говорю я, что нет никаких разногласий. Они не формулированы, как практические предложения—это верно. У них нет никаких практических предложений—это верно, но у них есть рассуждения теоретического порядка, из которых могли бы вытечь некоторые практические предложения при известной смелости мысли, при стремлении додумать до конца то, что говоришь. Но то, что они не додумывают до конца, то, что не сформулировано ими как практические предложения, а сформулировано как известные теории,— все это имеет опасную тенденцию. Я должен сказать, что и в дискуссии с Троцким я был всегда противником такой постановки вопроса: скажи, что Троцкий меньшевик. Конечно, Троцкий — не меньшевик. Он сражался за Октябрьскую революцию, он проделал целый ряд вещей, за которые партия ему многим обязана, но у него был в вопросе о крестьянстве и, может быть, есть и сейчас,—я этого не знаю,—такой политический оттенок, который при дальнейшем развитии шел бы по тому пути, который ведет к меньшевизму. Троцкий не меньшевик, но если бы этот оттенок получил у него дальнейшее развитие, то он шел бы по тому же пути, как шли и меньшевики, и поэтому правы те, которые говорили, что это есть вода на мельницу меньшевиков. Есть некоторые товарищи, которые считают, что если сказать так, как я говорю, а не сказать просто, что Троцкий меньшевик, это ужасное преступление против ленинизма. Если бы в моей шкуре сейчас был кто-нибудь из ответственных товарищей из новой оппозиции, он бы, наверное, сказал против новой оппозиции, что это меньшевики и проч. Это большое искушение для каждого, кто любит загнуть крепкое слово. (Смех). Что новая оппозиция — это есть меньшевики, я этого, товарищи, не могу сказать, и не стану этого говорить. Но я сейчас покажу, как оппозицией протягивается ниточка к враждебной нам идеологии.

Я хочу сказать прежде всего относительно строительства социализма в одной стране. Мы строим социализм,—надеюсь, это все признают,—в стране отсталой, где пролетариат составляет незначительное меньшинство населения и диктатура пролетари-

ата есть диктатура незначительного меньшинства в стране. Можно ли строить социализм в таких условиях?

Все меньшевики и эс-эры, которые считают себя социалистами, говорят так: это—абсолютный идиотизм, это—анархо-коммунизм считать, что в отсталой стране можно построить социалистический порядок вещей. Они считают, что из-за нашей отсталости мы погибнем, ибо начали строить социализм в той стране, где нет материальных предпосылок, нет достаточно развитой промышленности, нет достаточно рабочего класса, слишком много мужика, а при таком положении вещей нельзя строить социализм. Они говорят, что можно только утешать себя мыслью, что социализм строится, а на самом деле—с их точки зрения—это значит обманывать массы. Так ставят вопрос меньшевики. А какой уклон был у тов. Троцкого, с которым мы все боролись? Он ставил вопрос так, что в такой стране, как Россия, нельзя построить социализма при данном сочетании классовых сил, силами одного российского пролетариата, потому, что мужик неизбежно восстанет против пролетариата, свергнет его, потому что между рабочим классом и крестьянством неизбежен конфликт. Вот—основа старого учения Троцкого.

Почему, когда этот вопрос вновь встал в последней дискуссии, нам сразу же стало абсолютно ясным, что мы можем строить и можем достроить. Но другое дело, если капиталисты нападут и защекочут нас до смерти штыком... (Смех). Это другое дело. Если это случится, если будет такая интервенция, с которой мы не в состоянии будем справиться, тогда мы не гарантированы от того, чтобы повисеть немного на телеграфных столбах... (Смех). Поэтому совершенно естественно, что судьба нашей революции и социализма зависит от международной революции. Но, товарищи, здесь же два совершенно разных вопроса. Одно дело, что мы должны иметь международную революцию, как обязательную страховку от интервенции, и что наших собственных сил недостаточно, чтобы вооруженными силами потягаться с международным капиталом, а другое дело, когда говорят, что мы неизбежно погибнем от причин внутреннего порядка.

Но если уже говорить, что не можем преодолеть техническую отсталость, то за социализм нечего и браться. Тогда нужно увязать этот вопрос разными другими погрешностями, не с «обогащайтесь», а с ошибками, которые были у некоторых товарищей в прошлом. Мы утверждаем, и этого никто не отрицает и не отрицал, что т.т. Каменев и Зиновьев перед партийной конференцией выставляли такое положение, что мы должны погибнуть из-за нашей техники—экономической отсталости. Мы заявили им тогда, что это неправильно и что мы можем строить социализм, что нашу техническую отсталость преодолеем, хотя медленно, но все же будем итти вперед и все-таки ее преодолеем, если наше социалистическое строительство не будет сорвано капиталистической интервенцией. Мы-то совершенно ясно понимаем, что наша судьба зависит от судьбы всей международной

революции. А вот нет ли у них, вождей оппозиции, неверия в то, что мы можем строить социализм? Тот, кто говорит, что мы погибнем от нашей технико-экономической отсталости, тот не верит в наш рабочий класс и в возможность выйти из создавшегося у нас положения своими собственными силами. Что из нашей постановки вопроса вытекает? Что мы были бы не рады, если бы западный пролетариат нам помог машинами. Что тогда вышло бы, если бы он помог? Быстрее бы стали строить социализм. А если бы он не помог? Стали бы медленнее строить. Одно—вопрос темпа, а другое—вопрос невозможности. Почему же они не признают, что ошиблись, когда сказали, что технико-экономическая отсталость нас погубит? Если они думали, что это клевета, почему они этого не сказали, когда мы говорили об этом на партийном с'езде?

Из этой вытекает другая ошибка, которая стоит в связи с оценкой нэп'а. Оппозиционеры говорили, что мы — певцы нэп'а что я чуть ли не Пушкин от нэп'а. (Смех). Рассмотрим же разногласия по этому вопросу. Точка зрения оппозиции очень ярко демонстрирована в книжке т. Зиновьева «Ленинизм», которую некоторые наивно рассматривают как 100%-ное выражение ленинизма. Там сказано, что нэп есть «самое широкое задуманное отступление движения ленинизма». Эта не совсем по-русски и грамотно выраженная фраза должна сказать, что нэп есть отступление, и только. И во всех писаниях, которые имели место на страницах оппозиционной прессы, утверждалось, что мы, якобы, переоцениваем нэп, что нэп это—только отступление, что нечего зря переоценивать наши силы. Вот тут у нас наше коренное разногласие.

Ленин характеризовал нэп как «единственно правильную хозяйственную политику пролетариата». В ней (этой политике), говорит он, мы впервые нащупали, как увязать интересы нашей государственной промышленности с частными интересами хозяйств мелких крестьян. Значит, трактовать нэп только как отступление абсолютно нельзя.

Эта ошибка растет. Оппозиция протянула ниточку в сторону меньшевиков, которые вообще говорят о невозможности строить социализм. Если трактовать нэп как отступление, то значит, у нас растут не социалистические элементы, а растут элементы капиталистические. Таким образом, если развивается нэп, то это значит, что растет капитализм, а не социализм. Куда эта ниточка ведет? К тем враждебным нам идеологам, которые утверждают, что никакого социализма у нас нет, а есть чистейший капитализм. Вот куда это растет.

Наша промышленность бедная по сравнению с какой-нибудь Америкой, но тем не менее она социалистическая, потому что находится в руках рабочего класса, потому что ее держит в руках пролетарское государство, потому что мы изо всех сил стараемся подтягивать рабочих через производственные совещания, красных директоров и проч. к тому, чтобы они сами ворочали

делами, потому что мы капиталистов выгнали. Вот почему она последовательно-социалистического типа. То, что она еще не совсем богатая — это наша беда, мы это охотно признаем, но мы не променяем этого нашего положения на положение капиталистической страны, потому что мы знаем, что мы свою нищету будем изживать на новых основах. И когда этот наш 3½-летний ребенок подрастет, он покажет еще свои коготки другим — и в хозяйстве, и в политике, и во всем. Но тот, кто против него сейчас стреляет, тот фактически занимается подрывом веры в дело социалистического строительства. Те товарищи, которые отрицают социалистический тип наших госпредприятий, не понимают, что они смеются над социализмом, не понимают, что они деморализуют нашу промышленность, еще мало-обеспеченную, армию. Они не понимают, что они смеются над самими собой, над делом социалистического строительства, не понимают, что они протягивают пальчик нашим противникам, которые именно с этого фланга и обстреливают нас. Да, у нас есть кулак, есть частный капиталист, есть мелкое хозяйство, но у нас есть социалистическая промышленность, но мы обладаем укрепляющимися экономическими командными высотами. Конечно, товарищи, была бы глупость, если бы мы сказали, что у нас всюду социализм. У нас в деревне еще есть докапиталистические формы, но государственная промышленность у нас социалистическая. И когда товарищи из новой оппозиции давали здесь неправильные формулировки, они, независимо от своей воли, лили воду на мельницу наших противников.

Наконец, я перехожу к кругу вопросов относительно среднего крестьянства, кооперации и середняка и кулака. Товарищи, вы отлично знаете, что одно из основных положений ленинизма заключается в том, что рабочему классу нужно сохранить прочный союз с крестьянством. Никто не может оспаривать того, что большинство крестьянства состоит из среднего крестьянства. Если это так, то совершенно естественно, что самое главное здесь — это союз с средним крестьянством. Если от судьбы соотношения между рабочим классом и крестьянством зависит вся судьба нашей диктатуры, то ясное дело, что сюда мы должны устремить свой настороженный взгляд.

И вот некоторые товарищи никак не могут этого понять; они говорят, что позиция, которую мы занимаем в этом вопросе, неправильная позиция, или, как писал в «Лен. Правде» один «умник», это у нас новый середняцкий большевизм. Но если речь идет о том, чтобы действительно держать союз с крестьянством, то здесь, прежде всего, должно говорить о союзе с основной массой, а основная масса, это — середняк. То, что мы должны поддерживать бедноту и организовывать батрака, само собой, разумеется, в этом очень важная проблема. А как помогать, в каких условиях, об этом в каждое время нужно говорить по-разному, в зависимости от имеющихся условий. Но это ни капли не исключает того, что наша генеральная политика, которая обес-

печивает блок с крестьянством, есть политика прочного союза со средним крестьянством. Если товарищ из оппозиции в своей «Философии эпохи» не упоминает об этой малости, значит он не понимает, в чем заключается настоящая философия эпохи. Вот как обстоит вопрос относительно среднего крестьянства.

Теперь позвольте сказать немного относительно борьбы с кулаком. Ну, какой же чудак сейчас не видит, что у нас есть кулацкая опасность, это отлично все видят, но только не все понимают, чем нам, главным образом, опасен кулак. А он нам опасен тем, что может повести за собой середняка. Именно этим. Вот это нужно понять. Кулак растет хозяйственно, он может укрепить смычку с середняцким хозяйством, он пытается взять на буксир середняка и, опираясь на него, как на основную массу крестьянства, мобилизует крестьянский фронт против пролетарского. Хозяйственная и политическая опасность кулака состоит в том, что он представляет такую силу, которая может мобилизовать против пролетарской диктатуры и деревенской бедноты силы середняка, как подавляющего большинства населения в стране. Стоит так поставить вопрос, чтобы увидеть, до чего убог идейный багаж нашей почтенной оппозиции. Кричать — борись с кулаком, даже не делая предложения, как бороться, и упускать из виду середняка, это значит — помогать кулаку. Это значит отдавать середняка под хозяйственное, а затем и политическое влияние кулака.

По этой же линии шли споры и о кооперации. Это — вопрос, который перед нами станет в ближайшем будущем в еще больших размерах, чем стоял до сих пор. В чем тут дело? Дело вот в чем. Ленин в своей последней статье о кооперации прямо говорил, что рост ее тожественен с ростом социализма, что мы через кооперацию можем вести крестьянина к социализму, что наша кооперация может быть кооперацией социалистического типа и т. д., и здесь сразу возникает целый ряд проблем, которые товарищи из новой оппозиции, мне кажется, совершенно не понимают. Что представляет собою средний крестьянин, что представляет хозяйство среднего крестьянина, который не эксплуатирует наемного труда, — капиталистическое оно или нет? Нет. Ибо середняк не эксплуатирует наемного труда. Если перед вами крестьянин-середняк, который не эксплуатирует чужого труда, который свободно торгует, представляет ли он из себя носителя социалистического хозяйства? Нет, он — мелкий собственник.

Разрешите мне для экономической характеристики крестьянского средняцкого хозяйства употребить научное слово, — я до сих пор научных слов не употреблял, — это называется на языке марксовой политической экономии «простым товарным хозяйством», и средний крестьянин есть простой товаропроизводитель. Что делается **в капиталистическом** хозяйстве из среднего крестьянина, из этого «простого товаропроизводителя»?

Он либо — при разорении — превращается в пролетария, либо — при обогащении — превращается в мелкого капиталиста,

в мелкого хозяйчика, эксплуатирующего рабочую силу. Если у нас есть свободно торгующий мелкий производитель, то вот о нем-то и нужно говорить. Товарищи, которые знают, что происходило раньше, что написано в книжках, скажут: какой же это социализм? Свободная торговля — это значит капитализм; значит — хозяйство мелких хозяйчиков будет развиваться по капиталистическому руслу, потому что мы всегда говорили о том, что не могут мелкие хозяева развиваться иначе, чем на капиталистический лад. Тут есть одна заковыка: люди не понимают того, что у нас сейчас не капиталистическая власть, не капиталистические фабрики, не капиталистические банки. Если же считать, что это госкапитализм, тогда обязательно мелкий крестьянин будет развиваться по капиталистическому пути. Но если считать, что у нас все эти командные высоты не капиталистические, то дело принимает **другой** оборот. Это есть один из главных вопросов, стоящих перед нами. Кооперированный крестьянин превращается в своего рода середняческий капиталистический тип. Но у нас — надо же понять разницу, — у нас, если и простой товаропроизводитель организован в кооперацию, то эта кооперация связана с **нашими** банками, с **нашими** трестами, с **нашей** промышленностью. Мы держим в руках тот руль, который переделывает экономику страны и, если мы этого мелкого товаропроизводителя об'единяем в кооперацию, поддерживаем там такую политику, что мы кулаков изолируем, помогаем путем импортирования орудий и путем своих орудий подправить свое хозяйство не на основе применения наемного труда, потом подводим электрификационную базу (в будущем), а пока поднимаем его машинами, помогаем в области сбыта, закупки и проч., организацией кредита, потом заводим всяческие кооперированные заводы, которые занимаются обработкой сельско-хозяйственной продукции, в роде картофельных заводов и т. д.,—то мы **сворачиваем** середняка с капиталистического пути, мы приучаем его к общественному кооперативному пользованию машинами, потом идем дальше — по пути общей запашки земли и т. д. Вот это наш путь. Это разве утопия? Ни капли не утопия. Мы до известной степени на этот путь вступили, только у нас кооперация еще очень слаба и с количественной и с качественной точки зрения. Мы это отлично знаем, у нас было такое же положение в целом ряде других областей, например, в торговле; мы починили ее и это починим, но нам надо видеть, что мы в наших условиях среднее крестьянство **можем** тащить по пути социалистического развития.

Таким образом, и по вопросу о кооперации и по вопросу о возможности некапиталистического пути развития среднего хозяйства — здесь у нас тоже есть разногласия. Товарищ Зиновьев в своей книжке «Ленинизм», прочитавши некоторые мои статьи, говорит, примерно: «вот певцы некапиталистической эволюции! Какие, мол, дураки, некапиталистическую эволюцию защищают!» А что на самом деле? На самом деле оппозиционеры

прочитали в марксистских книжках, что писано **о капиталистическом** строе, прочитали, что при нем кооперативный социализм в деревне невозможен, ну и брякают про **теперешнее советское** время, что и **теперь** это невозможно: знаете, танцуют на похоронах и плачут на свадьбе. Нужно различать: одно дело при капитализме, а другое дело сейчас.

Нетрудно видеть, что все эти разногласия выстраиваются более или менее по одной линии. «Невозможность социализма в одной стране», «нэп — только отступление», «ни чорта почти социалистического в вашей промышленности нет», «ни в какой социализм крестьянина втягивать нельзя», «кооперация сомнительна», «страшная опасность кулака», «ужасный рост частного капитала», «перерождение нашей партии», — при таких обстоятельствах невозможно строить социализм в нашей стране. Я забиваю гвозди здесь — один, два, три, четыре, пять — со всей решительностью. У них формулировки потоньше, помягче: тут тряпочкой потрут, тут фразу округлят и т. д. Но тенденции явно неправильные, есть налицо.

Я свою мысль закончил и на других вопросах останавливаться не буду. Скажу только парочку слов насчет теперешнего положения, почему нам обязательно нужна абсолютная дружность нашей партийной организации. Здесь я должен прямо схватить быка за рога. У нас дела в области хозяйственной чрезвычайно много. Это известно каждому, и не обучавшемуся в семинарии. У нас сейчас положение дел не особенно хорошее в области нашего хозяйства. Вы знаете, что у нас был просчет в области наших экспортных возможностей, вы знаете, что мы построили определенный план ввоза целого ряда продуктов из-за границы, в первую очередь, всяческих предметов оборудования, что мы не собрали в надлежащий срок по надлежащим ценам и в надлежащем количестве хлеба—сколько мы предполагали. Таким образом мы переоценили экспортные возможности и допустили целый ряд ошибок. Вам известно, что у нас поэтому получился целый ряд крупнейших хозяйственных затруднений, которые идут по линии нашей внешней задолженности, которые идут по линии известного падения курса нашего рубля внутри страны, которые идут по линии сокращения производственных программ—и по целому ряду других направлений. Я хотел в своем первоначальном плане доклада остановиться на этом подробно, но сейчас этого сделать не могу. Это мы отложим до другого раза. Я здесь сделал самую основную наметку. В связи с этим у нас товарный голод, как вам отлично известно. Мы не удовлетворяем спроса на промышленные изделия, с другой стороны, у нас нет и достаточного предложения продуктов сельского хозяйства. Производственные программы наши претерпевают урезку. Бюджет мы режем тоже. Одним словом, у нас сейчас полоса довольно трудная и в хозяйственном отношении. Я вовсе не хочу сказать, что у нас сейчас какой-то отход от всей линии нашего хозяйственного развития. Нет, эта очередная

спазма нашего хозяйственного развития, которое сейчас, в общем, довольно быстро идет кверху. Эту спазму мы тоже преодолеем, но я думаю, что дело не обойдется без некоторой ряби и среди рабочего класса. Не знаю, сколько это продолжится. Думаю, что не так долго. Радикально опасного здесь ничего нет. Это можно назвать условно кризисом роста, но кризисом не в обычном смысле слова. Это есть целый ряд затруднений, которые вытекают из того, что мы, приступая к настоящему плановому маневрированию на основании хозяйственных расчетов наших хозорганов, не учли целого ряда факторов, которые сейчас для нас ясны. Поэтому сейчас мы платим издержки за наше необучение. Естественно, что поскольку мы сейчас находимся в несколько затруднительном положении,—постольку для нас особенно важно абсолютное единство наших партийных рядов. Мы много проворонили благодаря тому, что были отвлечены нашей партийной дискуссией. Из-за этих обстоятельств мы не занимались хозяйственными вопросами на партс'езде; как вам известно, силы наши были отвлечены на преодоление внутрипартийных затруднений. Лучшие силы партии были отвлечены на этот фронт борьбы. И с этой точки зрения наша дискуссия может быть оценена отрицательно и с хозяйственной стороны.

Наша партия—это колоссальный механизм, который должен вести работу, у которого задачи необычайной сложности—управлять государством, отвечать за каждую хозяйственную промашку и т. д., а с другой стороны—воспитывать партийную массу. Разрываться на 2 фронта очень трудно. Но когда у нас возникает еще какая-нибудь партийная катавасия, а в особенности в такой острой форме, как она возникла за последнее время, тогда мы платим очень дорогой ценой. Можно еще так сказать, что товарищи из новой оппозиции помогли только кулаку тем, что середняка не совсем заприметили. Но они помогли ему и тем, что партия была отвлечена от **деловой работы.** Это также есть известный хозяйственный эквивалент потрясений, которые у нас в партии были. При таком положении вещей, которое у нас есть, когда мы управляем государством и проч., помогать кулаку можно совершенно, так сказать, «неожиданно». Например, ты просчитался при импортном плане, меньше денег в казне, ты не можешь поэтому помогать, как следует, бедноте против кулака. Кулаку можно невольно и вольно помогать, не только сидя в деревне, но и сидя в городе; с самых различных точек можно ему помогать. И вот в этой общей системе помощи или борьбы немаловажную роль играет и наша партийная организация, как она настроена. Крепка вера в нашей партийной организации в то, что мы действительно строим социализм—это сейчас передается всему рабочему классу. Настроишь ты партию на тот тон, что мы строим социализм и достроим его—то ты также настроишь и весь рабочий класс. Но если тут начнешь хныкать, если тут сопли немножко текут, то ты и весь рабочий класс так настроишь, многих сопляками сделаешь. Не годится так. Если

ты считаешь, что мы только отступаем, отступаем и отступаем, и ждешь только, когда же ты свернешься, то ты на этот тон настроишь все струны. Если же ты твердо говоришь, что отступление наше кончилось еще несколько лет тому назад, что у нас еще с одной стороны дело довольно плохо обстоит, но мы всетаки продвигаемся вперед, ты тогда партию и рабочий класс, и всю страну настроишь на точно такой же камертон. Точно также, если ты кричишь по поводу того, что кулак, кулак— ты партию запугиваешь. Правильно, кулак. Да, опасность, совершенно верно, растет. Но мы спокойно выставляем тут—одну пушку, тут—другую митральезу, мы смотрим в оба, чтобы не упустить середняка, потому что главная опасность тогда будет, если он, середняк, пойдет за кулаком.

В условиях новых хозяйственных затруднений особенно опасны всяческие затруднения и социального порядка с тем же кулаком и проч.; частный капитал немного оживился, кулак поднял голову и пр. Но не будем давать себя этим запугивать: у нас на руках могучие орудия борьбы, и мы победим безусловно. Вот наша линия, она твердая, партийный с'езд ее наметил, провел ее в борьбе. Мы считаем, что она, эта линия безусловно правильна. Мы знаем, что придется пережить целый ряд затруднений в будущем, но все эти трудности мы преодолеем, если у нас не будет группочек, фракций, новых оппозиций и пр., а если едиными сплоченными рядами мы будем делать то дело, которое делали, дело строительства социализма и борьбы за социализм в нашей стране. (Аплодисменты).

Доклад на VII чрезвычайной конференции ВКП (б) Моск.-Нарвского района 7 февраля

Товарищи, часть нашей партийной организации, в том числе организация вашего района пережили внутреннюю лихорадку, которая безусловно стоит всей вашей организации, а вместе с тем и всей нашей партии, очень многого. Мы вынуждены были привлечь громадное количество сил на преодоление трений внутри нашей партии. Мы должны были на это затратить массу сил, которые, вообще говоря, должны были быть затрачены на деловую работу по управлению всей нашей страной, по управлению советским государством, государством пролетарской диктатуры. Эти силы, которых у нас, можно сказать, по сравнению с громадными задачами, лежащими на наших плечах, мало, мы вынуждены были бросить на внутрипартийный фронт, отвлечь их от самых насущных задач. Вся партийная организация в Ленинграде должна была дискутировать дни и ночи. Все другие организации нашей огромной партии точно так же не могли быть безучастными к той позиции, которую заняла делегация вашей организации на партийном с'езде, непосредственно перед ним и непосредственно после него. Само собою разумеется, что эта дискуссия может быть больше, чем какая-либо другая, стоила нам целого ряда издержек, что не могло не отразиться на успехах нашей деловой работы.

Однако, и теперь, когда дискуссия закончилась, мы должны еще проделать довольно значительную работу по подведению итогов дискуссии. Именно, с этой целью Центральный Комитет посылает сюда своих докладчиков, которые апеллируют непосредственно к партийным массам, для того, чтобы в первую очередь убедить, для того, чтобы просить со своей стороны всех членов нашей партии, каждого в отдельности и всех вместе, сделать все возможное для укрепления единства нашей партийной организации. Нам важно, чтобы это единство было не только простым, механическим единством, которое выражается только в формальном подчинении решениям партийного с'езда, но чтобы это единство было основано на внутреннем убеждении в правильности линии нашего партийного с'езда. Очень часто

у некоторых является искушение рассматривать партийную борьбу исключительно с точки зрения склоки, ссоры между лидерами, рассматривать эту борьбу, как различные поверхностные разногласия и т. п. Это совершенно неправильно. За всеми этими столкновениями, за всеми этими выступлениями всегда кроется какое-нибудь политическое разногласие, какие-нибудь политические оттенки (это—минимум), какое-нибудь разноречие в понимании очередных, крупных задач нашей общей политики, общей политики нашей партии. И вот, для того, чтобы правильно решить всяческие вопросы, в том числе и организационные, необходимо сосредоточить свое внимание на серьезной и деловитой проработке очередных вопросов текущей политики и уже, на основе правильной политической линии, на основе внутреннего убеждения в правоте этой политической линии, предпринять различные организационные передвижки, делать различные организационные выводы, строить соответствующим образом свой партийный аппарат и т. п.

Самое важное для членов нашей партии, которые отдают себе отчет в том, что на каждом из нас лежит величайшая ответственность, ответственность не только за узкий круг людей, не только за судьбу нашей партии, но и за судьбу нашей страны, — потому что от решений нашей партии зависит судьба миллионов людей, — усвоить себе правильную политическую линию. И только став с полной убежденностью на определенную позицию, нужно подать свой голос за те или иные организационные выводы, находящиеся в соответствии с определенной политической линией. Так должна работать наша партия, так должна она строиться, так должна она самовоспитываться. И самое вредное, что здесь может быть, это попытка замазать вопрос о политической линии, хотя такие попытки и делались, делаются и будут делаться. Такая обыкновенная точка зрения неправильна и чрезвычайно вредна; поэтому мы должны ее отмести.

И вот, товарищи, я считаю, что одной из самых крупных вин со стороны товарищей из новой оппозиции, вин, которые обнаружились внутри нашей партии, внутри членов Ленинградской организации, даже после партийного с'езда, является величайшая беспринципность, которой отличались товарищи из новой оппозиции, несмотря на все клятвы о своей принципиальности. В самом деле, если мы рассмотрим самый последний лозунг, выдвигаемый товарищами из новой оппозиции уже после партийного с'езда, как он звучал, этот лозунг? Он гласил: «решения партийного с'езда—правильны, но и делегация наша поступала правильно, т.-е. позиция с'езда правильна, и позиция делегации правильна». Ну, для всякого, кто умеет считать до двух, ясно, что эта позиция фальшива от начала до конца, она фальшива, она лицемерна, она теоретически бесчестна, потому что, нельзя утверждать, что и с'езд прав и права делегация, которая направляла свои действия против с'езда. Это не есть политическая борьба за правильную политическую позицию, так действовать больше-

вики не могут. Можно с величайшим внутренним убеждением драться за свою линию, хотя бы она и была об'ективно ошибочной, но нельзя играть так с массой, нельзя так воспитывать партию. Можно отстаивать свою политическую позицию, можно бороться за нее до решений с'езда, за эту политическую позицию, можно даже выступать на партс'езде, — все это формально допустимо, но плохо то, когда, с одной стороны, заявляют, что они — верные члены партии, и с другой стороны, не подчиняются уже принятым решениям партии. Нехорошо, когда, с одной стороны, выставляют себя сторонниками тех или иных принципов, а с другой стороны, говорят, что и «Семен прав и Сидор прав», хотя они и утверждают совершенно противоположные вещи, ибо если мы будем говорить так, мы партию не воспитаем, мы приучим партию играть в различные словесные упражнения, мы таким образом не воспитаем партию для добросовестных поисков, для мужественной защиты своей точки зрения, мы так партию сможем только «воспитать» для политического двоерушничества, что недопустимо, неправильно, нетерпимо в рядах большевистской партии. (Аплодисменты).

Так вот, товарищи, я думаю, что нам необходимо, в первую очередь, осознать правильную политическую линию. В этой связи я хотел бы сделать несколько предварительных замечаний. Само собой разумеется, что для некоторых товарищей и, в особенности, для товарищей из молодежи, кажется, что чем «левее» говоришь и чем «левее» вертишь языком, тем правильнее политическая позиция. Между тем, совершенно очевидно, и это отмечалось неоднократно Лениным, что правые и левые ошибки могут быть одинаково вредны. Многие из нас, и я в том числе, делали левые ошибки, например: во время Брестского мира. Но, если бы партия тогда приняла «левую» позицию, она загубила бы дело пролетарской революции. Мы должны определять нашу политическую линию, исходя из того, «левая» ли эта политика или «правая» политика, а мы должны искать правильную политику, т.-е. политику, соответствующую очередным потребностям политического момента, опирающуюся на правильную оценку условий данного момента.

На самом деле, представьте себе, что среди нас появилось бы такое левое течение, представители которого стали бы говорить: «вы сейчас поддерживаете сельское хозяйство, вы из вашего бюджета ассигнуете кое-что на мужика, но ведь основа всего социализма, как сказал еще Ленин, это электрификация, так давайте весь бюджет ухнем на постройку электростанций, сократив все другие расходы, не давая ровным счетом ничего на сельское хозяйство, сократив легкую индустрию и ухлопав все на постройку электростанций, потому что они основа всего, на них строится социализм, потому что это база социализма, потому что это самая крупная промышленность, потому что это основной стержень и план строительства социалистического хозяйства». Представьте себе, что мы бы послушались этих «левых»

мудрецов и весь бюджет, все части, ассигнованные на школы, на армию, на сельское хозяйство закрыли и все бы ухнули на электрификацию. Этот план, конечно, звучит крайне лево. Беру другой пример из области наших теперешних межклассовых отношений. Но он нелеп, глуп и не выдерживает никакой критики,

Представьте себе, что у нас внутри партии появилась группа, идеологи которой стали бы говорить: «Смотрите, на улицах гуляет нэпмановская шваль, в мехах и в перстнях, все это они наживают от частной торговли, не пора ли эту частную торговлю прикрыть. Доколе будем терпеть? Для этого ли мы делали революцию, для этого ли проливали кровь на фронтах? Прекратим безобразие». Это звучало бы лево. Но мы все знаем, что это было бы в высшей степени глупо и неправильно, потому что у нас пока еще нет достаточно сил для того, чтобы всю эту мелкую торговлю взять в свои руки. Мы пробовали это делать. Еще весной прошлого года мы сжали частный капитал, но у нас оказались недостачи, потому что мы не могли справиться с целым рядом торговых операций, например, в Москве нехватило даже хлеба, потому что хлеб не был в достаточном количестве выпекаем. Поэтому мы допускаем частный капитал, что отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает воспитание себя и всего рабочего класса в духе классовой ненависти к капиталистическим элементам.

Значит, все эти требования звучали бы очень лево, но в то же время были бы крайне глупыми. Все мы, товарищи, ставим сейчас вопросы о нашей борьбе с капиталистическими элементами, и во вне страны и внутри страны, и на хозяйственном и на политическом фронтах. Но для нашей партии, как для руководительницы рабочего класса, необычайно важным вопросом является вопрос меры, т.-е. вопрос о том, в какой степени надо нажимать, в какой мере и что можно допустить, как далеко итти и т. д. и т. п.

От нашей партии, от которой зависит судьба рабочего класса, судьба крестьянства, судьба всей страны, судьба миллионов, от нашей партии требуется такое величайшее чувство ответственности и такая степень серьезности, которые предполагают самый строгий учет всего того, что возможно, той меры, в которой партия должна проводить свою политику и т. д. И вот вопрос об этой мере играет громадную роль, конечно, эту меру не нужно отожествлять с умеренностью. Эта мера может быть чрезвычайно неумеренной, когда это вызывается обстоятельствами. Например, в Октябрьские дни 1917 г. эта мера состояла в том, что нужно было все силы бросить для одного беспощадного решающего удара.

Эта мера всякий раз определяется обстоятельствами, положением, той совершенно конкретной обстановкой, в которой находится наша партия, рабочий класс, наша страна.

Наше теперешнее положение, в общем и целом, можно охарактеризовать, как рост во всех решительно направлениях. Это

есть рост и укрепление нашего положения в международном отношении. В международной политике наше влияние, безусловно, увеличилось, наше влияние увеличилось прежде всего с той точки зрения, что мы сейчас большая сила по отношению к капиталистическим странам. Поэтому, они с нами торгуют, поэтому они нас признают, поэтому мы обмениваемся дипломатами (хотя иногда наших дипломатов и убивают). С другой стороны, мы отлично знаем, что наше революционное влияние увеличилось, что наше революционное положение укрепилось. Мы отлично знаем, товарищи, что наше влияние возросло и среди международного рабочего класса и среди колониальных народов. Мы знаем, что наше влияние возросло и по отношению к китайской революции, которая представляет собою всемирный исторический факт. Наше государство СССР и наша партия ВКП (б) является одним из могущественнейших факторов, одним из могущественнейших рычагов в развертывании этого революционного процесса.

Мы отлично знаем, что мы укрепляемся внутри страны хозяйственно, что мы укрепляемся внутри страны политически— это не подлежит никакому сомнению,—но, товарищи, наш рост все время и по всем направлениям идет в противоречивых формах. Он идет в формах, которые постоянно ставят нас решительно на всех фронтах, внешних и внутренних, перед новыми и новыми опасностями. Я должен это особенно подчеркнуть потому, что такие опасности мы, конечно, не должны скрывать, а должны их совершенно трезво, совершенно спокойно и мужественно отмечать. Мы, например, торгуем с иностранными государствами и все больше торгуем, но чем больше мы с ними торгуем, тем мы становимся во все большую от них зависимость. Мы строим наши планы, планы нашего производства, в зависимости от того, сколько мы ввезем. Наше производство и наши планы в известном смысле зависят от международного рынка, от торговли с иностранными государствами. Мы растем, но, с другой стороны, и наша зависимость от международных отношений, от экономики капиталистических государств становится все больше. И нам надо соответствующим образом реагировать на эти опасности, надо поставить со всех сторон соответствующие предохранители, надо иметь ресурсы внутри страны, надо строить новые заводы, чтобы поменьше зависеть от заграничного капитала. Надо обеспечить известную наличность денежного капитала внутри страны, чтобы в случае, если на нас будет нажим по кредитной линии, иметь свои собственные запасы. Это дело очень трудное, очень большое, его можно разрешить только на протяжении длительных сроков. Но вы видите, что даже в общем положительное явление имеет свои плохие стороны. Это очень хорошо, что мы больше торгуем и пр., это есть выражение нашего роста, это есть укрепление нашей хозяйственной мощи, а с другой стороны, параллельно этому растут и новые опасности. Так обстоит дело с внешним миром.

Из роста нашего влияния вытекают и новые опасности. И это нужно видеть и учитывать. Положение крайне сложное, и от руководителей всей нашей партии нужно умение соблюсти нужную меру так, чтобы сделать свое дело и в то же время страховочку иметь—и революцию развить и не втягиваться преждевременно в какой-нибудь конфликт, и с западно-европейскими державами торговать и свои резервы иметь. Это не так легко, это страшно сложно. Мы здесь будем делать еще ошибочки и ошибочки, и мы здесь должны будем в течение долгого времени учиться. Эта наука очень сложная. Руководство с нашей стороны сейчас требует громаднейшего количества знаний и опыта, и учета целого ряда обстоятельств, из которых могут произойти крупные последствия, за которые мы отвечаем перед страной, перед международным пролетариатом.

Внутри страны вместе с нашим ростом растут и новые опасности. Мы растем, наш хозяйственный рост увеличивается и в то же время на-ряду с этим растет и частный капитал в городе, растет купец, растет в деревне кулак. Мы растем, но и они растут: это—тоже противоречие. Что растет сельское хозяйство, это очень хорошо, без этого мы жить не можем, мы не можем строить и нашу промышленность без роста сельского хозяйства, но если сельское хозяйство сейчас растет, то неизбежно с ним растет и кулацкая верхушка. Из этого проистекают новые опасности для нас, новые вопрсы. Мы опасаемся, как бы кулацкая верхушка не росла слишком быстро по сравнению с нами, как бы она не поставила в зависимость от себя среднее крестьянство и бедноту, как бы она не оказалась вождем деревни против пролетарского города и т. д. Само собой разумеется, что если мы говорим об этих противоречиях, то ясно, что всякий член партии, всякая группа членов партии, всякое количество товарищей в партии имеют полное право и обязанность говорить об этих опасностях. Но вопрос заключается в том, как говорить, в какой мере говорить и что предлагать для решения этих опасностей — в этом весь гвоздь. Можно биться в истерических судоргах и кричать истошным голосом, посылая проклятие по адресу наших классовых врагов. Можно предлагать глупые меры в роде тех, о которых я говорил, а можно, под видом пролетарской политики, слюной не истекать, истошным голосом не вопить, а совершенно спокойно и мужественно сказать: вот такая-то опасность существует. Этих опасностей не нужно уменьшать, но их не нужно и преувеличивать; они довольно значительны, да, но у нас имеются такие-то и такие-то козыри в руках. Если мы будем с них правильно ходить—мы победим. Если мы так будем говорить всей нашей партии, рабочему классу, то тогда и дело будет сделано хорошо. Хуже всего при опасностях начинать двигать руками, когда голова при этом принимает минимальное участие (смех, аплодисменты). нужно лучше подумать, а потом двигать руками.

Сейчас все товарищи согласны с тем, что на-ряду с нашим ростом растут силы нашего противника внутри и вне нашей страны. Об этом нет спора. Спор идет только о том, что одни считают, что классовый враг имеет больше сил, другие считают, что классовый враг менее силен. В истории нашей революции неоднократно бывало, когда начинали думать, что у нас все плохо, а у противника нашего все хорошо, вследствие чего боялись выступать с такими действиями, которых требовал момент. Такие случаи бывали. Мы не думаем, что у нас все хорошо, мы знаем, что многое, многое еще у нас плохо, мы знаем, что у нас есть противоречия, мы знаем, что растет новая буржуазия, растет кулак, мы знаем, что они будут пытаться сплотить и сплачивают свои силы. И поэтому сейчас крайне необходимо укрепить, увеличить, удесятерить силы рабочего класса, усилить, увеличить и удесятерить силы пролетарской диктатуры. Вот к этому основному вопросу сводится все остальное.

Общеизвестно, что основой пролетарского движения, таким кулаком, таким узлом, в который стягиваются все нити рабочего движения, все силы рабочего класса, является наша партия. Значит, первым вопросом с точки зрения укрепления классовых сил пролетариата, при теперешней обострившейся борьбе в нашей стране, в том числе при борьбе с кулаком, в борьбе с частником, в борьбе со всяческими поползновениями наших политических противников, является вопрос об укреплении нашей партии. Вот я и беру в первую очередь этот вопрос.

Есть ли у нас разногласия в этом вопросе с товарищами из новой оппозиции? Есть. В чем они выражаются? Они выражаются в том, что незадолго до партийного с'езда, еще ярче во время партийного с'езда, и еще ярче после партийного с'езда товарищи эти отошли от организационных принципов ленинизма, то-есть фактически способствовали ослаблению сил основного пролетарского кулака, каким является наша партия. В чем это выразилось? Прежде всего это выразилось в двух речах, произнесенных на партийном с'езде, т. Зиновьева и т. Крупской, а затем это выразилось в поведении т. т. после партийного с'езда, в обстрелах решений партийного с'езда. Повторяю, что я прежде всего остановлюсь на чисто идейных разногласиях, которые обнаружились на партийном с'езде.

Я имею в виду прежде всего заявление т. Зиновьева, или его требования относительно привлечения к работе и привлечения к партийному руководству всех бывших оппозиционных группировок, фракций и т. п., о чем вы все знаете. Вы знаете, какая полемика по этому поводу разгорелась на партийном с'езде.

Вы знаете, товарищи, что мы против этого боролись еще во время дискуссии с т. Троцким, где он защищал позицию, что наша партия может состоять из различных групп, группочек и фракций. Тогда т. Зиновьев был одним из решительнейших противников того, чтобы превратить нашу монолитную,

сплоченную партийную организацию в федерацию, в киселеобразную кашицу, состоящую из различных групп, группочек, федераций, фракций и так далее. Мы всегда говорили, что наша большевистская партия—это партия, которая по своей внутренней природе отличается от всех существующих партий, что наша партия строилась по своему особенному ленинскому принципу, что наша партия была сплоченнейшей организацией, члены которой выполняли все ее решения точно, как солдаты революции. В партии должна быть свобода обсуждений, но в ней должна быть абсолютная твердость в подчинении решениям ЦК в смысле проведения его решений в жизнь. И наша партия в этом отношении была совершенно своеобразной партией и в значительной мере поэтому она и победила и поэтому большевики постоянно сражались против всех оппозиций, которые у нас были.

Впоследствии, во время дискуссий с т. Троцким, и т. Зиновьев был в этой борьбе одним из первых запевал, иногда слишком горячим, слишком ретивым, слишком неосторожным, но он защищал тогда правильную линию, он требовал тогда монолитности, единства для нашей партии. Тогда партия, а с нею и т. Зиновьев боролись против превращения партии в сброд различных групп, группировочек, договаривающихся между собою, против тенденции, превратить партию в десять партий, об'единенных на договорных началах,—этот номер не прошел и не пройдет, мы такой партии не допустим, не желаем, не хотим. (Аплодисменты).

Товарищи, когда т. Зиновьев на партс'езде привел это положение, мы ему решительно возражали, потому что считали, что это является в корне неправильным, в этом и заключается наше разногласие, которое связано с вопросом усиления пролетарских масс.

Мы прямо говорили, что считаем, это требование по отношению к нашей партии дезорганизаторским, а так как наша партия есть основной узел сил пролетариата в его классовой борьбе с антипролетарскими силами, то это требование вело к ослаблению сил рабочего класса в борьбе с этими элементами.

Я беру далее речь т. Крупской, в которой она сказала, после того как выяснилось мнение большинства партии на партс'езде, что ведь партс'езд может ошибаться, как ошиблось большинство на Стокгольмском с'езде в 1906 году, где в большинстве были меньшевики. В 1906 году мы были в одной партии с меньшевиками и напоминание о том, что наша партия есть нечто в роде Стокгольмского с'езда, есть намек на то, что и теперешнее большинство можно приравнять к меньшевикам, а меньшинство к настоящим большевикам. Но мы после 1906 года в корне разошлись с меньшевиками. Следовательно, этот намек на Стокгольмский с'езд есть оправдание или попытка оправдать свое выступление. Я не думаю, что Надежда Константиновна говорила это сознательно, она говорила бессознательно, ибо если бы она этот вопрос хорошенько продумала, она никогда бы

этого не сказала, потому что подобная попытка об'ективно есть попытка подорвать авторитет всей партии.

После решения партс'езда произошла та дискуссия, которая имела место здесь в Ленинграде.

Конечно, товарищи, бывало и Ленин ошибался и он неоднократно признал это, и Маркс ошибался, все мы это знаем, один человек, даже самый великий, всегда может ошибиться, а так как партийный с'езд состоит из людей, а не из ангелов и не из богов, то конечно эти люди тоже могут ошибаться, божественный дух не почиет ни на каком партийном с'езде и мы ни в какие чудеса и богов не верим, это был бы отход от Ленина, был бы религиозный уклон. Я считаю, что всякий партийный с'езд может ошибаться—это верно, но какой же тогда выход для обыкновенных людей, не ангелов.

Разве можно сделать такое заключение, что после каждого с'езда нужно делать кислую физиономию и говорить: «моя не прошла, вероятно с'езд ошибся, значит, я могу делать, что моя ноженька хочет и что хочет моя белая рученька». — Тогда не к чему создавать партию, тогда нужно всем разойтись по домам, сесть за книжку божественную или небожественную, и смотря на свой собственный пупок, размышлять о том, что есть истина.

Когда мы строим партийную организацию, мы знаем, что она состоит из людей, которые спорят, которые друг друга поддерживают, поправляют. Отдельные люди могут ошибаться, но если они действуют дружно, подчиняются общим решениям, тогда ошибок будет меньше, потому что они друг друга поправляют. С другой стороны, так как они подчиняются общим решениям, они действуют дружно и это, в общем, идет на пользу этим двуногим существам, которые называются человеком, пролетарским человеком. Для этого мы и строим нашу партию и совершенно естественно, что если мы на том достаточном основании, что каждый человек и каждый партийный с'езд может ошибаться, перестали бы уважать партийные решения, мы бы развалили партию, тогда нужно было бы партию распустить, ликвидировать. Замечательно хорошее воспитание рабочего класса и членов партии было бы, еслиб каждый из нас после каждого партийного с'езда приходил бы на завод, фабрику, коллектив, цех, ячейку и говорил бы: «да что же делать, мы все люди, партийный с'езд может ошибаться» и в таком духе вели бы пропаганду. Мы были в таком случае круглыми дураками, баранами, идиотами. Так партию не строят, так рабочий класс не воспитывают, так людей не ведут. Мы не клуб рассуждающих людей, мы не первосвященники, а мы боевая классовая партия рабочего класса, которая принимает решения для того, чтобы действовать, а не для того, чтобы перстом копать и спрашивать, что есть истина. Мы боевая партия, которая принимает решения для действия и которая должна обеспечить единство этого действия, дружность этого действия. Так должны мы рассуждать, и мы, то-

варищи, считаем, что защищаем ленинскую точку зрения, когда обеспечиваем дружность работы партии, а следовательно и дружность работы рабочего класса. Когда речь идет о борьбе с нарастающими классовыми противниками, кулаками, нэпманами, мы укрепляем то, что лежит на чашке весов рабочего класса, а не помогаем противникам в борьбе с рабочим классом.

Наконец, третий вопрос, касающийся основного узла, основной крепости рабочего класса, который определяет классовое соотношение сил в стране. Это вопрос, как мы должны составлять нашу партию. Это есть разногласие с одним из двух предложений, выставленных т. Саркисом как раз в вашем районе. Мы ему доказали, что по его расчету, согласно которому к будущему партийному с'езду в партии должно быть 90% рабочих, необходимо будет за один год принять около 6 миллионов новых членов партии, т.-е. больше того, сколько есть вообще рабочих в нашей стране. (Смех). Он поспешил с расчетом и не сообразил как нужно считать. Он не сообразил, что предлагает принять в партию большее количество людей, чем составляет рабочий класс, считая при этом и сырой рабочий класс, только что приходящий из деревни. Ясно, что эта точка зрения не усиливает рабочий класс, а ослабляет его. При таком плане нам и партия совсем не нужна. Тогда будем просто голосовать по фабрикам и заводам, тогда не будет партии. Это выглядит лево и в высшей степени по-пролетарски. Но, товарищи, так могут рассуждать лишь детишки, при чем не детишки, которые ходят в коротких штанах, а которые совсем без штанов гуляют. (Смех).

Нас Ленин постоянно учил, что мы должны различать понятие партии и класса. Чем отличается класс от партии? Есть ли разница? Есть. Партия есть самая передовая часть рабочего класса, а класс это есть и передовая и более отсталая части рабочего класса вместе. Почему мы сейчас не можем всех рабочих принять в партию? Вы отлично знаете: потому что члены нашей партии, которые более или менее хорошо понимают вопросы политики, должны постепенно воспитывать беспартийных и сперва решать в своей среде, как нужно правильно поступать. Если бы мы сейчас имели в рядах нашей партии всех рабочих, в том числе полукрестьянский, пришлый, сырой элемент, тогда новое большинство теперешний состав нашей партии заголосовало бы. Мы были бы тогда в меньшинстве, тогда отсталая часть рабочего класса управляла бы его авангардом. Конечно, если голова отрывается от туловища, оно умирает. Если партия отрывается от массы, если отрывается голова, то соки перестают притекать к мозгам, и она превращается в голову покойника. Поэтому партия должна бороться за то, чтобы быть в тесной связи со всем рабочим классом, со всем пролетарским организмом, иначе она протухнет. Но плохо будет и тогда, если голова перестанет быть головой. (Аплодисменты). Тогда, совершенно естественно не будет правильного руководства рабочим классом.

Я приведу вам, товарищи, небольшой примерчик, который должен вам, ленинградцам, напомнить кое-что из области вашей собственной истории. Скажите пожалуйста, если бы накануне кронштадтского восстания в 1921 г. мы произвели по поводу целого ряда политических вопросов всеобщее голосование среди всех рабочих и если бы мы приняли тогда целиком весь рабочий класс в партию, не получилось ли бы некоторой беды из этого, разве не упустили бы мы тогда из рук пролетарскую диктатуру, разве не потеряли бы мы очень многое из того, что завоевали в октябре, если бы пошли за левыми фразами кронштадтского типа? Мы бы тогда рухнули совершенно, целиком. Совершенно ясно, что между партией и классами должно быть правильное соотношение. В партии нельзя гнаться за тем, чтобы вобрать всех без различия пола, возраста, положения, понимания, отношения к программе и т. д. Некоторые люди так спешат, что они хотят все позабыть, лишь бы у них в графе прихода и расхода было бы столько-то голов, чтобы можно было хвастаться «вот какой я хороший организатор, я ввел в партию несколько тысяч». (Голос с места: Так и было). Грош цена такому организатору, это совершенно неправильный метод, это метод демагогический, так делать нельзя. Некоторые говорят—вы хотите в партию крестьянство принять. Это неправда, наша партия пролетарская, и мы должны во всем знать меру. И тут должна быть мера и тут должно быть взвешивание. Мы должны стремиться, чтобы в партии было больше рабочих, но при этом не нужно прыгать через канаву, через которую мы не можем сразу перепрыгнуть. Мы не должны забегать вперед, мы должны знать меру. Наша партия пролетарская и должна быть пролетарской и по своим стремлениям и по своему составу. Она в подавляющем большинстве должна быть пролетарской, к этому мы должны итти. Верно, что мы должны чинить недостатки, но если мы сразу выдвинем такой лозунг, который выдвинул Саркис, и прибегнем к соответствующей практике, мы загубим дело рабочего класса.

Товарищи, если мы разберем эти три разногласия, то скажем, что в этих пунктах, когда речь идет о борьбе в условиях обостряющихся классовых отношений, товарищи из оппозиции ошибались, вели неправильную политику, делали неправильные предложения, принципиально отходили от ленинизма. Это не значит, что они стали меньшевиками. Это они любят всегда так говорить; когда с ними кто-нибудь не согласен на полвершка, то они эти полвершка превращают в 10 километров. Это значит—быть безудержным. Язык—мягкая часть, он болтается, но несмотря на то, что язык без костей, можно подавиться собственным языком, если слишком им работать, он может оторваться. Получается, что по вопросу о нашей партии, которая является основным узлом сил рабочего класса, у нас есть принципиальные разногласия. Они, мы надеемся, будут изжиты, но оппозиция боролась за свою точку зрения, за неправильную точку зрения, отходящую от ленинизма, за точку зрения, политически вредную,

об'ективно уменьшающую силы рабочего класса в борьбе с кулаком, в борьбе с нэпманом, в борьбе с частным капиталистом. Вот как нужно ставить вопрос.

Товарищи, силы рабочего класса заключены, однако, не в одной нашей партии. Силы рабочего класса состоят из нашей партии, как руководительницы, и затем из целого ряда подсобных организаций, крупных, громадных, охватывающих иногда весь рабочий класс, и, наконец, из всего рабочего класса и его даже неорганизованной части.

И вот я беру одну из величин, входящих в совокупность сил рабочего класса, я беру вопрос о комсомоле.

Для того, чтобы правильно бороться с кулаком, нэпманом, и усилить рабочий класс, нужно, чтобы комсомол соответствующим образом воспитывался, чтобы было соответствующее соотношение между партией и комсомолом. Если слишком поспешить внутри самой партии, так, что все задом наперед перевернется, то можно прийти к тому, что не партия будет руководить комсомолом, а комсомол партией, и таким образом совершенно перевернуть правильное соотношение между партией и комсомолом. Когда-то, когда у нас была дискуссия с т. Троцким, кое-кто из ленинградских товарищей отлично понимал, где должна стоять партия, а где комсомол. И когда т. Троцкий пытался нажать на барометр, хотел опереться на молодежь, ему было сказано и раз'яснено, что внутри партии должна руководить старая гвардия, что партия должна вести комсомол, и что нельзя перевернуть так, что пионеры ведут комсомол, а комсомол ведет партию (смех). Это мы об'яснили популярно, говорили, что если товарищи из взрослых получат меньшинство в партийной организации, то чтобы они не бежали к пионерам: «Ванятка, выручай». Тогда Троцкий под нажимом партии принужден был смолкнуть и положить свой барометр в карман и заняться делом более существенным. От барометра он перешел к электрификации страны. (Смех). Но когда некоторые товарищи, пламенные противники барометрических упражнений, очутились в меньшинстве, у них произошло помутнение в голове, и они стали говорить то же, что и т. Троцкий, только более визгливым голосом и в десять раз больше. Разве троцкистская молодежь позволяла себе такие героические подвиги, как зиновьевская молодежь? Конечно, нет. Это мы знаем.

Всякий разумный человек видит, что ошибка здесь совершенно такая же. Это очевидно. Люди хватаются за что попало, веревка—за веревку, Ванятка — за Ванятку, лишь бы иметь за кого ухватиться, лишь бы только выйти из положения, в которое попали. Но, товарищи, это уже беспринципность. Если ты получил в своей организации меньшинство, то ты не извращай того, чему ты сам учил, терпи до следующего партийного с'езда сумей так бороться за свое мнение, чтобы не разрушать партийной организации, не переворачивать, не ставить на голову соотношение между комсомолом и партией. Если же ты это делаешь, то у тебя нет ни на грош принципиальности, потому что ты не в состо-

янии потерпеть год до следующего партийного с'езда и готов пожертвовать основным ради второстепенного, отречься от основного, лишь бы очутиться в большинстве, не дожидаясь очередного срока. Так действовать нельзя—это демагогия, а не политика. Я считаю, что, конечно, наша партия не может пойти на такую демагогию. Мы все отлично знаем нашу молодежь, наше будущее, нашу смену, мы на нее ставим свою ставку и проч., но мы еще тов. Троцкому говорили—не смейте льстить, вы лестью не воспитаете молодежи, вы не воспитаете ее визгом, чрезмерным обилием комплиментов по ее адресу. Так нельзя воспитывать. Большой политический грех берут на себя товарищи, которые идут по этому пути.

Я отлично знаю, что молодежь чрезвычайно огорчена тем, что оппозиция очутилась в меньшинстве. Здорово размахнуться кулаком, а затем сразу положить его в карман, это как будто неудобно; рука слишком размахнулась, а потом ее сразу положить в карман, пожалуй штаны прорвешь. Должен вам сказать, что я слышал (не знаю, правильно ли это или нет), что в некоторых местах некоторые товарищи из комсомола, товарищи из актива, которые были на стороне оппозиционной, теперь ударились в героическое пьянство. Если это так (а кажется, что это правда), то разрешите мне сказать по этому поводу несколько слов: такие поступки напоминают нам дряблую, расслабленную интеллигентскую психологию,—вот по-моему не вышло, так я горькую буду пить, водку хлестать и т. п. Все трын-трава, и лучше я уйду, заберусь куда-нибудь и буду забываться. Так делал прежний больной духом российский интеллигент, который желал из себя изобразить мученика, героя, страдающего. Это самая отвратительная черта русского человека, которая ведет свое начало еще от рабского режима. Вместо того, чтобы утешиться тем, чтобы продумать хорошенько, прав он или нет, напрячь всю свою волю, все свои силы и проверив себя хорошенько, и если окажется прав, то выжидать терпеливо, когда рамки партийного устава позволят ему снова выступить и доказать свою правоту,—они позволяют себе таким образом забываться. Это недостойно мужественного человека, про такого товарища можно сказать—сопляк, дрянь трава. Я считаю, что товарищи, которые стоят на точке зрения нашего Центрального Комитета, на точке зрения решений партийного с'езда, должны таких товарищей только дразнить, смотреть на них не как на героев, а как на сопляков, никуда негодных, как на гниль кабацкую, но ни как не на революционный пролетариат. (Аплодисменты).

Теперь, товарищи, я перехожу к следующему вопросу. Речь идет о сплочении сил пролетариата. Вопрос этот касается не только сплочения комсомола, а сплочения всего пролетариата в целом. Мы должны сплотить наш пролетариат во всех его частях, с партией, вокруг партии, в комсомоле, в профсоюзах и проч. Но мы должны сплотить силы рабочего класса в большем масштабе, как класса, который должен играть руководящую роль,

как класса, который должен стоять в самом авангарде, стоять впереди. Товарищи, как сплотить силы широких пролетарских масс в теперешний момент, как их сплотить в борьбе с частным капиталом, в борьбе с нэпманом, в борьбе с кулаком? Как сплотить рабочий класс вокруг партии для дела социалистического строительства? На это я вам отвечу следующее: сплотить широкие слои рабочего класса вокруг партии можно, во-первых, на основе полной уверенности в возможности строительства социализма в нашей стране, а, во-вторых, что тоже очень важно, сплотить силы рабочего класса можно только при том условии, если весь рабочий класс получит полную уверенность в том, что наша основная промышленность есть промышленность социалистическая, что она не в руках капиталистов, не в руках эксплуататоров, а в руках рабочего класса, и что поэтому Советская власть, которая опирается на эту промышленность, которая опирается на рабочий класс, есть действительно Советская власть, а не ширма, не шелуха, не обманная вывеска. Вот как нужно ставить вопрос. И я утверждаю, что если мы не внушим рабочему классу уверенности в том, что мы строим социализм в нашей стране, тогда, товарищи, мы не сможем сплачивать этот рабочий класс вокруг нашей партии. Почему? Ну, представьте себе (я уже несколько раз об этом говорил, но обязан об этом говорить и сейчас), промышленность наша развертывается, к нам идут новые слои рабочего класса из деревни, поступают часто совершенно неквалифицированные рабочие, и вот эти рабочие спросят: что собою представляет наша фабрика? Ведь они даже не ведали старой, старо-режимной капиталистической фабрики. И если мы подойдем к ним и скажем: что наши предприятия не-социалистические—чорт их знает какие, не поймешь, что это, «не мышенок—не лягушка, а неведома зверушка», что неправильно думать, что наши предприятия последовательно-социалистические, тогда мы никогда не дойдем до социализма и никогда не создадим социалистической промышленности. Мы ее тогда не только не будем развивать, но и замедлим темп ее развития; мы не сможем тогда увлечь рабочие массы, мы их только расхолодим, мы тот революционный энтузиазм, который проявлялся в борьбе со стороны рабочего класса на фронтах, не сможем перевести на рельсы строительства нашей промышленности.

Если мы скажем рабочим массам: товарищи, мы отстали от капиталистов, наша страна бедна, но давайте миллионами рук поднимать наше производство, мы тем самым улучшим свою судьбу, подготовим для себя лучшее будущее, мы создадим основное ядро социализма в нашей стране,—тогда это будет одна линия, которая, по убеждению всякого революционера из нашего класса, даст возможность пойти по пути развития и улучшения нашей промышленности.

Если же мы посеем сомнения в этом вопросе, если мы будем говорить, что это промышленность госкапиталистическая, то нам придется раскачиваться, как былинке, по ветру, т.-к. будет неясно, то ли промышленность — социалистическая, то ли—госкапитали-

стическая; тогда мы не сможем вести такую линию по отношению к рабочим, тогда рабочий скажет, что развитие промышленности не мое дело, до госкапиталистической промышленности или какой-нибудь другой мне нет дела, я тут не при чем, мне нужно, чтобы по возможности мне хорошо платили и больше ничего.

И вот, товарищи, мы даже имеем политические расхождения по вопросу о строительстве социализма в нашей стране. Вы знаете, товарищи, что т. т. Каменев и Зиновьев на с'езде утверждали, что мы не сможем и не справимся, по всей вероятности, с нашим строительством, потому что и техника и экономика у нас отстали, что нам не удастся построить социалистического общества не потому, что нам капиталисты помешают или свергнут нас путем вооруженного давления, путем войны, а потому, что у нас техника и экономика плохие. Так вот, товарищи, если так учитывать соотношение сил, если думать, что мы обязательно погибнем, потому что мы и технически и экономически отстали, тогда мы, конечно, сплотить силы рабочего класса не сможем. Силы рабочего класса мы сможем сплотить, стоя только на той точке зрения, которой придерживается большинство нашего партс'езда, т.-е. вся партия в целом, и которая гласит: да, мы технически отстали, мы экономически отстали в области нашей промышленности, мы еще бедны, мы еще слабы, все это—так, так и так, но в то же самое время мы считаем, что даже и при теперешнем положении вещей, при данном соотношении между рабочим классом и крестьянством, если мы сумеем, взявшись вместе и твердо за дело, подвинуть наш социализм на полвершка сегодня, а затем послезавтра еще на полвершка, через год еще на определенное расстояние, дальше—еще дальше, то мы будем медленно, но верно ползти вперед. Мы говорим, что нет предела нашему ходу вперед, нельзя сказать, что здесь стоит верстовой столб и говорит—«дальше итти нельзя», нет предела движению к социализму, нет никакой пропасти, ставящей предел нашему продвижению вперед.

Другое дело—вопрос о вооруженных силах, о том, что капиталисты могут на нас пойти войной. Это—другой вопрос, и от этого мы можем получить смертельную рану, мы заинтересованы поэтому в международной революции. Мы—пролетарские революционеры — ориентируемся на международную революцию; наш основной курс на развитие международной революции, мы заинтересованы в этом до мозга костей, но мы не маловеры, потому что мы знаем, верим, убеждены и убеждены не на основании одних благочестивых размышлений, неизвестно откуда почерпнутых или выдуманных из головы, а на основании точного учета сил, что мы придем к международной революции, мы знаем, на основании этого точного учета сил, что мы будем итти медленными, но верными шагами вперед, безостановочно, итти по пути строительства социализма.

Я из вопросов, которые касаются того, как нужно сплачивать силы рабочего класса вокруг нашей партии, остановлюсь еще на

одном, на вопросе об оценке нэп'а, т.-е. новой экономической политики. Вы знаете, что и здесь у нас есть некоторые разногласия. В книжке товарища Зиновьева «Ленинизм», которая сделалась евангелием новой оппозиции, про нэп сказано буквально следующее: нэп—самое широко задуманное отступательное движение ленинизма. Вот точное определение, которое дает тов. Зиновьев.

Видите ли, дорогие друзья, мы сейчас живем не в 1921 году, а живем с вами в 1926 году. Разница некоторая есть. Мы даем определение новой экономической политике, должны давать определение новой экономической политике уже на основе всего опыта, который наша партия вместе со всем рабочим классом приобрела за эти годы. С 1921 года по 1926 год прошло несколько лет опыта, который должен быть нами учтен. Мы не должны стоять на месте, мы должны учитывать опыт. Мы должны делать на основе его целый ряд выводов, мы должны проверять себя, мы должны проверять других на основе учета опыта. Иначе мы были бы попугаями, а не руководителями величайшей в мире партии.

Так вот, товарищи, когда мы начали новую экономическую политику, то совершенно естественно, что мы должны были говорить тогда, что новая экономическая политика есть отступление. Мы отступали тогда—в 1921 году. А когда люди отступают, то совершенно естественно, что мы были бы дураками, если бы говорили: «гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс». Это была бы чепуха. Когда люди отступают, нечего говорить, что они наступают. Но, товарищи, и обратно — совершенно нелепо говорить, когда люди наступают, что они отступают. В общем и целом в хозяйственной области мы разве отступаем? Мы сейчас идем вперед, мы наступаем сейчас на частный капитал, на частную промышленность. Если мы говорим, что у нас есть успехи в социалистическом строительстве, то это значит мы наступаем, а не отступаем.

И вот, товарищи, если мы с этой точки зрения подойдем к вопросу, то увидим, что сейчас мы находимся в такой полосе новой экономической политики, которую никак нельзя изобразить как отступление. Мы сейчас наступаем на нашего противника. Мы имели три фазы, три периода, три эпохи новой экономической политики. Первая фаза, когда мы отступали, а не наступали. Вторая фаза, когда мы учились впервые торговать, когда перестраивали ряды, когда мы еще не научились наступать, когда мы только готовились к этому наступлению. Мы видели различные периоды нэп'а, мы видели, как мы поспешно отступали, стремясь кое-как сохранить свои ряды. Вспомните, товарищи, время непосредственно перед Кронштадтским восстанием и во время него. Вспомните, как мы отступали. Сперва мы сказали, что разрешаем свободную торговлю только в местном масштабе, в пределах местного оборота, потом плотина была сорвана, мы сняли заградительные отряды везде. Мы отступали и мы сами как следует еще хорошо себе не представляли — как мы перестроим свои ряды.

Мы помним время, когда мы перестраивали эти ряды, мы помним время, когда частный капитал пролез во все наши учреждения, в особенности в торговые, пролез в виде посредников, а мы тогда только еще подбирали новые кадры, мы только начали ставить наших партийных товарищей на хозяйственные посты, в наши торговые органы, в нашу кооперацию. Это дело перестройки наших рядов отняло у нас громаднейшее количество сил. Вы все помните споры потом на партийных с'ездах, где нам говорили, что мы недостаточно провели партийную демократию (это было после X с'езда), а мы говорили, что мы заняты другим делом, что мы должны перебрасывать силы на хозяйственные фронты. Этот период реорганизации наших рядов, перестройки рядов, перемещения наших сил был временем известного топтания на месте, когда мы перестали отступать, кончили отступать, перестроили свои ряды, но еще не научились наступать.

Еще во время Генуи Ленин сказал, что отступление кончено. Это всем известно. Это было время перехода к наступлению, и наступление началось с той поры, когда мы стали собственными силами подымать нашу государственную промышленность, когда она от разорения, от выделывания зажигалок деклассированным рабочим классом мало-по-малу поднялась сперва к 50, потом 60, потом 75% довоенного уровня, когда в области оптовой торговли, где вначале был круглый нуль, мы стали строить свои аппараты и стали вытеснять частного капиталиста. Вот здесь у вас (показывает на стену) висит таблица, где показано—насколько мы, государство и кооперация, вытеснили из оптовой торговли, из оптово - розничной, вообще из общего оборота частный капитал. Очевидно, эта таблица не привезена по заказу Центрального Комитета из Москвы, она, вероятно, висела здесь и до дискуссии. Из этой таблицы вы видите, что государство и кооперация имеют гораздо большую долю во всех основных отраслях нашего хозяйства, нашей промышленности, нашей оптовой и оптово-розничной торговли, чем частный капитал. Что это значит? Это значит, что мы наступаем. Если вы, товарищи, теперь, в 1926 году, определяете нашу новую экономическую политику только как широко-задуманное отступательное движение ленинизма, то вы этим самым говорите рабочему классу: «ты уже 8 лет стоишь у власти, а все отступаешь». Ведь никто сейчас не предлагает снова перейти к системе военного коммунизма? Значит, предлагают оставаться на рельсах экономической политики. Но если новая экономическая политика есть только отступление, то значит предлагают отступать. Это совершенно очевидно, абсолютно ясно, ясно, как апельсин, но на деле—новая экономическая политика не только есть отступление, это маневр, большой, огромный, стратегический маневр, который был предложен Лениным, и Ленин сам никогда не смотрел на новую экономическую политику, только как на отступление.

Ленин говорил: «мы отступаем для того, чтобы отойти назад, разбежаться и посильнее прыгнуть». На с'езде металлистов, во

время Генуэзской конференции, он заявлял: «мы приостановили наше отступление», а через некоторое время началось наше наступление. Если Ленин определял новую экономическую политику как маневр отступить, чтобы затем прыгнуть дальше, то совершенно ясно, совершенно очевидно, не подлежит никакому сомнению, что три главные момента в новой экономической политике это есть—отступление, раз, перестройка наших рядов—научимся торговать, бросим силы на хозяйственный фронт и т. д.,—два; а затем наступление,—три. И сейчас мы находимся в последнем периоде, когда мы начали наступать. И когда в «евангелии» ленинизма определяют, что новая экономическая политика есть только отступление, то нас тащат назад от 1926 года к 1921.

Но это увязано с неверием в возможность строительства социализма в нашей стране, ибо если оно возможно, то мы не можем маршировать только назад, а если не возможно, то мы должны или стоять на месте или пятиться назад. А по отношению к рабочему классу? Если будет неясность, недоговоренность, каша, или будет такое определение, что мы только отступаем, то тогда каждый рабочий скажет — что же, к военному коммунизму вести не хотите, ничего третьего не предлагаете, а новую экономическую политику оставляете, значит, мы отступаем. До каких же пор мы будем отступать и неужели мы 8 лет все время отступали? Конечно, так можно на-смерть убить всякую веру в возможность социалистического строительства.

Конечно, товарищи, очень плохо, когда люди зазнаются, чрезвычайно плохо, когда они переоценивают свои силы, очень плохо, когда они предаются комчванству, в особенности когда имеют очень большие успехи. Конечно, это все правда. Вот поэтому, когда ленинградские комсомольцы или часть их говорят, что они все могут, мы говорим—это есть комчванство, ты переоцениваешь свои силы. Если ленинградская делегация обстреливает решения с'езда, мы говорим: вы переоцениваете свои силы; хотя вы из передового города, но нужно быть поскромнее. Но с другой стороны, когда мы говорим рабочему классу, что он только отступает и отступает и не двигается вперед, а это вытекает из определения т. Зиновьева, хотя товарищи других городов говорят иначе—мы говорим: так нельзя воспитывать рабочий класс. И вот, товарищи, вы видите, как тут все связывается одной веревочкой в один узел. Рабочий класс нужно сплачивать вокруг партии, а в 1926 г., через 8 лет после завоевания власти, сплачивать и воспитывать новые слои рабочего класса можно только на основе уверенности, что ты можешь строить социализм в уверенности, что твоя промышленность есть социалистическая промышленность, уверенности, что ты наступаешь на врага. Если по этим трем линиям есть обход, если ты слышишь сомнение в возможности строительства, если ты отменишь НЭП и не предлагаешь заменить его чем-нибудь другим, если ты считаешь что нэп только отступление, то ты сеешь пессимизм в среде рабочего класса; если ты не отвечаешь прямо, без экивок, без всяких виляний, что наша про-

мышленность есть социалистическая промышленность, то ты не воспитываешь, а дезорганизуешь рабочий класс морально и политически.

Я взял рабочий класс и его организацию и прямо вам сказал: да, действительно верно, что у нас обострились классовые отношения, хотя не в такой мере, как говорит новая оппозиция, но все же обострение классовых отношений есть и в городе и в деревне. Но из этого вытекает, что нужно удесятерить силы рабочего класса! Если же ты дезорганизуешь партию, переводишь ее на положение собрания фракций, позиций и группировок, если ты стоишь за ее непомерное разбухание, если ты комсомол ставишь перед партией и к нему апеллируешь, если ты сеешь неверие в строительство социализма в пролетариате, если не отвечаешь ясно на вопрос о госпромышленности, если ты внушаешь хотя бы косвенно мысль, что мы отступаем,—то этим ты рабочий класс не сплотишь вокруг партии и нашу партию не связываешь в один узел, а развязываешь этот узел, развязываешь партию, развязываешь дружную сеть, стоящую вокруг партии, развязываешь сеть из беспартийных рабочих, разматываешь этот узел, вместо того, чтобы его сматывать, ты бросаешь одну, две, три, четыре, пять гирек на чашу весов, находящихся в руках нашего классового противника, о росте которого ты сам же кричишь. Вот как нужно поставить вопрос.

Но, товарищи, диктатура пролетариата в нашей стране определяется не только тем, что происходит внутри самого рабочего класса. Диктатура пролетариата может быть крепче и слабее, она может быть тверже, может быть мягче, ее положение может быть лучше, может быть хуже, в зависимости от тех соотношений, которые существуют между рабочим классом и его возможными союзниками. Здесь я перехожу к другому вопросу. Если мы должны бороться с нашими буржуазными противниками, то совершенно естественно, что у нас должна быть более обостренной забота об использовании всех возможных наших союзников. Вот как нужно ставить вопрос с точки зрения стратегии классовой борьбы. Вот тут и возникает вопрос относительно правильности нашей политики по отношению к крестьянству. Эта политика вытекает опять-таки не из чего иного, как из основной расстановки сил нашего класса внутри нашей страны, из правильной классовой борьбы против кулака, растущего нэпмана, частного предпринимателя, частного торговца, а также из борьбы с международным капиталом. Значит, в этой борьбе возникает вопрос, как укрепить пролетарскую диктатуру, как максимально, наилучшим образом использовать всех наших возможных классовых союзников в деле классовой борьбы. И я утверждаю, что в этом вопросе оппозиция сделала целый ряд политических ошибок, политических промахов, что об'ективно она бросала гирьки не на чашу весов борющегося пролетариата, а на чашу весов противников пролетарского движения.

Я прежде всего скажу парочку слов относительно лозунга «равенство». Прежде всего тут нужна полная договоренность. Когда товарищи из оппозиции спрашивают нас: неужели вы против этого лозунга, неужели вы против того, чтобы Коммунистическая партия поставила на своем знамени равенство, то мы отвечаем: конечно, мы за равенство, и я вам говорю, что если бы наша партия отказалась от лозунга «равенство», нас нужно было бы всех перестрелять, потому что коммунизм есть равенство и борьба за коммунизм есть борьба за равенство. Мы есть Коммунистическая партия, партия коммунистического пролетариата, и нашей конечной целью, делом всей нашей жизни, таким делом, за которое мы все готовы лечь костьми, если это нужно будет, есть коммунизм, т.-е. экономическое равенство людей. Но, товарищи, тут нужно кое-что отличать. От такой постановки нужно отличать постановку вопроса о равенстве, как лозунге сегодняшнего дня. Тут нужно знать меру, нужно знать, когда что можно сказать.

Посмотрим, что главным образом выдвигают товарищи из оппозиции, как главную опасность, стоящую перед нами. Они выдвигают рост кулака. Хорошо, примем это положение. Правда, товарищи из оппозиции чрезмерно подчеркивают, чрезмерно переоценивают силы кулака, но все же это—одна из опасностей, стоящих теперь пред нами. Но, товарищи, что говорит кулак в деревне, когда он хочет подорвать влияние рабочей диктатуры? Он говорит: рабочий класс не равен с крестьянством, рабочие имеют голос от меньшего количества людей в Совет, а крестьянин—от большего, рабочий имеет социальное страхование и помощь безработным, крестьянин не имеет; рабочий имеет санатории, цусстрахи и прочее, крестьянин не имеет, рабочий имеет восьмичасовой рабочий день, крестьянин не имеет; нет равенства между рабочим классом и крестьянством. И это верно—его действительно нет.

Можем мы сейчас установить политическое равенство, т.-е. всем дать одинаковое право голоса без различия классов? Это значило бы перейти на точку зрения учредительного собрания, это означало бы перейти на точку зрения политической демократии и перевернуть соотношения между рабочим классом и крестьянством, т.-е. поставить крестьянство вперед, а рабочий класс оставить позади, ибо крестьянства большинство. Если бы мы сейчас перевернули соотношение между рабочим классом и крестьянством, это означало бы уничтожение диктатуры рабочего класса внутри страны Вот что это бы означало! Поэтому нужно двадцать тысяч раз подумать раньше, чем в обстановке, когда главный лозунг кулака—лозунг, каким он думает поймать середняка и перевести его на свою сторону—это как раз указание на неравенство между двумя основными классами, в такой обстановке выдвигать лозунг «равенство» — это значит пробивать брешь в пролетарской диктатуре и прокладывать дорожку к перевесу крестьянства, как большинства, над рабочим классом, как меньшинством, господствующим в нашей стране.

Когда мне здесь говорят против равенства, то это чепуха, потому что в той политической обстановке, в которой мы живем, мы неравенство между рабочим классом и крестьянством в данную минуту уничтожить не можем, ибо мы должны сохранить и обеспечить руководящую роль пролетарского авангарда.

Постепенно, по мере улучшения нашего хозяйства, по мере успеха и роста социалистических элементов в нашем хозяйстве, по мере кооперирования и электрификации, мы будем уничтожать это неравенство, мы будем постепенно расширять круг избирателей, постепенно будем разницу между рабочим классом и крестьянством стирать. Но, повторяю, все это возможно лишь постепенно, это исторический процесс, рассчитанный на целую эпоху в развитии нашего общества.

Теперь второе. Товарищи, разве вы не знаете, что и в городе нэпман и часть служилой интеллигенции тоже требуют себе политического равенства, и в этом политическом равенстве они стремятся опереться на мелкобуржуазные элементы города и деревни. Они поэтому и считают смычку с крестьянством, помимо нас и в обход нас, для себя необходимой; их главным лозунгом является лозунг «равенство». Если мы в такой обстановке будем поддерживать этот лозунг, то мы, желая сделать очень много добра, т.-е. сказать, что мы—коммунисты, мы за равенство, мы за установление того или другого,—на самом деле будем делать зло и поможем борьбе против действительного равенства коммунизма, ибо мы будем подрывать об'ективно дело пролетарской диктатуры. Ведь сейчас вся страна читает все то, о чем мы говорим ,каждый знает этот лозунг «равенство»; это читает и крестьянин, но как он его понимает? Вы думаете, что крестьянин, когда «равенство» выдвигается, как очередной лозунг, понимает это таким образом, что нужно уменьшить плату спецам и приблизить их к рабочему? Ничего подобного! Он понимает это так, что это значит сравнять мужика и рабочего. Всегда своя рубашка ближе к телу, каждый класс в первую очередь думает о себе. У нас в стране громаднейшее большинство составляет крестьянство, и именно поэтому политически неправильно выбрасывать, как очередной лозунг, «равенство». Шел в комнату, а попал в другую, хотел защищать равенство, а подрываешь пролетарскую диктатуру, бросаешь гирю на весы кулака, который под этим лозунгом хочет натравить крестьянина на рабочего и уменьшить силу рабочего класса. Вот это реально представляет собой вся эта история. Значит, ты этим лозунгом не сплачиваешь силы рабочего класса и не сплачиваешь рабоче-крестьянский блок. Этим лозунгом ты его дезорганизуешь.

Пункт второй. Рабоче-крестьянский блок есть одно из главных орудий, обеспечивающих мощь пролетарской диктатуры. Вы, товарищи, отлично знаете—этого не нужно рассусоливать,—что большинство крестьянства составляют крестьяне-середняки. Ясное дело, что союз рабочего класса с крестьянством не может пройти мимо этой основной массы крестьянства, так как в таком

случае это не будет союза рабочего класса с крестьянством, это не будет тем, что поддерживает силу пролетарской диктатуры.

Большинство членов Центрального Комитета старого состава и большинство партийного с'езда считали и считают, что ось нашей политики—прочный союз с середняками. Мы должны не просто успокаивать середняцкую массу, не говорить просто об ее нейтрализации, а мы должны налаживать прочный союз с нею и тем самым мы укрепим дело пролетарской диктатуры. Это основная генеральная линия, это самый крупный по числу союзник, и поэтому самую большую гирю на наших весах, на нашей чашке, на нашей стороне составляет эта основная масса крестьянства. Близко к нам стоит другой слой — батраки, которые являются частью нашего класса, хотя и менее сознательной. Беднота—это наша опора в деревне, она полу-мелкобуржуазна и мелкобуржуазна, даже мельчайше буржуазна, это собственники, которые совсем близко стоят к пролетариату, это мельчайшие собственники, которые самым тесным образом примыкают к пролетариату и очень часто являются полу-пролетариями. Они являются нашей опорой, но в то же время основную массу крестьянства, с которым пролетарская диктатура должна быть в союзе, в прочном союзе, основную массу, глыбу, массив, самое ядро, составляют крестьяне-середняки. Ставить вопрос о политике в деревне в обход крестьянина-середняка нельзя. Называть это середняцким большевизмом, как называл его Вардин—нелепо, считать это середняцким социализмом типа Маруси Спиридоновой—это значит совсем потерять голову, ибо позиция левых эсэров, середняцкий социализм Маруси Спиридоновой, заключались в том, что они середняцкое крестьянство ставили впереди пролетариата, а мы пролетариат ставим впереди середняцкого крестьянства, вот эта маленькая перестановка в руководящих силах, это и есть самое главное. Кто кого ведет, кто стоит впереди и кто позади? Но товарищи из новой оппозиции путаются сами и путают других.

В связи с тем, что товарищи из новой оппозиции недооценивают середняка, недооценивают середняцкую кооперацию, нужно вспомнить о том, что об этом писал тов. Ленин. Он говорил, что нужно строить социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог принимать участие в этом строительстве.—Это писал Ленин. Казалось бы, товарищи, это совершенно не по-марксистки и глупо, как это крестьянин будет принимать участие в строительстве социализма: он — не пролетарий, он — мелкий собственник, он — ни на каплю не социалист. Совершенно верно. Но задача нашей партии и рабочего класса в том и состоит, чтобы развитие крестьянства поставить в такие условия и рамки, в которых этот мелкий собственник, не-социалист, этот индивидуальный частный хозяин оказался бы втянутым в участие в социалистическом строительстве. Это—задача гораздо более трудная, чем взять известную группу рабочего класса и сказать: вот социализм, нужно его строить. Конечно, трудное дело заставить кре-

стьянство строить социализм. Это другой класс, с другой психологией, но трудность этой задачи вовсе не означает ее неразрешимость. У нас большинство населения крестьянство, и мы согласны, мы поддерживаем, мы подписываемся обеими руками под кооперативным планом тов. Ленина, который заявил, что если под руководством нашей государственной социалистической промышленности мы будем кооперировать крестьянство, если мы будем вести здесь правильную политику, то возможно, что это крестьянство, несмотря на то, что процесс диференциации, расслоения, в основной своей массе частично будет обостряться, будет итти через кооперацию помимо капиталистического развития.

Товарищи, я не могу здесь долго эту тему развивать, тех из вас, кто интересуется этим вопросом, я отсылаю к другим своим выступлениям, в Выборгском районе, на собрании московского актива, в которых я этот вопрос подробно развивал.

Во всяком случае сейчас нам важно установить, что всякий, кто недооценивает, не понимает существеннейшего основного значения вопроса нашей деревенской политики, тот не понимает необходимости сплочения вокруг пролетариата этого по численности основного союзника пролетариата, и тот бросает точно также гирьку на чашку весов наших противников.

Я теперь перехожу к другим двум вопросам, по поводу которых велись ожесточеннейшие прения, и по поводу которых немало было поломано копий на партийном с'езде. Это—вопрос о том, как сплачивать бедняка, как помогать ему, и вопрос о том, как бороться с кулаком. Я должен, товарищи, предварительно сказать следующее: я читал почти все речи, которые были произнесены у вас на районных конференциях не чрезвычайного характера, хотя по своему значению они-то и были чрезвычайными, и затем более или менее следил за тем, что писалось в «Ленинградской Правде», и что говорилось среди оппозиционных товарищей и во время и после партийного с'езда. Так вот очень часто сторонники большинства Центрального Комитета и подавляющего большинства партии теперь обвиняются в том, что у них есть стремление затушевать классовую борьбу в деревне. Так об этом неоднократно прямо говорилось, так об этом писалось, так об этом кричали.

Я, товарищи, напомню вам слова Владимира Ильича о том, что тот, кто верит одним словам, тот безнадежный идиот. Я пригласил бы всех товарищей, которые хотят выяснить, как это было на самом деле, просмотреть наши выступления. В интересах дела, я предложил бы посмотреть, что писала и говорила по этому поводу и моя скромная персона, потому что я буквально, со всех сторон, особенно в вашем районе, был обвешан дохлыми собаками. (Смех). И вот я вам говорю, что решительно во всех без исключения выступлениях, которые касались вопросов нашей политики, я подчеркивал, что у нас в ближайшее время классовая борьба в деревне будет, безусловно, обостряться. И это

ясно для каждого мало-мальски разумного человека, потому что решения партийной XIV конференции, в целях развязывания общего товарооборота, дали возможность развязать и силы верхушки деревни и, совершенно ясно, из этого вытакет и то, что классовая борьба будет обостряться, и, конечно, было бы абсолютным идиотизмом ставить вопрос о том—на чьей стороне мы в этой борьбе будем, на стороне ли кулака, или на стороне бедноты и середняка. Какой, не сошедший с ума, человек может сомневаться в том, на чьей стороне мы будем. Так что, это обвинение, которое бросалось по нашему адресу, является прямой клеветой, клеветой в печати и клеветой устного характера. Но вопрос-то сам вовсе не решается так просто, как это кажется некоторым нашим друзьям из новой оппозиции.

Вот я беру вопрос о том, как помогать бедноте. Нужно стоять на ее стороне — никто об этом не спорит. Нужно помогать ей, в особенности теперь, когда классовая борьба обостряется—это совершенно верно. Но вопрос заключается в том, как помогать. Вы знаете, что пленум Центрального Комитета, который подготовлял свои решения задолго до нашей дискуссии, определил две главных формы помощи, выдвинул два главных мероприятия. Это вопрос о создании соответствующего денежного фонда и вопрос об организации групп бедноты. Вот что предлагалось нами, и это было принято всеми. Инициатором этих предложений был тов. Молотов, а не т.т. Зиновьев, Каменев, Крупская и Сокольников. Я спрашиваю сторонников оппозиции, когда они возражают против нас, а что они предлагают в деле помощи бедноте, кроме того, что предлагаем мы? Держите их, товарищи, за пуговицу, не отставайте от них до тех пор, пока они не скажут, что они практически предлагают, не отпускайте их до тех пор, пока они что-нибудь не выдумают, потому что кричать можно сколько угодно, а выдумать что-нибудь настоящее, для этого нужно нечто большее, чем крик.

Я, товарищи, говорил на двух собраниях и на сегодняшнем собрании скажу, что нельзя кормить народ обещаниями, которых не выполнишь, нельзя надувать публику и развращать ее и подрывать доверие к себе. Я говорил, что некоторые наши ленинградские цекисты швыряются лозунгами, вытащат из кармана 20 лозунгов на один предмет и швыряются ими. Это напоминает доброго барина. Приехал добрый барин и говорит: «я дам лошадь безлошадному, невесту жениху, нос безносому, глаза безглазому, штаны—бесштанному». А вот вопрос—откуда ты все это возьмешь? Придут безносые и скажут — давай носы, а откуда носы взять, откуда штаны взять? На партийном с'езде один товарищ сказал т. Зиновьеву, что на местах безлошадные приходят и говорят—давай лошадь, а откуда же взять лошадь? Вот если бы они сказали—откуда взять деньги на получение этой лошади—тогда другое дело. Да, мы должны стремиться к тому, чтобы у каждого безлошадного была лошадь, чтобы беднота имела тракторы, чтобы было коллективное хозяйство. Да, мы

должны держать на это курс, но мы должны лучше меньше обещать, но выполнить, чем накричать и надуть, потому что обещать и не выполнить, значит надуть.

Мы считаем, что весь вопрос о помощи бедноте упирается сейчас в изыскание средств и ресурсов и в получении денег. И вот начинается вся музыка, как это сделать, из чего помогать бедноте. Должны ли мы все сделать, чтобы ей помочь? Должны, но мы для этого должны еще покумекать, откуда возьмем для этого средства. Мы очень много должны сделать. У нас безграмотность, нужны школы, откуда достать средства? У нас наша промышленность не может справиться со спросом на продукты промышленности. Откуда достать добавочные ресурсы, откуда взять деньги на ее развертывание? Заграничные капиталисты нам денег не дают. Международная революция еще не победила, а жить нужно, нужно двигаться, нужно строить социализм и нужно помогать бедноте. Это наше совершенно ясное желание, и на это мы должны собрать всю свою волю. Но что для этого нужно сделать? Для этого мы придумали на XIV Партконференции развязывание товарооборота, ускорение товарооборота по всей стране. Благодаря ускоренному товарообороту, более быстрому накоплению капиталов в наших руках, явится возможность получить добавочные средства через налоговое обложение и целый ряд других каналов. Когда на XIV Партконференции мы стали уничтожать остатки военного коммунизма в деревне, то мы стали делать это для того, чтобы развязать товарные отношения дальше.

Уничтожая остатки военного коммунизма в деревне, увеличив товарность сельского хозяйства вообще и середняцкого в первую голову, мы этим самым путем оживляем оборот товаров и капиталов во всей нашей стране и в нашей промышленности. Быстро оборачивать, быстро поэтому получать прибыль, быстро поэтому накапливать, быстро поэтому увеличивать доходные сметы нашего бюджета и больше иметь денег в своих руках, и из этого источника реально, на деле, в действительности помогать бедноте—вот как мы ставили вопрос. Мы считаем сейчас, что мы выросли из тех детских пеленок, когда кричат, что нужно помочь и не знают, как это сделать. Нужно практически поставить вопрос, откуда взять деньги. Теперь все считается на деньги, и всякая помощь определяется тем—сколько червонцев дашь на это дело. Потому что, если трактором помогаешь, то ты должен его купить, если плугом помогаешь, то должен его купить, если бороной помогаешь, нужно ее купить, если лошадью помогаешь—должен ее купить.

Вот сейчас какой прозаический счет. И нам нужно понимать, что к этому сейчас сводится все дело. И поэтому, когда мы ставим вопрос об источниках, из которых мы будем помогать бедноте, мы говорим об основных источниках, которые имеются в нашей стране, и которые заключаются в том, чтобы ускорить обороты в стране, чтобы ускорить обороты наших капиталов,

и по возможности на путях налогового обложения получить определенные налоговые суммы, для того, чтобы из этого черпать. И еще есть один источник, из которого мы будем черпать. Хотя о нем еще мало пока говорилось. Этот источник заключается в следующем: повысив доверие крестьян к нашей кооперации, уничтожив там растраты и всяческое воровство, ведя эту кооперацию на основе действительного добровольчества и обеспечив отчетность кооперативных органов, мы добьемся того, что большое количество крестьян понесет туда свои вклады, а вклады эти мы сосредоточим в наших банковских органах, для того, чтобы иметь возможность ими маневрировать, и из полученных таким образом ресурсов помогать бедноте. Конечно, прежде всего, нужно обеспечить возможность для вкладчиков вынимать во всякое время свои вклады; но, во всяком случае, у нас будет возможность маневрировать этими вкладами. Вот это не визг, не крик, не возгласы истошным голосом, не истерика, а деловая постановка вопроса. Вот как можно будет помочь бедноте.

А если беднота будет в плохом положении, а кулак в хорошем, то он будет на нее наступать, он местами уже и наступает, хотя не в той мере, как кричала об этом оппозиция. Теперь возникает вопрос о том, как нам бороться с кулаком. Мне приходится сейчас об'яснять очень элементарные вещи, но что же делать, если у вас, в Ленинграде, некоторые простые истины забывались. Чем для нас опасен кулак? Пускай над этим вопросом подумают те, кто живет в деревне, и те, кто с деревней так или иначе связан. Почему кулак становится для нас опасным? Он становится опасным не сам по себе, а потому, что он использует свою хозяйственную связь с середняком, а иногда и с бедняком в свою пользу. Например: он дает им кредит, тогда как государственные и кооперативные организации этого кредита не дают. Правда, он за это дерет семь шкур с крестьянина, но все же дает. Иногда же частный торговец, скупщик оказываются ловчее, оборотистее, чем наши государственные и кооперативные органы; частные торговцы иногда имеют хозяйственную смычку с крестьянином-середняком, а подчас и с бедняком. А когда происходила кампания перевыборов в наши советы, то кулаки говорили: вот ваши коммунисты там растратили, там разворовали, там напакостили, а я вам кредит даю, правда, за это по-божески процент с вас взял, но все же дал кредит. В другом месте у кулаков галоши оказались, они их продавали в то время, когда в кооперации их не было. Вот, таким образом кулак и имеет хозяйственную смычку с середняком и иногда и с бедняком, а в результате, когда происходило голосование, они голосовали за кулака.

Товарищи из оппозиции говорят: смотрите, кулак проникает в советы. Правильно,—проникает. Опасно ли это? Да, опасно, но не в такой уж мере, потому что разве уже так много крестьян голосовало за кулака, разве уж так много прошло в советы

кулаков? Нет, не так уж много. Если считать на круг, то 96% крестьян стоят против них. А кто провел кулака? Его середняк провел, провел потому, что дорогие товарищи коммунисты забыли о середняке, потому что они не сумели наладить смычку с середняком, потому что они торговали хуже, чем торгует кулак, потому что они давали кредит меньше, чем кулак, потому что они на выборах в советы не могли противопоставить свою смычку с середняком смычке кулака с середняком. Вот поэтому кулак в некоторых местах стал гегемоном, руководителем середняка, а коммунисты сели в лужу.

Чем опасен кулак для нас? В первую очередь, тем, что он может вести за собою середняка. А это значит, что главное средство борьбы с кулаком это есть борьба за влияние на середняка. И когда, поэтому, ваши бывшие оппозиционеры приходили и говорили, что мы проповедуем борьбу за середняка, а они, мол, стоят за борьбу с кулаком, то что же здесь получается,—это же дикий, зеленый ужас (смех), потому что нельзя вести борьбу с кулаком, не отвоевывая от него середняка. Кто знает деревню, для того это—азбучная истина. Кто будет сомневаться в том, что если мы провороним середняка, то мы отдадим его в руки кулака, а это значит, что мы окажем стопроцентную услугу, не ленинскую, конечно, услугу кулаку, этому вампиру, кровопийце и т. д., и т. д.

Вот как обстоит дело с кулаком, если, действительно, подойти к нему с трезвым учетом. Здесь нужно не кричать, не визжать, не вопить истошным голосом, не впадать в истерику, а нужно трезво посмотреть, какими силами, какими средствами борьбы нам бороться с этим, как расположить нашу стратегию, как расставить наши пушки.

Вот как стоит вопрос относительно борьбы с кулаком.

Я не могу касаться целого ряда других вещей, мы потом об этом сможем поговорить на губернской партконференции, где мне придется делать доклад, и где я буду касаться еще более подробно всех этих вопросов. Но вы видите, что дело обстоит совсем не так просто, как говорили товарищи Вардины, Сафаровы и прочие.

Эти товарищи ругали нас во все корки. Мы эту ругань им простим, но за политическую линию нашей партии, за проведение решений нашего партс'езда мы будем бороться.

Мы различаем спокойную политику и истошную истерику, мы видим разницу между мужественной борьбой и между егозливой паникой, которая заставляет людей терять голову, заставляет не понимать, что к чему и отчего. Так нельзя вести дело, так нельзя воспитывать партию.

Вот теперь посмотрите, товарищи, на нашу страну с точки зрения расположения классовых сил. Кулак идет вперед, мы идем вперед, частный капитал идет вперед, мы идем вперед, между нами находится среднее крестьянство и крестьянская беднота. Затем идет пролетариат, беспартийные рабочие, комсо-

мол, профсоюзы и партия. Как правильно нам сейчас наметить линию и как правильно вести борьбу? Нам нужно укреплять все силы пролетариата. Для этого нужно укрепить все силы партии. Мы их укрепляем. Но вот новая оппозиция партию дезорганизует. Что для укрепления рабочего класса нужно? Для этого нужно, чтобы у нас был правильный подход к комсомолу, чтобы у нас было правильное соотношение между классами.

Но оппозиция дезорганизует и по этой линии. Нужно сплачивать силы пролетариата вокруг всей партии. Для этого нужно итти по пути социализма. Нужно смотреть на нашу государственную промышленность, как на промышленность социалистическую. Нужно не видет в нэп'е только отступление, нужно обратное. С точки зрения борьбы с противником, мы должны об'единить вокруг себя союзников и, первую очередь, середняка. Оппозиция этого не делает, не понимает значения середняка. Для правильного соотношения классов и для укрепления нашей партии нам необходимо обратить серьезное внимание как на рабочий класс, так и на крестьянство, и в первую очередь нужно бороться за середняка, иначе его сможет захватить кулак. Мы боремся за то, чтобы на стороне рабочего класса был максимум, т.-е., чтобы было наибольшее количество со стороны пролетариата сил, втянутых в ряды нашей партии, чтобы у нас было, повторяю, правильное соотношение с комсомолом, правильное соотношение с беспартийными, чтобы было сплочение всех сил пролетариата и полное использование всех наших союзников. Кто этого не делает, тот бросает гирьку на чашу весов кулака, против которого сам кричит.—Вот как нужно ставить вопрос с точки зрения механики классовой борьбы.

Товарищи, в заключение я должен сказать, что наш противник в особенности становится опасным, когда у нас имеются хозяйственные затруднения, а они у нас есть сейчас, имейте это в виду. Когда имеются хозяйственные затруднения, необходимо для всей партии иметь особенно дружную и особенно правильную политическую линию. Здесь ни капли нельзя поддаваться, подмазываться к людям с неправильной политикой или подмазываться к требованиям, которые идут со стороны беспартийных и которые могут иногда оказаться неправильными. Нужно иметь четкую линию, нужно за нее бороться и нужно иметь мужество, чтобы это делать. При тех экономических затруднениях, которые сейчас есть, кулак может больше выиграть, чем обычно, частный капиталист может больше выиграть, чем обычно, этому надо противопоставить проведение правильных решений нашего с'езда и этому нужно особенно противопоставить абсолютную дружность нашей партийной организации.

Я кончаю тем же, с чего начал, возвращаюсь через большой круг к тому, что я сказал вначале. Основным в механике борющихся классовых сил является наша партия. Если эта крепость рабочего класса даст трещину, то мы не в состоянии будем вести правильную политику, и мы трижды не в состоянии будем выйти

из сравнительно тяжелого хозяйственного положения, в котором мы теперь временно находимся. Это есть известная рябь на фоне общего роста, но рябь, с которой мы должны считаться, которую мы должны преодолеть.

Я повторяю еще раз—нам нужна такая дружность в нашей работе, которая была бы не дружностью «страха ради иудейска», а была бы такой дружностью, которая основана на полном, горячем внутреннем убеждении в верности политической линии нашего партийного с'езда, в ее правоте, в ее правильности. Это обеспечивает не только простое пребывание в рамках партии, но и горячее, настоящее пролетарское отношение к делу партии.

Мы, товарищи, все должны исполнять свой долг, также как исполнили свой долг два наших дипломатических курьера, на которых напали и которых застали врасплох, которые спали, и которые все-таки нашу дипломатическую тайну сохранили и двух противников убили при потере одного,—так нужно действовать, так нужно относиться к нашему партийному общесоветскому добру. Мы не патриоты капиталистического отечества, мы не патриоты какой-либо одной нации, но мы должны быть, мы были, мы есть и мы будем самыми горячими пламенными патриотами нашей партии. (Бурные аплодисменты, все встают и продолжают аплодировать).

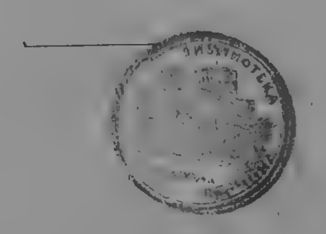
СОДЕРЖАНИЕ.

ДОКЛАД НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП (б).

Стр.

ДОКЛАД НА 9-ой ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА.

ДОКЛАД НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКО-НАРВСКОГО РАЙОНА.

Цена 40 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Проспект 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Тел. 5-45-77.

Москва: Московское отделен. издательства „ПРИБОЙ". Лубянский пассаж, №№ 46—49. Тел. 2-24-09.

